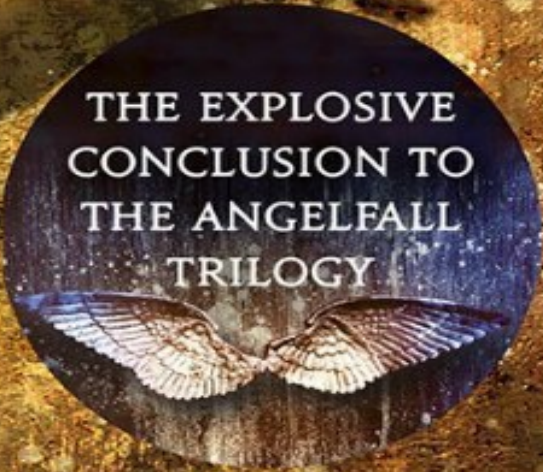

КОНЕЦ ВРЕМЕНИ

THE EXPLOSIVE
CONCLUSION TO
THE ANGEFALL
TRILOGY

СЬЮЗЕН И
VK.COM/YOUNGADULTFICTION

"Конец Времен" — напряженный финал трилогии-бестселлера Сьюзен И "Пенрин и последние дни". Рискую жизнью, Раффи и Пенрин спасаются от ангелов и пускаются в бег. Оба отчаянно желают найти доктора, который поможет обратить ужасы, причиненные Раффи и сестре Пенрин. В ходе поисков ответов на вопросы раскрываются ошеломляющие подробности о прошлом Раффи, а в процессе высвобождаются темные силы, от которых могут пострадать все. Ангелы напускают апокалиптический кошмар на людей, и обе стороны готовятся к войне. При условии формирования необычных союзов и меняющихся стратегий, кто выйдет победителем? Вынужденные определяться со сторонами в битве за господство над земным миром, Раффи и Пенрин должны выбрать собственный вид или друг друга.

Съюзен И
Конец времен

Мы летим — люди разбегаются.

Бросятся наутек, стоит им завидеть огромную тень нашего роя.

Под нами обугленный, разрушенный и в основном заброшенный город. Сан-Франциско с его трамвайчиками и именитыми ресторанами прежде считался одним из красивейших мегаполисов мира. Раньше туристы бродили вдоль Рыбацкой пристани и толпились на тесных улочках Китайского квартала.

Теперь оставшиеся в живых заросли грязью, дерутся за объедки и пристают к перепуганным до смерти женщинам. Они спешат укрыться в тени, едва замечают нас. Лишь немногие, глубоко отчаявшиеся люди, остаются на открытом пространстве. Они надеются сбежать от членов уличных группировок за секунды нашего полета над их головами.

Там, внизу, над распластанным телом мужчины склонилась девочка. Она едва ли нас видит, либо ей уже все равно. Периодически я замечаю какой-то блеск в оконных проемах, а значит, кто-то провожает нас взглядом сквозь окуляры биноклей и прицелов винтовок.

Должно быть, мы то еще зрелище. Туча хвостатой саранчи размером с человека, заслонившая небеса.

И посреди этого скопища — демон с гигантскими крыльями, прихвативший с собой девчонку-подростка. По крайней мере, любой, кому невдомек, что Раффи вообще-то архангел с чужими крыльями за спиной, примет его за демона.

А девушку, которую он прижимает к себе, вероятно, считают жертвой похищения. Откуда им знать, что мне безопасно в этих руках; что я прячу лицо на его шее, потому что мне нравится ощущать его теплую кожу своей.

— Мы, люди, всегда кажемся такими с высоты? — спрашиваю я.

Он отвечает. Я чувствую вибрацию его гортани и вижу, как он шевелит губами, но не могу расслышать ни слова, виной тому оглушающий стрекот целого роя саранчи.

Возможно, моя «глухота» не так уж плоха. Возможно, ангелам мы кажемся тараканами, мечущимися от одной тени к другой.

Но никакие мы не тараканы, не обезьянки и не монстры, неважно, что там себе вообразили эти ангелы. Мы были людьми и людьми остаемся. По крайней мере, снаружи.

Я все-таки в это верю.

Взгляд падает на мою шитую-перешитую сестру, летящую рядом с нами. Мне по-прежнему приходится напоминать себе, что Пейдж все та же девочка, которую я любила. Ну хорошо, быть может, парочка отличий есть.

Она восседает на сморщенном теле Велиала, которого, словно паланкин, удерживают в небе несколько скорпионов. Он весь в крови и кажется давно ушедшим в мир иной, но я-то в курсе, что он жив. Велиал заслужил свою участь, но где-то внутри меня еще остается часть, одуряющая от первобытной жестокости происходящего.

Прямо по курсу серый скалистый остров, окруженный водами залива Сан-Франциско. Пресловутая тюрьма Алькатрас. А над ней кружит саранча. Это малая часть огромного роя, не прилетевшая на пляж пару часов назад, когда Пейдж попросила о помощи.

Я указываю на остров позади Алькатраса. Он больше и зеленее, и на нем не видно ни одного здания. Я больше чем уверена, это Ангел. Но название не влияет на мой выбор, сейчас любое место даст фору Алькатрасу. Не хочу, чтобы Пейдж бегала по этой

дьявольской каменюке.

Мы резко меняем траекторию, огибаем рой и направляемся в сторону более крупного острова.

Я жестом прошу Пейдж следовать за нами. Скорпионы, вцепившиеся в Велиала, и ближайšie к ним особи остаются рядом, остальные присоединяются к саранче, кружащей над Алькатрасом, образуя огромную черную воронку над зданием тюрьмы. Некоторые кажутся сбитыми с толку, поначалу они устремляются за нами, но после поворачивают к Алькатрасу, словно вынуждены сохранять целостность роя.

Лишь единицы остаются с нами, в то время как мы парим над островом Ангел, разведывая обстановку на суше.

Лучи восходящего солнца подчеркивают изумрудные кроны деревьев, окруженных водами залива. С этого ракурса на горизонте за Алькатрасом вырисовывается масштабная панорама Сан-Франциско. Должно быть, в былые времена от этого вида захватывало дух. Теперь же город больше похож на неровный ряд сломанных зубьев.

Мы приземляемся у кромки воды на востоке острова. Цунами оставили на пляже груды кирпичей, а на одной из сторон холма — кучу поваленных деревьев, в то время как остальная часть острова практически нетронута.

Едва мы касаемся земли, Раффи меня отпускает. Если верить физическим ощущениям, мы летели сюда год. Мои руки буквально примерзли к его плечам, ног я вообще не чувствую. Саранча спотыкается, приземляясь вокруг нас, похоже, у них ровно те же проблемы.

Раффи потягивает шею и встряхивает руками. Кожистые крылья складываются и исчезают за его спиной. На нем по-прежнему маска с вечеринки, устроенной в обители и обернувшейся кровавой бойней. Она насыщенно-красного цвета с вкраплениями серебра и за исключением рта целиком закрывает лицо.

— Так и будешь ее носить? — Я шевелю пальцами, разгоняя кровь. — Выглядишь красной смертью на демонических крыльях.

— Прекрасно. Так и должен выглядеть каждый ангел. — Он продолжает разминать мышцы круговыми движениями плеч. Полагаю, нелегко нести на себе кого-то нескольких часов. Несмотря на свою гимнастику, Раффи настороже, его глаза продолжают изучать наше до жути тихое окружение.

Я подтягиваю ремень на своем плече, чтобы меч, замаскированный под плюшевого медведя, оказался на уровне тазовой кости, так я смогу оперативно его извлечь. Следующее, что я делаю, шагаю к своей сестре, чтобы помочь ей спуститься с Велиала. Но стоит мне приблизиться к Пейдж, саранча начинает шипеть, угрожая своими жалами.

С колотящимся сердцем я застываю на месте.

Раффи тут же появляется за моей спиной.

— Пусть она сама к тебе подойдет, — говорит он чуть слышно.

Пейдж слезает с Велиала и поглаживает саранчу своей маленькой ладошкой.

— Тише, все в порядке. Это Пенрин.

Не устаю удивляться тому, что эти монстры послушны моей младшей сестре. Молчаливая перепалка длится еще пару секунд, а затем под приглушенный и нежный мотив, затянутый Пейдж, саранча опускает свои жала. Я выдыхаю, и мы пятимся назад, позволяя Пейдж успокоить своих питомцев.

Она наклоняется, чтобы подобрать отрезанные крылья Раффи. Все это время Пейдж лежала на них. Испачканные перья выглядят помятыми, но в ее руках начинают пушиться.

Не могу упрекнуть Раффи за желание отрезать свои крылья у Велиала до того, как саранча высушит их вместе с демоном, но хотела бы я, чтобы этой нужды не возникло. Теперь нам придется искать доктора, который успеет пришить их Раффи прежде, чем крылья увянут.

Мы проходим по пляжу и видим пару лодок, привязанных к дереву. Похоже, на острове кто-то есть.

Раффи жестом велит нам спрятаться, а сам поднимается по склону.

По-видимому, на этой стороне холма прежде было немало домов. На нижнем уровне от них остались лишь бетонные фундаменты, заваленные сломанными досками в мокрых и соляных разводах. Но на вершине несколько заколоченных зданий все еще целы.

Мы быстро забегаем за ближайшее здание, похожее на хижину или сарай по своим габаритам. Это строение, как и другие, заколочено досками, покрытыми белой краской. И, как мне кажется, сделали это задолго до Великой Атаки.

Все это место смахивает на город призраков, но из общей картины выбивается дом на макушке холма, с которого виден залив целиком. Абсолютно невредимый, в викторианском стиле, обнесенный белой оградой. Он один похож на семейный особняк, только в нем теплится жизнь.

Как по мне, нам ничто не грозит, саранча напугает любого. Тем не менее, я остаюсь в укрытии и наблюдаю за тем, как Раффи отталкивается от земли и взлетает к вершине холма, а затем подбирается к дому, прячась за деревьями и бараками.

Когда он достигает цели, тишину разбивают выстрелы.

Раффи прижимается к стене.

— Мы не хотим причинять вам вреда, — кричит он.

В ответ раздается еще один выстрел из окна наверху. Я вздрагиваю, нервы натянуты до предела.

— Я слышу вашу болтовню, — продолжает кричать Раффи.

Он думает мы глухие? Наверное, по сравнению с ангелами, самые что ни на есть.

— И ответ — нет. Сомневаюсь, что мои крылья сопоставимы по цене с ангельскими. У вас нет ни малейшего шанса меня одолеть, так что хватит тешить себя надеждами. Все, что нам нужно — дом. Будьте умнее — уйдите.

Входная дверь распаивается настежь. На улице появляются три плотных мужчины, они целятся из винтовок в разные стороны, не уверенные в том, где именно притаился враг.

Раффи взлетает, и саранча берет с него пример. Он рассекает воздух более чем впечатляющими крыльями, одним своим видом внушая страх, а после скрывается из виду, приземляясь за домом.

Саранча с жалами наготове устремляется в том же направлении, то пикируя вниз, то взмывая над макушками деревьев.

Мужчины обращаются в бегство сразу, как только понимают, чему планировали противостоять. Они несутся меж деревьев подальше от саранчи, огибают валун и бросаются в сторону пляжа.

Стоит мужчинам удрать, как из дома, словно побитая собака, выбегает женщина. Она припускает в противоположном от беглецов направлении, постоянно оглядываясь, чтобы проверить, где они есть, и, кажется, бежит от них, а не от крылатых созданий.

Женщина исчезает за холмами позади дома, в то время как мужчины отвязывают лодки и отплывают от берега.

Раффи обходит особняк по периметру, а после прислушивается, замерев напротив фасада. Он машет нам рукой, приглашая подняться на холм, а сам скрывается в доме.

К тому моменту, как мы достигаем Викторианца, Раффи кричит:

— Всё чисто!

Я кладу руку на плечо Пейдж, и мы вместе проходим во двор через калитку. Она прижимает к себе пушистые крылья Раффи, будто детское одеяльце, в поисках уверенности и ощущения безопасности, глядя на дом, широко распахнув глаза. На крыльце особняка бежевого цвета с красно-коричневой отделкой расставлена плетеная мебель. Он очень похож на кукольный домик.

Один из скорпионов сбрасывает Велиала на землю рядом с оградой. И тот остается лежать, словно кусок мяса. Его мускулистое тело по цвету и текстуре теперь похоже на сушеную говядину, а раны, нанесенные Пейдж, выгрызавшей куски плоти с лица и рук Велиала, по-прежнему кровоточат. Он выглядит ничтожным и жалким, но это первая жертва саранчи, которую мне не жаль.

— Что будем делать с Велиалом? — спрашиваю я Раффи.

— Я о нем позабочусь.

Раффи спускается с крыльца и направляется к нам.

Учитывая, сколько зла натворил Велиал, мне трудно понять, почему Раффи просто

отрезал свои крылья, оставив его в живых. Быть может, он полагал, что того убьет саранча или нападение Пейдж в обители окажется для демона смертельным. Но даже сейчас, по прошествии нескольких часов, Раффи, кажется, не намерен его прикончить.

— Пейдж, пойдём.

Мы с сестрой поднимаемся по ступеням и проходим в дом.

Я готова была к пылице и грязи, но внутри на удивление мило. Похоже, гостиная прежде являлась выставочным залом. В углу я вижу женские платья начала 19-го столетия, а вблизи — составленные в ряд латунные стойки с музейными канатами: беречь экспозицию больше не от кого.

Пейдж, озираясь по сторонам, проходит к окну. По ту сторону треснутого стекла Раффи тащит Велиала к калитке. Он бросает его на землю и скрывается за домом. Велиал выглядит мертвым, но я знаю, что это не так. Ужаленные скорпионом остаются в сознании, но паралич настолько глубок, что несчастных легко списать со счетов. Такова кошмарная участь жертв саранчи.

— Пойдём осмотрим другие помещения, — предлагаю я Пейдж, но она, забывая моргать, продолжает глядеть в окно на сморщенное тело Велиала.

Снаружи снова появляется Раффи, в его руках груда ржавых цепей. Обматывая ими Велиала, он производит довольно жуткое впечатление: формирует петли на шее, столбе ограды и бедрах демона, а затем скрепляет их в центре его груди и защёлкает замок.

Не знай я Раффи так хорошо, пришла бы сейчас в ужас. Разделяваясь с беспомощным демоном, со стороны он кажется жестоким и безжалостным.

Странно, что именно Велиал привлекает мое внимание. Есть в нём, закованном в цепи, что-то такое. Нечто знакомое.

Я отмахиваюсь от этих мыслей. Должно быть, я настолько вымотана, что уже начинаю бредить.

Жаворонком меня не назовешь, а сейчас, когда за плечами пара-тройка бессонных ночей, я превратилась в зомби. Мечтаю завалиться на какую-нибудь кушетку и проспать неделю нон-стоп.

Но сначала нужно помочь сестре.

Примерно час уходит на то, чтобы ее отмыть. Она вся в свежей и запёкшейся крови Велиала. Если перепуганные сопротивленцы приняли Пейдж за монстра в милым платье в цветочек, то, увидев ее такой, они тотчас похватали бы факелы, затеяв крестьянский флешмоб линчевателей.

Мне страшно тереть ее кожу мочалкой из-за обилия швов и кровоподтеков. В обычной ситуации эта забота легла бы на мамины плечи. Она всегда была поразительно нежной, когда дело касалось Пейдж.

Возможно, подумав о том же, она задает вопрос:

— Где мама?

— С Сопротивлением. Наверное, в лагере.

Я поливаю сестру водой, осторожно протирая мочалкой участки кожи между швами.

— Мы отправились искать тебя, но нас схватили и отвезли в Алькатрас. Правда, сейчас с ней все хорошо. Сопротивление пришло на помощь всем, кто был на острове. Я видела ее на одной из лодок во время побега.

Раны на теле Пейдж выглядят воспаленными, а еще я боюсь, что один из швов разойдется. Я думаю о том, рассасываются ли эти нити или же доктор должен убрать их сам.

Эта мысль напоминает мне о Доке, парне, который оперировал Пейдж. Плевать я хотела на то, в каком положении он оказался. Ни один порядочный человек не стал бы кромсать и увечить детей, превращая их в монстров, жаждущих людской плоти, лишь потому, что так сказал страдающий манией величия ангел по имени Уриил. Глядя на то, как искалечена Пейдж, как жестоко с ней обошлись, я мечтаю о том, как разорву Дока на сотню кусочков.

Тем безумнее, что внутри я лелею крохотную надежду на то, что поможет ей именно он.

Я тяжело вздыхаю и бросаю мочалку в воду. Нет сил и дальше смотреть на выпирающие ребра и заштопанную кожу Пейдж. Чище уже не будет. Я кидаю перепачканную кровью одежду в раковину и прохожу в одну из спален, чтобы подыскать для сестры наряд.

Я принимаюсь шариться в антикварных ящиках, не особо рассчитывая на удачу. Похоже, это место являлось одной из исторических достопримечательностей, а не частным владением. Но ведь кто-то же здесь жил. И, возможно, решил превратить особняк в свой дом.

По крайней мере, одна женщина тут жила, пусть даже совсем недолго. Я перебираю вещи: белая блузка, льняная юбка, стринги, кружевной лиф, пеньюар, укороченная футболка; стрейчевые боксеры, мужские.

В первые дни Нашествия люди вели себя очень забавно. Они бросали свои дома, прихватив мобильники, ноутбуки, ключи, бумажники, кейсы и обувь, которая подошла бы для отдыха на тропическом курорте, но совсем не годится для беготни по городу. Они верили, что спустя несколько дней все вернется на круги своя.

В итоге все эти вещи оказались брошенными в автомобилях, на улицах, или, как в моем случае, в комодке дома-музея. Для Пейдж я нахожу длинную безразмерную футболку. Вряд ли

мне попадутся детские штаны, так что платье-футболка на первое время сойдет.

Я отношу сестру наверх и оставляю рядом с кроватью ее обувь — на случай, если придется бежать.

Я целую ее в лоб и желаю приятных снов. Она закрывает глаза, напоминания куклу; дыхание выравнивается практически моментально. Должно быть, Пейдж совершенно измотана. Кто знает, когда в последний раз она спала? Кто знает, когда она ела?

Я спускаюсь на первый этаж и застаю Раффи склонившимся над обеденным столом, на котором разложены крылья. Он избавился от маски, и мне приятно снова видеть его лицо.

Раффи приводит в порядок свои крылья. Похоже, он отмывал их от крови. Они лежат на столе, влажные и поникшие. Сломанные перья он выдергивает, невредимые — разглаживает.

— По крайней мере, крылья снова твои, — говорю я ему.

Солнечные блики играют на темной шевелюре Раффи.

Он глубоко вздыхает.

— Мы вернулись к тому, с чего начинали. — Он опускается в деревянное кресло и кажется поникшим. — Я должен найти доктора, — оптимизма в голосе нет.

— В Алькатрасе есть кое-какое оборудование. Хирургические прибабасы ангелов, я полагаю. Они ведь там всю экспериментировали. Может нам что-то из этого пригодиться?

Он поднимает глаза, насыщенно синие, почти черные, и смотрит на меня.

— Вполне. Так или иначе, я все равно бы полетел туда на разведку. Столь тесное соседство с этим островом не позволяет его игнорировать. — Раффи массирует виски.

Его плечи сковывает бессилие. Пока архангел Уриил инсценирует апокалипсис и лжет ангелам, рассчитывая стать новым Посланником, Раффи застрял на этапе возврата собственных крыльев. До тех пор он никак не может вернуться в свое сообщество и попробовать все исправить.

— Ты должен поспать, — говорю я. — Нам всем не помешает отдохнуть. У меня вот-вот отвалятся ноги. — Я слегка покачнулась — ночь была долгой; поверить не могу, что нам удалось встретить рассвет живыми.

Я жду, что Раффи начнет возражать. Но в ответ он просто кивает, что лишний раз доказывает, насколько нам нужен сон и, может быть, время, чтобы придумать, как разыскать доктора, который ему поможет.

Мы устало плетемся наверх, где расположены две спальни.

У дверей я разворачиваюсь к Раффи.

— Мы с Пейдж будем...

— Уверен, Пейдж лучше спать одной.

На секунду мне кажется, это предлог остаться наедине. Меня накрывает волна сумасшедшей неловкости, смешанная с восторгом, и тут я замечаю выражение лица Раффи.

Его взгляд строг и очень серьезен. Вот это я напридумывала!

Он просто не хочет, чтобы я спала в одном помещении с Пейдж. Раффи не в курсе, что нам уже доводилось делить комнату в лагере Сопротивления. И у нее было немало возможностей напасть на меня.

— Но...

— Ты займешь эту комнату, — он указывает на спальню в противоположном конце коридора. — Я лягу на диване. — Командирский тон. Очевидно, Раффи привык, чтобы все ему подчинялись.

— Какой еще диван? Здесь только антикварная софа для дамочки вдвое меньше тебя.

— Я спал на камнях в снегу. Тесная софа — роскошь. Мне будет удобно.

— Пейдж меня не тронет.

— Не тронет. Потому что ты, спящая и уязвимая, будешь слишком далеко, чтобы ее искушать.

Я так устала, что мне не до споров, а потому заглянув в комнату Пейдж и убедившись, что сон ее не потревожен, я направляюсь в конец коридора.

Утреннее солнышко светит в мое окно, согревая лучами постель. Засохший букет полевых цветов на прикроватном столике дополняет эту картину яркими пятнами пурпурных и желтых тонов. С улицы доносится аромат розмарина.

Я скидываю обувь и кладу на кровать Мишутку — так, чтобы он оставался в зоне досягаемости. Плюшевый медведь на рукоятке меча наряжен в тюлевую юбку, а она в свою очередь является прикрытием для ножен. С тех пор, как мы снова встретились с Раффи, я чувствую всплеск эмоций. И речь не обо мне, а о мече. Он счастлив оказаться рядом с Раффи, и в то же время печален, поскольку законный владелец не может им обладать. Я рошу и поглаживаю мягкую шерсть игрушки еще какое-то время.

Сплю я, как правило, одетой — мало ли что случится. Но признаться, такое спальё конкретно меня достало. Это же неудобно. К тому же уютная комната напоминает мне о тех временах, когда мы еще не боялись всего и всегда.

Я решаю сделать на сегодня редкое исключение и выспаться с комфортом. А потому плетусь к комоду и шарюсь в поисках одежды, обнаруженной ранее.

Ассортимент невелик, но я выбираю лучшее из того, что в наличии: укороченную футболку и боксеры. Первая немного велика, но в целом размерчик мой. Ткань прикрывает ребра, оставляя открытым живот. Вторые сидят как влитые, хотя я уверена — это мужские трусы. Ткань с одной стороны слегка истрепалась, шов распушен, но вещь чистая и резинка не давит.

Я заползаю на кровать, восхищаясь роскошью шелковых простыней. И уплываю в сон, едва коснувшись подушки.

Сквозь открытое окно задувает приятный бриз. Часть меня знает: на улице светит солнце и сейчас довольно тепло, что не редкость для октября.

Но другая половина видит грозу. Солнце тает в струях дождя, а комната с видом на сад обращается грозowymi тучами по мере того, как я засыпаю крепче и крепче.

* * *

Я снова вернулась туда, где падших, закованных в цепи, силой уводят в преисподнюю. На плечах осужденных — демоны. Шипы впиваются в лбы, шеи, запястья, лодыжки. Капли крови стекают вниз.

Меч уже делился со мной этим сном, когда я жила в лагере Соппротивления. Но на этот раз я не сплю в обнимку с клинком, и подсознание в курсе: меч лежит на моей кровати, но я его не касаюсь. Эта сцена не кажется мне одной из его трансляций.

Мне снятся ощущения, испытанные в процессе просмотра того воспоминания. Это сон о сне.

Гроза. Раффи планирует вниз, касаясь ладонями новоявленных падших, и направляется с ними к земле. Он берет осужденных за руки, а у меня появляется шанс рассмотреть их лица. Должно быть, это и есть Хранители — элитный отряд воинов, павший за свою любовь

к дочерям человеческим.

Раффи являлся их командиром, они — его верным войском. В их взглядах сквозит мольба о пощаде, хотя они сами решили нарушить ангельское табу, взяв в жены дочерей человеческих.

Один из них привлекает мое внимание. Фигура кажется знакомой.

Я напрягаю зрение, чтобы лучше его разглядеть, и мне наконец это удается.

Велиал.

Он выглядит не таким испорченным, каким я привыкла видеть его. Нет и коронной ухмылки. На лице отражается гнев, а под ним — неподдельная боль, ее выдают глаза. Он дольше других держит ладонь Раффи, и даже слегка пожимает.

Раффи отвечает кивком и продолжает снижаться.

Сверкают молнии, небо сотрясаю раскаты грома, дождевые потоки смывают лицо Велиала.

* * *

Проснувшись, я замечаю, что солнце успело переместиться.

Я не слышу никаких подозрительных звуков, а это вселяет надежду, что Пейдж по-прежнему спит. Поднявшись с постели, я подхожу к распахнутому окну. Снаружи все так же солнечно, ветерок играет листвой. Птицы поют, пчелки жужжат — будто мир не вывернулся наизнанку.

Несмотря на тепло, выглядывая во двор, я начинаю дрожать.

Велиал, как и был, прикован к садовой калитке, иссушенный и измученный. Глаза открыты и смотрят прямо на меня. Полагаю, к этому времени он уже мог оклематься от паралича. Неудивительно, что мне о нем кошмары снятся.

Но был ли мой сон кошмаром? Вдруг это нечто большее, чем эпизод из памяти клинка? Я медленно качаю головой, силясь во всем разобраться.

Возможно ли, что Велиал являлся Хранителем Раффи?

Помещение прогрето солнцем. Должно быть, время идет к полудню. Как же здорово передохнуть от всего этого безумия.

Я еще не готова отказаться от драгоценных часов сна, но стакан воды не помешает. Распахнув дверь, я замечаю Раффи, сидящего в коридоре с закрытыми глазами.

И хмурюсь.

— Ты чем тут занимаешься?

— Слишком устал, чтобы идти к софе, — отвечает он, не поднимая век.

— Продолжаешь бдеть? Попроси ты меня — я бы тебя сменила. Из-за кого нам вообще переживать?

Раффи пренебрежительно фыркает.

— Я имею в виду — прямо сейчас. Кто наш враг в эту самую минуту?

Он сидит лицом к двери Пейдж. Что ж, могла бы и догадаться.

— Она не тронет меня.

— Велиал тоже так думал. — Глаза Раффи по-прежнему закрыты, губы еле шевелятся. Если бы он молчал — сошел бы за крепко спящего.

— Велиал ей не сестра, он её не растил.

— Можешь считать меня сентиментальным, но целой ты мне нравишься больше. Кроме того, твоя вкусная плоть интересует не только ее.

Я склоняю голову набок:

— Кто сказал, что я вкусная?

— Не слышала старую поговорку? Вкусный как глупец!?

— Ты сам ее придумал.

— Ха. Должно быть, она из ангельского фольклора. Предупреждает дурачков о ночных страшилищах.

— Вообще-то, день на дворе.

— Ааа, так ты не отрицаешь, что не очень умна? — ухмыляясь, он наконец открывает глаза. Пристальный взгляд на меня и веселья как ни бывало.

— Что на тебе надето? — Он пристально изучает мой наряд.

Разомлев от комфорта, я совсем позабыла, что на мне лишь короткая майка и боксеры. Я опускаю глаза и думаю о том, должна ли сейчас смутиться. Вполне целомудренный вид, не считая живота и ног, оголенных чуть больше, чем Раффи уже видел.

— Спросил меня тот, кто вечно расхаживает без рубашки.

На самом деле, мне вроде как нравится видеть его таким: с голым торсом и всеми шестью кубиками пресса напоказ. Но об этом я умолчу.

— Проблематично подобрать рубашку, имея крылья за спиной. Да и к тому же, жалоб я не слышал.

— Как и комплиментов. Так что не обольщайся.

Мне даже хочется добавить, что на земле своих ребят хватает, которые ничем ему не уступают, но мне бы пришлось безбожно соврать.

Он продолжает тщательный осмотр.

— На тебе мужские трусы?

— Полагаю, что так. Но они мне как раз.

— Чьи они?

— Ничьи. В комодке нашла.

Раффи протягивает руку, подцепляет распущенный край белья и неспешно подворачивает ткань на моем бедре, укорачивая и без того короткие боксеры.

— И что ты будешь делать, если нам придется бежать? — голос Раффи становится хриплым, в то время как он завороченно смотрит на задранную ткань.

— Схватчу свою обувь и побегу.

— В таком-то наряде? На глазах у попирающих законы необузданных мужчин? — Он переводит взгляд на мой живот.

— Печешься по поводу извращенцев, которые могут ворваться в дом? Нет никакой разницы, буду я в этой одежде или в толстовке и мешковатых джинсах. Дело в порядочности этих людей. Их действия зависят от них самих.

— Но действовать во время знакомства с моими кулаками им точно будет непросто. Неуважения не потерплю.

Я дарю ему полуулыбку:

— Ведь уважение — это твой пунктик.

Он вздыхает и выглядит недовольным самим собой.

— Похоже, в последнее время моим пунктиком стала ты.

— Это еще почему? — Хотела бы я говорить с меньшим придыханием.

— Я сижу на жестком полу у дверей твоей спальни, пока ты сладко дремлешь в уютной постели, разве не так?

Прислонившись к стене, я опускаюсь вниз. Мы почти соприкасаемся руками. И молчим.

Спустя пару минут я говорю:

— Думаю, сон пошел бы тебе на пользу. Можешь занять постель, а я подежурю немного.

— Исключено. В опасности ты, а не я.

— Да что со мной может случиться? — Повернувшись, чтобы взглянуть на Раффи, я задеваю его рукой.

— Список бесконечен.

— С каких пор в тебе проснулся маниакальный защитник?

— С тех пор, как враги уверились в том, что ты моя дочь человеческая.

Я сглатываю. В горле пересыхает.

— Уверились?

— Велиал видел нас вместе на маскараде. И Уриил, невзирая на маску, прекрасно знал, что на пляже с тобой был я.

— Так значит, — мой голос опускается до шепота, — я — твоя дочь человеческая? — Сердце бьется так гулко, что, кажется, я его слышу; а когда понимаю, что и Раффи его слышит, пульс ускоряется вдвое.

Он отворачивается.

— Некоторые вещи просто недопустимы. Но ни Ури, ни Велиал не могут это понять.

Я выдыхаю — сдержанно, не торопясь. В этот список непонимающих Раффи мог бы добавить и меня.

— Ну так и кто конкретно будет меня преследовать? — спрашиваю его.

— Помимо очевидных подозреваемых? Я отнял у Велиала крылья на глазах у целой толпы воинов, а ты была рядом. Они думают, ты напарница «демона» в маске, отрезающего

«ангелам» крылья. И этого достаточно, чтобы открыть на тебя охоту, в надежде поймать и меня. Кроме того, тебе, как ангелоубийце, уже подписан смертный приговор. Ты довольно популярная девчонка.

С минуту я перевариваю услышанное. Могу ли я хоть как-то повлиять на сложившуюся ситуацию?

— Мы же все для них на одно лицо? Как они нас различают? Ангелы для меня как близнецы. Гребанные совершенства с олимпийскими телами, идеальными чертами и шевелюрами. Не знай я тебя, решила бы, что вы взаимозаменяемые клоны.

— Хочешь сказать, я совершеннее прочих?

— Нет. Но ты очень скромный.

— Скромность просто зашкаливает.

— И чистый эгоизм^[1], как я вижу.

— Настоящие воины не выносят психотрёпа.

— С рациональным мышлением у воинов тоже проблемы.

Раффи бросает взгляд на мои голые ноги.

— Да, признаю, этого нам не хватает. — Он встает на ноги и предлагает мне руку. — Давай, поспи еще немного.

— Только в обмен на твой сон. — Я принимаю руку, и он поднимает меня с пола.

— Если это тебя уймет, я согласен.

Мы проходим в комнату и, забравшись на кровать, я устраиваюсь поверх покрывала, полагая, что Раффи просто хочет убедиться, что я действительно лягу спать. Но вместо того чтобы уйти, он ложится рядом со мной.

— И как это называть? — спрашиваю я.

Он опускает голову на соседнюю подушку и с долей облегчения смежает веки.

— Сиестой.

— Не собираешься спуститься вниз?

— Не-а.

— А как же софа?

— Слишком неудобная.

— Ты же сам сказал, что ночевал на камнях под снегом.

— Ночевал. Потому и сплю на мягких постелях так часто, как только могу.

Мне казалось, он будет напряжен до предела, как я. Но дыхание Раффи быстро становится размеренным и глубоким.

Должно быть, он катастрофически измотан. Помимо недосыпа и постоянного пребывания в крайней степени боеготовности, он все еще восстанавливается после ампутации крыльев и последующего хирургического вмешательства. Страшно представить, через что он проходит.

А я просто лежу и пытаюсь уснуть рядом с ним.

Теплый бриз, залетающий в окно, приносит с собой аромат розмарина. Жужжание пчел, кружащих внизу над растениями, кажется далеким и умиротворяющим. Мягкий солнечный свет проникает сквозь закрытые веки.

Я отворачиваюсь от раздражающей яркости окна и, оказавшись лицом к Раффи, не могу не открыть глаза, чтобы полюбоваться. Полумесяцы черных ресниц лежат на его щеках. Длинные, словно подкрученные щипцами, они могли бы стать предметом зависти любой девчонки. Четкий контур прямого носа. Мягкие и чувственные губы.

Чувственные? Трудно не захихикать. Что за слово взбрело мне в голову? Не припомню, чтобы хоть что-то в своей жизни называла чувственным.

Мускулистая грудь вздымается и опадает в гипнотическом ритме. Руку сводит от желания прикоснуться.

Я сглатываю и переворачиваюсь на бок.

Теперь, когда он за моей спиной, я могу сделать глубокий вдох и медленно выдохнуть, воспользовавшись тактикой расслабления перед боем.

Раффи приглушенно стонет и начинает ворочаться. Должно быть, мои движения потревожили его сон.

Я чувствую теплое дыхание на своей шее. Видимо, он повернулся на бок лицом ко мне. Мы вот-вот соприкоснемся, его близость отзывается электрическим покалыванием вдоль спины.

Слишком близко.

Он дышит глубоко, в размеренном ритме. Его сон крепок, в то время как я — клубок оголенных нервов, и причиной тому он, спящий в моей постели. Что за черт? Все же должно быть наоборот.

Я пытаюсь запихнуть всю эту эмоциональную сумятицу в пресловутый чулан в своей голове. Но либо чулан полон, либо ворох эмоций слишком объемный, тяжел и даже колюч.

Тем временем мое тело медленно, но верно прогибается назад до тех пор, пока не встречается с телом Раффи.

Наши бедра соприкасаются, и в ту же секунду я слышу негромкий стон, Раффи смещается и забрасывает на меня руку, притягивая ближе к своему сильному телу.

Что я творю?

Теперь моя спина полностью прижата к его груди.

Что я творю?

Сильной. Теплой. Мускулистой груди.

На лбу выступает испарина. Когда же здесь стало так жарко?

Вес руки одновременно вжимает меня в Раффи и вдавливают в матрас. Из-за панической

атаки я готова выпрыгнуть из постели.

Но тогда я его разбуду. Волна стыда накрывает с головой, стоит мне только подумать, что Раффи узнает, как я горю и извожусь, наблюдая за ним спящим.

Снова пытаюсь расслабиться. Я для него — плюшевый мишка, к которому можно прижаться во сне... Наверное, Раффи настолько устал, что даже не осознает моего присутствия.

Его ладонь горяча. Я остро ощущаю прикосновение большого пальца его руки к нижней части моей груди.

Сознание пронзает мысль. И как бы сильно я не старалась от нее отделаться, ничего не выходит.

Что я почувствую, если ладонь Раффи окажется на этой части моего тела?

Мне семнадцать, не за горой восемнадцатый день рождения, при этом ни один парень не касался моей груди. А с учетом последних событий, шансов на это все меньше. По крайней мере, в приятном и нежном ключе. Апокалиптический мир гарантирует только насилие, положительный опыт — это уже мечты. Вот почему желание ощутить нечто волнующее становится только сильнее. Нечто трепетное и ласковое, что случилось бы в нужное время с правильным парнем, если бы мир не покатился к черту.

Вопреки голосу разума моя ладонь уже накрывает ладонь Раффи. Нежно, невыносимо нежно. Если эта рука коснется моего соска, что я испытаю?

В самом деле?

Я только что подумала *об этом*?

Нет, дело не в мыслях — то, что во мне происходит в эту минуту, это скорее... призыв, неодолимое желание. Ему невозможно противиться, его невозможно скрыть. Пульсирующее, дрожащее, вибрирующее желание.

Я медленно, буквально на пару сантиметров, сдвигаю вверх ладонь Раффи, теперь большой палец его руки прижат к мягкой груди.

И я продолжаю двигать его ладонь, еще и еще чуть-чуть.

Раффи дышит все также размеренно. Он по-прежнему крепко спит.

Еще немного. Еще...

И вот теплая ладонь целиком накрывает грудь.

Тогда-то все и меняется.

Его дыхание становится прерывистым. Пальцы впиваются в кожу, сжимая мою плоть. Требовательно. Почти причиняя боль, но не преступая черту. На грани. Немыслимое чувство рождается в области сердца, заполняя меня целиком.

Я вдруг понимаю, что стала дышать чаще.

Раффи стонет и касается губами моей шеи. Проводит дорожку из поцелуев к моим губам. Его рот, горячий, влажный и жадный, накрывает мой. А язык, дразня, проникает внутрь.

Целый мир — фейерверк ощущений: мягкая настойчивость губ, горячее скольжение языка, твердость тела, прижатого к моему.

Он переворачивает меня на спину и ложится сверху, вжимая меня в матрас. Мои руки гладят его шею, а ноги и бедра не знают покоя.

Я хнычу или стону, или скулю — не могу осознать. Я настолько увязла в вихре ощущений, что единственно важная вещь — это здесь и сейчас.

Раффи.

Мои пальцы пробегают по мышцам его груди, по мускулистым плечам.

И тут он отстраняется, оставляя меня жадно глотать воздух.

Я, одурманенная, с трудом поднимаю веки и тянусь к Раффи руками.

Он смотрит на меня напряженно. Потрясенно, но с вожделием.

Затем резко отстраняется и садится ко мне спиной.

— Господи. — Он запускает пальцы в свою шевелюру. — Что это только что было?

Я открываю рот, чтобы ему ответить, но все, что могу сказать — это: «Раффи». И неясно вопрос это или мольба.

Его спина идеально пряма, мышцы напряжены, крылья плотно прижаты к спине. Я касаюсь его плеча, и он дергается как от удара током.

Ни слова не говоря, он поднимается на ноги и выбегает за дверь.

Я слышу удаляющиеся шаги по деревянным ступеням. Входная дверь распахивается и с грохотом захлопывается. За окном мелькает край черного крыла — это Раффи взлетает, с шумом рассекая воздух.

Я крепко зажмуриваюсь. Какое унижение!

Как в мире на грани канонического апокалипсиса со всеми вытекающими библейскими кошмарами еще осталось место для стыда?

Я лежу, кажется, вечность, мечтая стереть из памяти и временного континуума все, что только что случилось. Но, ясное дело, не могу. Меня затягивает в гигантское торнадо из смятения и замешательства. Я понимаю — ему не следует... с дочерью человеческой... бла-бла-бла.

Ну почему все должно быть сложно? Я вздыхаю, уставившись в потолок.

И провести бы мне так целый день, если бы взгляд не упал на дверь, которую Раффи в спешке оставил открытой.

Дверь в противоположном конце коридора распахнута настежь, постель сестры пуста.

Я тут же сажусь на кровати.

— Пейдж?

Ответа нет. Я хватаю тенниски и спешу по коридору, обуваясь прямо на ходу.

— Пейдж?

Кругом тишина. Она не на кухне и не в столовой. Я прохожу в гостиную — здесь ее тоже нет. Выглядываю в окно.

Вот она где! Крохотное тельце сестры свернулось калачиком рядом с Велиалом, который все так же прикован к забору.

Я выбегаю наружу.

— Пейдж? Ты в порядке?

Она поднимает голову и сонно моргает, пытаясь меня рассмотреть. Пульс замедляется, и я с облегчением выдыхаю.

— Ты что тут делаешь?

Приближаюсь я ней осторожно, не желая оказаться в зоне досягаемости Велиала. Но сестра устроилась там, где ему ее не достать. Пусть Пейдж парадоксально к нему привязана, но точно не глупа.

Демон лежит неподвижно. На месте вырванных кусков плоти открытые раны, но они не кровоточат. Я больше чем уверена, действие паралитика подошло к концу; тем не менее Велиал не менял позы с тех пор, как мы покинули обитель.

Его кожа приобрела оттенок чернослива. Дыхание со свистом вырывается из легких, как если бы в них скопилась кровь. Исцеление протекает не так быстро, как я ожидала. Вместе с тем взгляд Велиала, настороженный и враждебный, неотрывно следит за нами.

Я обнимаю Пейдж и беру ее на руки. К семи годам она стала слишком тяжелой, чтобы я ее так носила, но Великая Атака многое изменила. Теперь моя сестра весит не больше тряпичной куклы.

Пейдж извивается в моих объятиях, мотая головой в разные стороны. Она ноет, как сонный младенец, давая понять, что не хочет, чтобы я ее уносила, и тянется к Велиалу, на губах которого играет усмешка. Демона эта сцена как будто бы не волнует, он словно не

удивлен ненормальным отношением Пейдж к его персоне.

— Твой голос кажется знакомым, — произносит Велиал. Он не двигается и не моргает. Шевелящий губами мертвец с живыми глазами. — Где мы могли встречаться?

Мне становится жутко — я подумала ровно о том же, увидев его в цепях.

С Пейдж на руках я направляюсь в дом.

— Твой ангел может не успеть вернуть себе крылья, — бросает мне вслед Велиал.

— Ты-то откуда знаешь? Заканчивал медицинский?

— Рафаил почти оторвал мне крыло. Пришлось обратиться к ничтожному человеческому докторишке, чтобы тот наложил швы. Он сказал, что в случае повторной ампутации, счет пойдет на часы.

— Что за ничтожный докторишка? Док?

— Тогда я его не послушал, а сейчас призадумался. Маленькая мерзость могла быть права. Рафаил оставил нас бескрылыми обоих — вот что он сделал.

— Он не бескрылый.

— Будет. — Велиал мрачно ухмыляется, обнажая испачканные кровью зубы.

Я продолжаю шагать к крыльцу, а когда достигаю двери, он вновь отрывает рот:

— Ты влюблена в него, не так ли? — сипит Велиал. — Думаешь, такая особенная? Настолько, что архангел ответит тебе взаимностью? — Он издает хриплый сухой звук, предположительно смех. — А знаешь ли ты, сколько людей в течение многих веков считали, что смогут добиться его любви? Что в ответ на их безграничную верность, он будет верен им так же?

Я знаю, что должна пропустить это мимо ушей. Верить ему нельзя — что бы он ни сказал. Знаю. Но любопытство прожигает меня насквозь. Я опускаю сестру у открытой двери.

— Пейдж, возвращайся в постель.

После недолгих уговоров она наконец скрывается в доме.

Повернувшись к Велиалу, я облакачиваюсь на перила крыльца.

— Что ты о нем знаешь?

— Интересуешься количеством его дочерей человеческих? Как думаешь, сколько сердец разбилось о великого архангела Рафаила?

— Хочешь сказать, он сердцеед?

— Хочу сказать, он бессердечный.

— Ты всерьез пытаешься мне втолковать, что он поступил плохо? Что ты не заслуживаешь быть прикованным цепью как бешеный зверь?

— Твой ангел отнюдь не святоша. Да и другие тоже.

— Спасибо за науку. — Я разворачиваюсь, чтобы зайти в дом.

— Ты мне не веришь, но я могу показать, — говорит он спокойным тоном, будто ему по большому счету плевать, верю я или нет.

Уже на пороге я застываю.

— Я, знаешь ли, не фанатка жутких парней, предлагающих кое-что показать.

— Этот меч под плюшевой игрушкой, с которым ты повсюду таскаешься, не только блестит, — говорит мне Велиал. — Он умеет показывать... разное.

Тело покрывается мурашками. Откуда он знает?

— Я мог бы поделиться пережитым по вине архангела, от которого ты без ума. Нам всего лишь нужно касаться меча. Одновременно.

Я оглядываюсь:

— Считаешь меня дурой? Никакого тебе меча.

— Он мне и не нужен. Держать его будешь ты, а я — только касаться.

Я сверлю его взглядом, пытаюсь понять, в чем подвох.

— С чего бы рисковать потерей меча, чтобы просто узнать, врешь ты мне или нет?

— О каком риске мы говорим? Меч для меня неподъемен, он не позволит отнять себя у владельца. — Велиал говорит со мной, как с идиоткой. — Так что ты ничем не рискуешь.

Я представляю себя в состоянии транса за просмотром воспоминаний в непосредственной близости к Велиалу.

— Благодарствую. Нет.

— Боишься?

— Я не глупа.

— Свяжи мне руки, закуй в цепи, засунь в мешок и запри в клетке. Делай, что хочешь, раз так боишься старого демона, который и на ноги встать не может. Но все и так с тобой будет нормально, меч не станет мне подчиняться.

Я внимательно смотрю на Велиала, силясь разгадать его игру.

— Ты и впрямь боишься, что я тебе наврежу? — спрашивает он. — Или просто не хочешь знать правду о своем драгоценном архангеле? Он вовсе не тот, кем кажется. Он лжец и предатель, и я могу доказать. Меч не позволит солгать — его не купишь сладкими речами, воспоминания не исказишь.

Меня одолевают сомнения. Я в курсе, что надо бы взять и уйти; забыть обо всем, что он несет.

Но я приросла к крыльцу.

— У тебя свой интерес, демонстрация правды здесь ни при чем.

— Конечно же, свой. Вдруг ты меня отпустишь, как только поймешь, что именно он, а не я, на деле плохой парень.

— Так ты теперь, значит, хороший?

Тон Велиала становится холодным:

— Будешь смотреть или нет?

Я стою, купаясь в солнечном свете, люблюсь прекрасной панорамой залива и зеленью холмов, в синем небе плывут пушистые облака.

Мне стоит пройтись по острову — я могла бы обнаружить что-то, что нам пригодится. Надо придумать, как помочь сестре. И вообще заняться чем-то полезным вместо поиска приключений на свою задницу.

Но сон меня не отпускает. Был ли Велиал одним из Хранителей Раффи?

— Ты был... ты когда-то работал с Раффи?

— Можно и так сказать. Служил под его началом. Было время, когда я пошел бы на все ради него. Без малейших раздумий. Но затем он предал меня и так же поступит с тобой. Это в его природе.

— Ты лгал моей сестре ради забавы. Но мне не семь, я не одна и не боюсь, а потому прекращай свои коварные манипуляции.

— Как знаешь, крошечная дочь человеческая. Все равно не отнесешься серьезно к тому, что я тебе покажу. Ты так верна своему архангелу, что вряд ли поверишь, будто он являлся источником невыносимых страданий.

Развернувшись, я направляюсь в дом. Первым делом проверяю, в своей ли комнате

Пейдж, спит ли она вообще. Затем прохожу на кухню и заглядываю в шкафы. Мой улов: несколько банок консервированного супа, оставленных нашими предшественниками.

В процессе осмотра дома желание увидеть обещанное Велиалом пилит меня на части. А вдруг я узнаю что-то, что остудит мои чувства к Раффи? Тогда я могла бы отвлечься, вернуться к людям и жить себе дальше.

Стоит подумать о том, что случилось между мной и Раффи — щеки горят огнем. Как мне смотреть ему в лицо, когда он вернется?

Если вообще вернется.

От одной только мысли об этом внутри все сжимается в узел.

Я поддаю ногой валявшуюся на полу декоративную подушку и с мрачным удовлетворением наблюдаю за тем, как она врезается в стену.

Ладно. С меня довольно.

Это всего лишь краткий визит в память Велиала. Люди Оби ежедневно следят за ангелами в надежде выведать хоть что-то. Рискуют жизнями. А у меня в наличии крутейший в мире шпионский девайс, к тому же враг сам предлагает поездку в страну воспоминаний. Меч будет при мне во время этой авантюры, и Велиал прав, ему не отнять и не обратить против меня мой же клинок.

У меня появится шанс избавиться от навязчивых чувств и двигаться дальше. Плюс я буду крайне осторожной.

В любом случае, даже без просмотра Велиал-ТВ, мы с Пейдж вскоре покинем остров, вернемся к Сопротивлению, отыщем маму и пойдем, сможет ли Док нам помочь. Вдруг Пейдж будет снова питаться нормальной едой?

И затем мы возьмем и... выживем.

Сами по себе.

Я поднимаюсь наверх за Мишуткой, затем выхожу во двор к Велиалу. Он так и лежит у забора, свернувшись в той самой позе, в какой я его оставляла. По глазам можно прочесть — он ждал моего появления.

— Ну и что я должна делать?

— Мне нужно касаться меча.

Я поднимаю клинок, направляя его в сторону Велиала. Лезвие сияет под солнцем. Меня распирает от желания спросить у меча, согласен ли он на участие в этой затее. Но выставить себя дураком на глазах Велиала — так себе перспектива.

— Подойди ближе. — Он вытягивает руку, чтобы схватить меч.

Меня обуревают сомнения.

— Тебе непременно надо его держать или я сама могу касаться тебя клинком?

— Можешь касаться сама.

— Что ж, тогда отвернись.

Он послушно ложится на бок лицом к забору. Пыль прилипает к коже. Спина Велиала — сплошь иссушенные мышцы и раны от жал саранчи. Мне вовсе не хочется тыкать в это месиво четырёхкилограммовым клинком, но выбора нет, и я погружаю в него самый кончик меча.

— Дернешься, и я проткну тебя насквозь. — Меня беспокоит, окажется ли прочной связь между мечом и спиной Велиала при таком незначительном контакте; но Велиал моих волнений не разделяет.

Он делает глубокий вдох и резко выдыхает.

Я чувствую метаморфозы в сознании.

Ощущения отличны от тех, когда я внезапно обнаруживала себя невесть где. На этот раз все происходит легче, невесомей, как будто я вольна решать, хочу ли угодить в воспоминание; как будто меч и сам не уверен, куда мы с ним направляемся.

Я тоже втягиваю воздух; убеждаюсь, что прочно стою на ногах в оборонительной позиции, готовая к возможной атаке, а затем закрываю глаза.

Головокружение длится пару мгновений, и вот я стою на твердой земле.

Первое, что накрывает — невыносимый зной. Второе — запах тухлых яиц.

Под черно-пурпурным небом мчит колесница, запряжённая не лошадьми, а шестеркой ангелов. Хомут и подпруга врезаются в плечи и грудь, по которым струится кровь вперемешку с потом. Ангелы вынуждены прикладывать огромные усилия, чтобы тянуть за собой колесницу, которой правит демон-исполин.

У исполина есть крылья и он способен лететь, куда угодно, если захочет; но вместо того не спеша объезжает свои владения.

Демон настолько велик, что Велиал — дитя на его фоне; крылья горят огнем — отсветы пляшут на влажной коже, отчего пламя кажется настоящим.

Он держит в руках кнут, кончик которого венчает круг усохших голов — их веки моргают, а рты раскрываются в крике или попытке вдохнуть; сложно понять — ведь из них не исходит ни звука. Все головы принадлежали блондинам — длинные пряди взлетают и развеваются, словно водоросли, приводимые в движение морским течением.

Немного оправившись от шока, я замечаю, что у них есть еще кое-что общее — особый оттенок радужной оболочки. Как много голов нужно срубить, чтобы собрать коллекцию в единой палитре волос и глаз?

Земля устлана битым стеклом и обломками костей. Колеса демонического экипажа удерживают в воздухе ангелы — по двое с каждой стороны; видимо, монстр не хочет испортить сверкающее покрытие о жёсткую землю. Осколки и черепки впиваются в крылья падших, прикованных к ободу.

Один из них — Велиал.

Крылья цвета вечерней зари. Должно быть, с ними он был рожден. Они слегка раскрыты за спиной, будто это поможет их уберечь. Но сломанных и опаленных перьев уже не сосчитать.

Я прежде не задумывалась о том, как протекает адская трансформация. Судя по всему, между ангельской сущностью и становлением демоном есть переходный период. И раз Велиал не растерял перья, пал он не так давно.

Черты его лица вполне узнаваемы, хотя и мягче, невиннее. Глазам не хватает язвительности и жестокости, к которым я успела привыкнуть. Он выглядит красивым без этой своей ухмылки и вечной озлобленности. И при этом ему больно.

Очень и очень больно.

Но он молча выносит муки.

Колеса вращаются, прижимая тело Велиала к усыпанной осколками земле; вынуждая принимать на себя вес и колесницы, и монстра, который ей заправляет. Велиал сосредоточен и полон решимости, он стискивает челюсти, чтобы не кричать.

Он силится держаться в небе — крылья дрожат от напряжения. Он хочет защитить их от серьезных увечий, но те все равно волочатся по полю стекла и острых костей.

С каждым оборотом крылья ангелов, прикованных к колесам, потихоньку ломаются и дробятся. На падших пустые ножны, они болтаются и бьются о твердую землю, напоминая своим владельцам о том, что они потеряли.

Демон-исполин щелкает кнутом над головами рабов. Шевелюры мечутся на ветру, рты

заходятся в крике — усохшие головы бросаются на измученных пытками ангелов.

Достигнув своей цели, они хлещут острыми как бритва волосами тех, кто тянет упряжку, рассекая кожу несчастных.

Головы разевают рты и неистово вгрызаются в тела. Одной из них удается наполовину проникнуть в чью-то спину, прежде чем кнут возвращается к хозяину.

Падшие выглядят изнуренными голодом, их тела покрывают струпья. Подозреваю, даже ангелам необходим здоровый рацион, чтобы поддерживать способность к исцелению.

Стайка низших демонов с мордами летучих мышей и темными крыльями подбирается к колеснице. Они крупнее тех, что я видела в воспоминаниях меча. Мощнее, сильнее; на крыльях странные пятна — будто их «поела» болезнь.

У этих демонов осмысленный, хитрый взгляд; они кажутся опаснее своей родни, с которой я уже знакома. Они бегут, держа ухо востро и озираясь по сторонам, с какой-то конкретной целью. Современные адские твари превратились в крошечных слабых созданий, в бледное подобие местных обитателей.

И вместе с тем демонята — ничто по сравнению с господином, лишь тени на фоне устрашающей фигуры в колеснице. Они его боятся, это точно.

Пожалуй, адские твари и демон принадлежат к разным видам — ничего общего в них нет. Первые похожи на зубастых зверят с кожистыми крыльями и приплюснутыми мордами. Исполин — на уродливого ангела.

Демонята тащат кого-то за собой. Молодую женщину с огненно-каштановыми волосами и глазами серого цвета. Наверное, прежде ее называли красивой, но сейчас она выглядит хуже потрепанной куклы. Взор ее пуст, лицо ничего не выражает. Кажется, что девушка ушла глубоко в себя, и здесь ее даже нет.

Низшие демоны тянут ее за лодыжки, волоча по жесткой земле — руки за головой, спутанные волосы цепляются за острые кости, а те впиваются в кожу. Ее наряд превратился в лохмотья, тело в грязи и сочится кровью. Я хочу ей помочь, оттолкнуть от нее адских тварей, но кто я? Всего лишь призрак внутри воспоминаний Велиала.

Я замечаю на ней пятна краски, которой мазались жены Хранителей в ночь архаичной версии Хэллоуина; в ночь, когда Раффи пришел побороться за их жизни. Мне не знакомо ее лицо, что неудивительно — она из тех, кого адские твари смогли утащить с собой. Раффи удалось защитить обреченных, но всех он спасти не сумел. Я там была и знаю, как яростно он сражался. Должно быть, эта девушка была в числе тех, кто в панике бросился бежать.

Адские твари тащат бедняжку вокруг колесницы, держась подальше от господина, но оставаясь у ангелов на виду. Они трясутся, когда приходится приблизиться к демону, и не сводят с него глаз, словно боятся, что тот внезапно на них бросится.

Демон шипит, завидев эти создания, воздух тут же становится спертым и неприятным. Его сернистое смердящее дыхание, предназначенное демонятам, напоминает мне о скунсах, оружием которых является вонь. Немудрено, что это место пропахло тухлыми яйцами.

Половина тварей в страхе бежит без оглядки. Оставшиеся ежатся и дрожат до тех пор, пока демон не теряет к ним интерес.

Они осторожно огибают колесницу, вглядываясь в лица падших, надеясь увидеть реакцию.

Ангелы напрягаются, замечая пленницу в руках демонят, их лица искажает неподдельный страх. Все как один вглядываются в черты лица несчастной, силясь ее узнать. После чего многие закрывают глаза, и кажется, мысли, на которые наводит их эта картина,

ранят куда сильнее физических пыток.

Наконец тварям удастся привлечь внимание Велиала, и его глаза расширяются от ужаса.

— Мира, — выдыхает он хрипло.

Женщина моргает, услышав свое имя. Взгляд фокусируется. Она поворачивает голову.

— Велиал? — Ее голос лишен эмоциональной окраски, будто девушка по-прежнему в трансе; но стоит ей только его увидеть — лицо преобразается: безразличие сменяет узнавание, а его — острая мука. Женщина тянется к нему:

— Велиал!

— Мира! — кричит он в страхе.

И демонята чувствуют это: они подпрыгивают от радости и предвкушения, переговариваются друг с другом, и едва ли не хлопают в ладоши, напоминая мне восторженных детей.

А затем обнажают острые зубы, демонстрируя Велиалу свое намерение причинить Мирае такие страдания, какие ему и не снились.

— Нет! — Велиал бьется в цепях, выкрикивая угрозы в адрес адских тварей. — Мира!

В следующее мгновение монстры налетают на девушку.

Велиал издает ужасающий вопль. Не выдерживает и Мира, она начинает кричать, но захлебывается кровью и плач обрывается булькающими звуками.

Велиал принимается взывать охрипшим и полным страдания голосом:

— Рафаил! Где же ты? Ты поклялся ее защитить, ты — никчемный предатель!

К этому моменту я начинаю думать, как бы отсюда убраться. Сил моих больше нет видеть этот кошмар.

Демонята спешат за колесницей, волоча за собой жертву: так, чтобы Велиал видел все, что они с ней творят.

Он в свою очередь не прекращает вырываться. Велиал просто обезумел, и мне начинает казаться, что ему удастся порвать цепи. Он кричит не так, как кричал бы в гневе. Эти звуки страшнее ночного кошмара — так кричит человек, чью душу кромсают на части, заставляя на это смотреть.

В конце концов, Велиал срывается и начинает всхлипывать. Он рыдает по своей дочери человеческой. По девушке, которую все еще хочет спасти и уберечь. И, возможно, по их детям, которые будут загнаны и убиты кем-то, кого он считал своим другом. Другом, которым был Раффи.

Я так увлеклась трагедией двух влюбленных, что едва ли смотрела по сторонам. И тут по спине побежал холодок. Настойчивый шепот шестого чувства все это время пытался пробиться сквозь шум развернувшейся драмы.

Я озираюсь по сторонам и замечаю, что демон-исполин, управляющий колесницей, смотрит прямо на меня.

Как такое возможно? Я же всего лишь призрак.

И тем не менее он смотрит. Глаза налиты кровью, что кажется абсолютно нормальным явлением при жизни в вечно тлеющем и задымленном мире. Он злится, но ему любопытно. Демон будто бы даже обижен: какой-то непрошенный гость смеет за ним следить.

— Ш-шпион, — злобно протягивает он. — Ты не отсюда. — Его слова похожи на шипение сотни змей, но отчего-то я их понимаю.

Как только демон произносит слово «шпион», я становлюсь объектом внимания адских тварей. Их глаза расширяются — они не верят своему счастью. И тут до меня доходит — я и впрямь уже не невидима.

Демон вглядывается в меня своими красными глазами, а после щелкает кнутом. Головы, привязанные к концам разветвленного стека — кричащие, жаждущие крови и плоти, — летят в моем направлении.

На их лицах отражается смесь безысходности и надежды. Они отчаянно рады шансу вгрызться в меня. В разинутых ртах я вижу сломанные зубы; а волосы, которым следует развеяться в обратном направлении, тянутся прямо ко мне.

В тот же момент атакуют адские твари, обнажая клыки и когти.

Я делаю шаг назад и отступаюсь.

Хочу развернуться и убежать, но неровная почва не позволяет — я падаю на острые стекла и кости.

Головы все ближе.

А я продолжаю падать...

...и падать...

А приземлившись, запинаясь и шлепаюсь на задницу.

Я снова на острове, а Велиал снова бескрыл и иссушен — он лежит передо мной на земле.

И тут из его спины появляется адская тварь. Она бросается на меня, растопырив когти.

Я кричу, пятась назад.

Тварь задевает плечо, но сама пролетает мимо. Руку заливают кровью.

Кончик меча по-прежнему касается спины Велиала. Я пытаюсь его отнять, но натываюсь на сопротивление, будто с обратной стороны что-то тянет его на себя. Я чувствую натяжение связок и сухожилий в моей руке, словно клинок стал ее продолжением.

Из меча, будто двое из ларца, появляется еще пара адских тварей. Они выскакивают сквозь рану на спине Велиала, и та начинает обильно кровоточить.

Они материализовались из его воспоминаний.

Мне наконец удается вытащить меч, и я сразу откатываюсь подальше от Велиала.

Демонята кувыркаются в полете и с глухим стуком приземляются на лапы в саду. Пьяно шатаясь, они трясут головами, оглядывая двор. Щурясь на солнце, вскидывают ладони и прикрывают непривыкшие к яркому свету глаза. Это дает мне секунду, чтобы вскочить на ноги и перевести дух.

Твари тоже не медлят. Все, что мне остается — поднять меч и просто размахивать им перед собой.

Мне везет, поскольку противники выглядят дезориентированными, а один из них и вовсе спотыкается на месте. Они сразу меняют тактику и стараются держаться подальше от клинка.

К сожалению, растерянность примитивных демонов длится недолго. Они кружат на безопасном от меня расстоянии, пока приходят в себя, но хитрые глаза неусыпно следят за каждым моим шагом. Эти твари умнее тех, с которыми я боролась во сне.

Одна делает ложный выпад, другая пытается напасть со спины. Где же третья?

Пропавший из виду демонёнок выпрыгивает из-за куста и наступают сбоку.

Я кружусь, держа меч повыше, готовая атаковать. Хватка на рукояти становится тверже с каждым моим движением — ангельский меч, а не я, избирает тактику боя. Он заходит под идеальным углом и рассекает твари живот — та падает на траву, содрогаясь и истекая кровью.

Я прекращаю вертеться и отбрасываю ногой демона, который пытался напасть сзади.

Он приземляется рядом с забором, но мигом поднимается и начинает шипеть.

Двое выживших отступают, не сводя с меня глаз.

Они разбегаются и, взлетев, исчезают за деревьями.

Велиал посмеивается:

— Добро пожаловать в мой мир, дочь человеческая.

— Мне следовало знать, что ты планируешь меня обдурить. — Тяжело дыша, я зажимаю рану на плече, пытаюсь остановить кровь: пальцы быстро становятся скользкими, а футболка мокрой.

Велиал садится прямо, звеня цепями. Он куда подвижней, чем я думала.

— Оттого, что вместе с тобой явились адские твари, воспоминание ложью не стало. Откуда мне было знать, что они проберутся сюда? — Удивленным он вовсе не кажется. — То, что случилось с Мирой, — продолжает Велиал — случится скоро с тобой. А твой драгоценный Рафаил будет за это в ответе. Однажды и я считал его своим другом. Он обещал защитить Миру. Теперь ты знаешь, что случается с теми, кто ему доверяет.

Дрожа, я поднимаюсь по ступеням и прохожу в дом. Мне ни минуты нельзя оставаться в обществе этого кошмарного создания.

Мне хочется ударить себя за то, что повелась на рассказы Велиала. Хотя нужды в этом больше нет — он сделал все за меня.

Я нахожусь на кухне и пытаюсь отмыть с себя кровь в тот момент, когда возвращается Раффи.

— Что случилось? — спрашивает он, сбрасывая на пол пластиковый пакет для мусора и тут же бросаясь ко мне.

— Ничего. Я в порядке. — Мой тон холоден и неприветлив. Я думаю о том, чтобы прикрыть рану, но ткань разодрана в клочья. Старая укороченная футболка держится на раненом плече буквально на паре ниток. Наряд мог бы быть сексуальным, не будь он насквозь пропитан кровищей.

Раффи убирает мою руку от плеча и наклоняется ближе, разглядывая царапины.

— Мертвая тварь со двора? — Его дыхание ласкает кожу на шее — он слишком близко ко мне. Я отступаю на пару шагов назад, ощущая прилив неловкости.

— Ага. И два ее друга.

Он так сильно стискивает челюсти, что на лице играют желваки.

— Не волнуйся, — говорю я. — Дело не в том, что я рядом с тобой.

Он склоняет голову набок:

— А с чего ты взяла, что я так решу?

Упс. Говорил ли он, что твари охотятся за мной? Или я знаю об этом только из воспоминаний Мишутки?

Можно ему соврать, но... Вздохнув, я понимаю, что всем рано или поздно приходится признавать свои недостатки. Мой заключается в том, что я никудышная лгунья.

— Я, эм... видела кое-что через твой меч. Случайно. По крайней мере, в первый раз.

— Кое-что? — Он скрещивает руки на груди, сверкая глазами. — И что, например?

Я принимаюсь кусать губу, лихорадочно соображая, что ему на это ответить.

Раффи опускает глаза на некогда свой меч, лежащий на барной стойке. И, кажется, сияние Мишутки меркнет под его интенсивным взглядом.

— Он делился с тобой воспоминаниями обо мне?

Мои плечи слегка расслабляются.

— Так ты знал, что он на это способен?

— Я знал, что он был мне верен, я ему доверял, — обращается Раффи к Мишутке.

— Я думаю, он не имел в виду ничего дурного. Просто пытался научить меня обращению с собой. Я же никогда не владела мечом.

Раффи продолжает говорить не со мной, а с клинком:

— Одно дело вынужденно отказаться от носителя, ошибочно приняв его за падшего, и другое — раскрывать детали личной жизни бывшего хозяина.

— Слушай, — перебиваю я. — Мне и без вашей перепалки странностей хватает; владение полуразумным мечом с лихвой покрывает лимит таковых. Не мог бы ты просто забыть о том, что случилось?

— Что он тебе показал? — спрашивает Раффи, но тут же поднимает руку: — Стой! Не говори. Не хочу знать о том, что ты видела меня пляшущим под любимую музыку в нижнем белье.

— Ангелы носят белье? — Вот черт, лучше бы я молчала, а то рою себе яму — глубже, глубже и глубже.

— Нет, — качает он головой. — Это просто фигура речи.

— О, — я киваю, стараясь выбросить из головы сцену с Раффи, танцующим под какую-нибудь рок-композицию, предположительно голым. — Кстати, о странностях! Адские твари попали сюда через меч.

— Что?

Я прочищаю горло.

— Эта тварь, которую ты видел на лужайке, и две другие — все они выбрались из Велиала, когда я касалась его мечом. — Я все еще надеюсь, что мне не придется признаваться во всем, но Раффи, похоже, прошел через ангельскую школу допроса, потому что как вытягивает из меня все больше информации.

Пока я подробно излагаю последние события, он хмурится, меряя шагами кухню.

А стоит мне закончить, он говорит:

— Никогда не верь Велиалу.

— Он то же самое сказал о тебе.

Раффи перетряхивает мусорный мешок, брошенный им на пол.

— Возможно, он прав. Ты никому не должна доверять.

Он извлекает набор консервов и предметы первой необходимости, вскрывает упаковки с бинтами, мазью и пластырем, а затем направляется с ними ко мне.

— Где ты это нашел?

— На Алькатрасе. Хоть какая-то польза от этого места есть.

— Нашел что-нибудь еще?

— Запустение и бардак. — Раффи давит на края моих ран — нежно, но я морщусь. — Хочу убедиться, что ты ничего не сломала.

— Ты знал, что такое может случиться? Что твари могут появляться из ангельских мечей?

— Я слышал подобные рассказы, но считал их мифами. Полагаю, демоны куда компетентней в этом вопросе. Должно быть, Велиал пытался выманить пару тварей, чтобы те помогли ему бежать.

Раффи осторожно протирает порезы антисептиком.

— Будь начеку. Адские твари теперь от тебя не отстанут.

— Тебе-то что? Ты ясно дал понять, что исчезнешь из моей жизни, как только вернешь крылья.

Он тяжело вздыхает, прижимая марлевый компресс к моему плечу. Я дергаюсь от боли, и он ласково гладит меня по руке.

— Я бы хотел, чтобы все было иначе, — говорит он, перебинтовывая рану. — Но это невозможно. У меня есть народ и обязательства перед ним. Я не могу просто взять и...

— Прекрати, — качаю я головой. — Я все поняла, ты прав. У тебя своя жизнь, у меня своя. Мне не нужен тот, кому... не нужна я; тот, кто не любит меня.

В моей жизни хватает подобных людей. Я — дочь, брошенная отцом, оставившим несуществующий номер телефона и забывшим указать новый адрес; дочь, чья мать...

— Ты неповторимая девушка, Пенрин. Потрясающая девушка. Я-даже-не-знал-что-такие-как-ты-существуют девушка. Ты достойна кого-то, для кого станешь главным приоритетом в жизни, потому что так и должно быть. Кого-то, кто вспахнет поля и вырастит поросят ради тебя.

— Хочешь свести меня с парнем, который разводит свиней?

Он пожимает плечами:

— Или занят чем-то еще, что делают достойные мужчины в свободное от войны время. При этом размазней он быть не должен. Не вздумай связываться с тем, кто не способен тебя защитить, — говорит Раффи, чересчур энергично отрывая необходимое количество пластыря.

— М-да? И как же фермер будет меня защищать? Ножом для забоя свиней? Правильно я понимаю?

— Я лишь пытаюсь сказать, что мужчина, который тебе нужен, должен осознавать, что он тебя не достоин. Мужчина, который положит жизнь на алтарь твоей безопасности и обеспечит всем необходимым. — Он прикладывает очередной компресс к соседнему порезу. Я снова вздрагиваю. — Убедись, что он добр и проявляет к тебе уважение в любой ситуации. В противном случае, мой визит ему обеспечен, — безжалостным тоном чеканит слова Раффи.

Он тянется за пластырем, а я качаю головой, не зная, злиться или смеяться.

Я уклоняюсь от его руки, надеюсь, привести эмоции в порядок.

Раффи вздыхает. Он все равно накрывает ладонью мое плечо и прижимает к бинтам пластырь, разглаживая его подушечками пальцев.

Я ожидаю, что он еще что-то скажет, но Раффи молчит. А есть ли вообще смысл обсуждать то, что между нами происходит? Возможно, все, что мне действительно нужно — немного личного пространства, чтобы во всем разобраться самой. Я беру с собой меч и банку тунца, а затем выхожу за дверь.

Снаружи я греюсь на солнце, позволяя теплу просочиться до самых костей. Набираю в грудь побольше воздуха, пропитанного ароматом розмарина, и медленно выдыхаю.

Отец считал, что в солнечном тепле заключена особая магия. Он говорил, если закрыть глаза, сделать глубокий вдох и впустить солнце в себя — ощутишь прилив оптимизма и поймешь, что все будет хорошо. Говорил он это, как правило, по завершении одного из затяжных маминых приступов, сопровождавшихся ором и метанием вещей по квартире.

Черт, если уж папин метод срабатывал в рамках маминых марафонов ярости, для апокалипсиса тоже сойдет. Но с парнями все по-другому. Уверена, даже папа не сумел бы придумать метод, способный разрулить мою ситуацию с Раффи.

Глядя на миниатюрные желтые цветы, точно укрывшие холмы, я вспоминаю о парке, в котором мы любили бывать с отцом до того, как он нас оставил. С идиллией не вяжется одно — небольшая группа жутких чудовищ со скорпионьими жалами и заштопанная малышка с синяками и ссадинами по всему телу.

Посреди высокой травы моя сестра перебинтовывает палец одному из монстров, будто перед ней домашний любимец, а не библейская саранча, призванная мучить людей в изощренной апокалиптической манере.

Я знаю, под безразмерной футболкой страшно выпирают ребра. Этим утром, укладывая Пейдж, я видела, насколько она худа. И мне больно на это смотреть. Под глазами моей сестры залегли круги, ее руки похожи на веточки, а она сидит на траве в компании псевдопитомцев и играет с монстрами в медсестру.

Я заметила, что Пейдж старается сидеть как можно чаще. Должно быть, экономит силы. Она же просто умирает с голоду.

Чтобы направиться к ней, приходится себя поуговаривать. Неважно, сколько времени я провожу с саранчой, привыкнуть к ним — выше моих сил. Благо, пока я иду, они успевают убраться.

Я опускаюсь на траву рядом с Пейдж и показываю ей угощение.

— Помнишь папины сэндвичи с тунцом? Ты обожала их, пока не стала вегетарианкой.

Я открываю консервную банку и киваю на бледно-розовую рыбу.

Пейдж отшатывается.

— Помнишь, как папа соорудил на хлебе смайлики из тунца? Они на целый день поднимали тебе настроение.

— Папочка придет?

Ей хочется знать, когда он вернется. Но ответ таков: никогда.

— Он нам не нужен.

Если честно, было бы здорово, если бы он вернулся. Но не уверена, поступила бы так сама, окажись на его месте. Интересно, помнит ли он о нас?

Пейдж смотрит на меня глазами олененка Бэмби:

— Скучаю по нему.

Я пытаюсь найти слова утешения, но во мне совершенно пусто.

— Я тоже.

Подцепив кусочек тунца, я подношу его к лицу сестры:

— Хотя бы попробуй.

Она печально качает головой.

— Ну же, Пейдж.

Она пристыженно смотрит вниз, а я с ужасом разглядываю ее впалые щеки и острые ключицы.

Я кладу рыбу себе в рот и принимаюсь медленно жевать.

— Вкусно.

Сестра украдкой смотрит на меня сквозь завесу волос, прикрывших ее лицо.

— Ты голодна? — спрашиваю я.

Она кивает. Ее взгляд на секунду перемещается на бинты на моем плече — на них проступила кровь.

Пейдж отворачивается, будто ей неловко за себя, и поднимает глаза в небо — на саранчу, кружащую прямо над нами. Но она ничего не может с собой поделаться и продолжает коситься на бинты, ее ноздри раздуваются, как если бы в воздухе витал аромат чего-то аппетитного.

Кажется, мне пора.

Я опускаю банку на землю, и тут раздается звериный вой. Так могла бы кричать гиена, смех которой, я, к слову, наверное, даже не слышала. Но я инстинктивно узнаю позывные хищного зверя. И от этих звуков волосы встают дыбом.

Слева я замечаю тень, мелькнувшую за деревьями.

Еще одна появляется между ветвей, а за ней еще и еще.

Когда одна из них выглядывает из-за ближайшего ствола, я вижу крылья и острые зубы.

Адские твари.

Прорва таких тварей.

Рошу, окружающую холм, наводнили мрачные тени, они мечутся меж деревьев, подбираясь все ближе и ближе.

Наступление примитивных демонов сопровождает безумный звериный хохот.

Саранча Пейдж устремляется им навстречу. Но у теней численное преимущество.

Я хватаю сестру за руку, и мы вместе бежим к дому.

Я вся покрываюсь мурашками, пытаюсь понять, насколько близки невидимые когти, готовые вонзиться в меня.

На бегу кричу:

— Адские твари!

Из окна столовой показывается Раффи.

— Как много? — спрашивает он, когда мы подбегаем ближе.

Я указываю на настигающие нас тени. Раффи тут же исчезает из поля зрения.

Секундой позже он выскакивает из дома и с грохотом приземляется на крыльцо. В руках у него рюкзак, к которому привязан сверток из покрывала.

На бегу к ограде мы замечаем, что цепи Велиала разорваны и болтаются на столбе. Самого Велиала нет.

Спасибо сказать надо адским тварям. Они, может, и не любят друг друга, но играют в одной команде. Не потому ли Велиал предложил заглянуть в свое прошлое? Все ради нескольких демонят-освободителей.

Раффи кидает мне рюкзак. В свертке, должно быть, крылья.

Я просовываю руки в лямки, а между тем пара скорпионов моей сестры опускается рядом с ней. Они шипят на тени, обступившие нас.

Я делаю шаг назад. До сих пор не терплю близости этих созданий, вернее сказать — их жал.

— Пейдж, мы должны уходить. Ты не могла бы попросить их унести нас отсюда?

От мысли о том, что я окажусь в руках одного из этих чудовищ, пульс подскакивает до небес. Но даже с ними сейчас комфортней, чем с Раффи, который популярно объяснил, что чувствует ко мне и думает о нас. Перевожу: нет никаких нас.

В глазах Раффи я вижу неодобрение. Он кладет ладонь мне на спину, затем наклоняется, чтобы обхватить колени, и резко поднимает.

— Я могу лететь с саранчой. — Тело напряжено, я стараюсь не прижиматься к Раффи.

— Черта с два ты с ней полетишь. — Он пробегает пару шагов и раскрывает крылья.

Пара взмахов, и мы поднимаемся в небо.

Руки тут же сомкнулись на его шее. Выбора нет — остается прильнуть к Раффи и держаться как можно крепче. Это не лучшее время для споров.

Саранча и Пейдж держатся позади.

Тени покидают укрытие, выбираясь из-за деревьев. Видимо, остров Ангел являлся неким демоническим конференц-центром. Либо так, либо визитеры из ада прекрасные организаторы.

Раффи направляется в сторону Сан-Франциско. Черное облако адских тварей взмывает в небо и бросается в погоню за нами.

Над Алькатрасом привычно роится саранча — причина ураганного ветра, от которого волосы отчаянно хлещут меня по лицу. Мы приближаемся к ней — рой устремляется к нам.

Он примыкает к нашей немногочисленной компании, и мы сами становимся роем. Монстры не проявляют симпатии, но и нападать не планируют. Похоже, к нам их влечет исключительно стадное чувство.

Орда демонов замирает. Они не чета саранче. Зависнув на пару секунд и оценив ситуацию, адские твари разворачиваются и исчезают вдаль.

Я набираю полные легкие воздуха и с облегчением выдыхаю. Хотя бы на этот момент мы спасены.

Раффи хмуро наблюдает за отступлением демонов, погружившись в свои мысли. Я тоже оглядываюсь и наконец понимаю, что его так беспокоит. Они не глупят, как это обычно бывает, не бросаются на рожон.

В душе поднимается смутная тревога. Кого я впустила в наш мир?

Стая над Алькатрасом редет по мере того, как саранча решает следовать за нами и покидает рой.

В нашу сторону устремляется новая группа, и летит она в виде клина, лидером которого является скорпион с неестественно массивным хвостом, задранном над головой. Мне отчего-то становится не по себе. Они ведь преследуют Пейдж, повинувшись инстинкту, правда?

Любой бы разволновался, когда на него мчится орда саранчи.

Но секунду спустя их вожак подтверждает мои опасения. Теперь он достаточно близко, и я могу рассмотреть серебристую прядь в его волосах. Внутри все холодеет, когда я его узнаю.

Это он забавлялся, вжимая меня в решетку грузового контейнера, полного отчаявшихся людей, которых морили голодом просто из удовольствия. Велиал говорил, что его намеренно культивировали в качестве лидера саранчи.

Он крупнее других особей — Велиал упоминал о более качественном рационе для вожakov. И зачем он здесь? Может ли Пейдж приказать саранче ополчиться против него? Такое коварное и опасное существо нельзя оставлять в живых. Я не хочу, чтобы он находился у нас под боком.

Приблизившись, Седая Прядь хватает за руку скорпиона, за раной которого ухаживала Пейдж. Он дергает его на себя, мешая продолжить полет. Вожак значительно превосходит размером саранчу моей сестры.

Он вырывает жертве крыло и сбрасывает визжащего монстра в воду.

Пейдж кричит. Широко распахнув глаза, она наблюдает за тем, как беспомощный питомец бьет оставшимся крылом, камнем падая в воду.

Незначительный всплеск на темной глади залива — и он уходит на дно, поглощенный водой так быстро, будто его и не было вовсе.

Седая Прядь рычит на саранчу Пейдж, угрожая ей своим жалом.

Скорпионы моей сестры растерянно жужжат, нарезая по небу круги. Они то глядят на Седую Прядь, то украдкой косятся на Пейдж, которая рыдает над погибшим любимцем.

Прядь повторяет свой грозный рык.

Все скорпионы Пейдж, за исключением четверых, неохотно перемещаются к роящимся

за спиной вожака собратьям.

Группа Седой Пряди сжимает вокруг нас кольцо. Их крылья оглушающе стрекочут, отчего наши волосы мечутся на ветру. Лидер покачивается в воздухе, глядя на Пейдж сверху вниз.

Она кажется крохотной перекроенной куклой в руках жутких чудовищ, теряющихся на фоне более крупного преследователя.

Должно быть, мое напряжение передалось Раффи, потому как теперь он летит к Пейдж наперерез вожаку. Демонические крылья с шумом рассекают воздух при каждом взмахе. Он замирает напротив Седой Пряди — сияющие на солнце крюки и косы уже наготове.

Скорпион расширяет глаза и кажется просто безумным. Кем же он был в Мире До? Серийным убийцей?

Он принимает важный вид и смеривает взглядом сначала Раффи, а после меня, размышляя, избавится ли противник от ноши, чтобы вступить в бой.

Седая Прядь снова рычит на верных питомцев Пейдж. Прямо сейчас он не смеет открыто бросить вызов Раффи. Быть может, он и маньяк, когда дело касается голодающих заключенных и маленьких девочек, но слишком труслив, чтобы драться с ангелодемоном.

Вожак замахивается хвостом на одного из оставшихся с Пейдж скорпионов. Он не жалит, а режет его лицо, оставляя кровавый след. Раненая саранча меньше других, она ежится в страхе, решив, что ей хотят перерезать горло.

Седая Прядь смело поворачивается спиной, желая доказать, что не боится. Он улетает прочь, вцепившись в волосы самого меньшего скорпиона из свиты Пейдж, а тот неловко работает крыльями, пытаясь держаться в небе.

Монстр растерянно оглядывается на хозяйку и посылает ей страдальческий взгляд. Он не хочет ее покидать, но Пейдж абсолютно бессильна — она тянет к нему руки, пока тот не исчезает вдали.

Похоже, это была своего рода битва за лидерство, и рой выжидает, кому присягнуть на верность. Что бы там ни сделала Пейдж прошлой ночью, натравив саранчу на ангелов, сейчас этот трюк не проходит.

Серийный маньяк против семилетней девочки. Неравный поединок. Хорошо, что Седая Прядь, побоявшись связываться с Раффи, не пытался ранить мою сестру.

С Пейдж остается скорпион, держащий ее на руках, и еще пара особей, прикрывающих их по бокам. Нас меньше, но шансов укрыться от любопытных взглядов больше.

Осадок после стычки неприятный. Не люблю, когда меня травят, особенно — хищные насекомые-задиры.

Полет возобновляется. В глазах сестры я вижу беспокойство. Но, думаю, дело не в оспоренном авторитете. Пейдж ненавистно, что саранчу накажут по ее вине.

— Нам нужно в лагерь Сопротивления, — говорю я, цепляясь за шею Раффи. — Док может быть там. В его силах помочь и тебе, и Пейдж.

Подозреваю, что там и моя мать — ждет, пока мы ее найдем.

— Человеческий доктор?

— Обученный ангелами. Я думаю, это он пришивал крыло Велиала, в смысле, твое крыло Велиалу.

Молчание Раффи нарушают лишь мощные взмахи его демонических крыльев.

— Я и сама не в восторге, но выбор наш небогат.

— А почему бы и нет, — послушно соглашается он. — Заявимся во вражеский стан, где примитивные аборигены порвут меня на кусочки, распродадут по частям, а остатки разотрут в порошок для повышения потенции.

Я крепче обнимаю Раффи за шею.

— Мы больше не примитивные.

Излучая скептицизм, он изгибает свою идеальную бровь.

— Теперь у нас есть «Виагра».

Раффи искоса поглядывает на меня, будто знает, что это за препарат.

На закате, миновав залив, мы начинаем снижаться над Ист-Бэй. Избегая ареала обитатели, забираем в сторону лагеря сопротивленцев. Ангелов в небе на удивление много — слетаясь со всех сторон, они спешат в направлении залива Полумесяца, их цель — новая обитель.

Заметив многочисленную группу, мы приземляемся у торгового центра «Мэйсис» и прячемся под козырьком.

— Должно быть, летят выбирать Посланника, — взволнованно говорит Раффи, наблюдая за стаяй ангелов, пролетающей прямо над нами.

Я убираю руки с его шеи и покидаю его тепло. Под навесом универмага сразу становится зябко.

— Хочешь сказать, сюда прибывают новые ангелы? А то нам своих не хватало!

Они так высоко, что вот-вот коснутся небес. Раффи замороженно следит за их полетом. Его тело рефлекторно дергается, словно ему стоит немалых усилий оставаться со мной на земле, вместо того чтобы догнать товарищей.

— Каково это — быть в стае? — спрашиваю я.

Раффи какое-то время продолжает смотреть в небо, и только потом отвечает:

— Как-то раз мы с Хранителями отправились на зачистку территории от демонического засилья. И не нашли ни одной твари. Но Циклон, один из моих солдат, настолько распалился перед битвой, что никак не хотел уходить ни с чем.

Раффи кивает в сторону удаляющихся ангелов.

— Мы так же летели назад, когда Циклон решил устроить первоклассное представление. Рассчитывал шумом выманить врага. Он начал кружить на предельной скорости, уверенный, что вызовет тайфун.

Раффи улыбается воспоминанию.

— Мы разделились: одни, шутки ради, подключились к нему, а другие приземлились поглазеть и потрепаться между собой. Мы стали швырять в них чем ни попадя — ветками, листьями, комьями земли; всем, что могли найти. Что за тайфун без воронки со всяким

мусором!?

Взгляд Раффи становится лукавым.

— Те, что были в воздухе, помчались к дереву, которое, уверен, поразила болезнь, ведь на его ветвях качались подгнившие апельсины. Плоды полетели в нас, и всё обернулось грандиозным апельсиновым побоищем в грязи.

Он тихо смеется, поднимая к небу глаза.

Лицо расслаблено, он кажется счастливым — таким, каким я прежде его не видела.

— Мы потом еще несколько дней вымывали мякоть из ушей и волос.

Он продолжает смотреть вслед удаляющимся ангелам.

Многовековое одиночество накрывает его, словно тень на исходе дня. Оно смывает с лица радость, являя миру закаленного аутсайдера, бредущего сквозь апокалипсис.

— Ты уверена, что этот человеческий доктор способен пересадить крылья? — спрашивает Раффи.

— Так сказал Велиал. — Но, конечно, он много чего говорит.

— И ты думаешь, он в лагере Сопротивления?

— Не ручаюсь, но Док был среди спасенных из Алякатраса. Если он не с сопротивленцами, то кто-то из них все равно может сказать, где нам его искать. — Я вынуждена довериться человеку, который в ответе за то, что случилось с моей сестрой. И это меня гложет.

Из груди вырывается вздох:

— Лучшего плана нет. Открыта твоим идеям!

Еще пару секунд он провожает ангелов взглядом, а затем разворачивается и направляется в «Мэйсис».

А что, неплохо придумал. Нам с Пейдж не помешает нормальная одежда. Пока небо расчистится, успеем пройтись по магазинам. Оставив саранчу снаружи, мы обе идем за Раффи.

Электричества нет, но свет, проникающий в окна, позволяет ориентироваться в передней части универмага. Вешалки в беспорядке: свалены в кучу или просто опрокинуты на пол. Одежда всех цветов и фасонов брошена на проходах. Голые манекены в витринах сложены друг на друга в весьма недвусмысленных позах.

Кто-то разграффитил потолок: рыцарь направляет меч на огнедышащего дракона, в десяток раз превосходящего его в размерах. Дракониий хвост исчезает во тьме магазина — там, куда не проникнуть лучам солнца.

Под рисунком я замечаю слова: «Куда подевались герои?».

Мне кажется, согласно авторской задумке, у рыцаря нет шансов выстоять против дракона. Художника можно понять.

Озираясь по сторонам, я силюсь припомнить, каково было раньше бродить по торговым центрам. Мы проходим отдел с вечерними платьями. Вешалки и пол устланы шелками, блестками и перламутром.

В этом году состоялся бы мой выпускной бал. Был бы у меня кавалер? Это вряд ли. А если бы кто и позвал, я все равно не смогла бы позволить себе один из таких нарядов. Поглаживая мерцающую ткань, ниспадающую с вешалки до самого пола, я думаю о том, что было бы здорово пойти на школьный бал вместо маскарада, полного убийц.

Я замечаю, что Раффи все это время за мной наблюдает. Он стоит к свету спиной, отчего его шевелюра и широкие плечи «горят» по краям. Будь мы людьми, девчонки из моей

школы переродились бы насмерть за право находиться с ним в одном помещении. Но Раффи не человек.

— Тебе бы пошло, — говорит он, кивая на платье в моих руках, в котором смело можно пройти по красной дорожке.

— Спасибо. В самый раз к армейским ботинкам.

— Пенрин, воевать всю жизнь тебе не придется. Придут времена, когда ты совсем заскучаешь и будешь мечтать о какой-нибудь стычке.

— Покой нам только снится. — Я снимаю с вешалки платье и прикладываю к себе, наслаждаясь прикосновением мягкой сияющей ткани к обнаженной коже.

Раффи отступает на пару шагов, чтобы оценить мой понарошный наряд, а затем одобрительно кивает.

— Как думаешь, что бы случилось, если... — голос садится, я сглатываю и продолжаю: — Если бы ты был человеком, ну или я ангелом?

Раффи поддается внезапному порыву — протягивает руку и пробегает пальцами по ткани на моем плече.

— Будь я человеком, построил бы для тебя славную ферму, — говорит он на полном серьезе. — Лучшую ферму на свете. С золотистыми ананасами, сочными грейпфрутами и вкуснейшим редисом в мире.

Я смотрю на Раффи во все глаза, пытаюсь понять, шутит он или нет. Очень похоже, что нет.

— Не так уж и часто бывал ты на фермах, Раффи? К тому же большая часть населения этой планеты давно отошла от сельского хозяйства.

— Моих потенциальных человеческих потуг ради тебя это не умаляет.

Его слова вызывают улыбку.

— А я, будучи ангелицей, щекотала бы перьями твои ступни, а по утрам распевала бы райские песни.

Раффи хмурится, силясь представить эту картину.

— Ясно, — киваю я. — Мы оба не имеем ни малейшего понятия о том, каково это — жить в мире другого. Что тут говорить...

Он смотрит на меня сверху вниз, в глазах светится искренность:

— Будь я человеком — потеснил бы всех твоих воздыхателей... — Раффи отводит глаза. — Но я не человек. Я архангел. Моя раса в беде и выбора нет — я должен попробовать все исправить. Нельзя отвлекаться на дочь человеческую. — Он еле заметно кивает, обращаясь к себе самому: — Я не могу...

Аккуратно возвращая платье на место, я думаю о том, что надо прислушаться к этим словам. Пора смириться и просто принять все как есть.

Я нахожу в себе силы взглянуть на Раффи, готовая к мрачной решимости или, может быть, жалости, но вижу, что он в смятении. В глубине его глаз разгорелась нешуточная борьба.

В груди вспыхивает искра надежды. Казалось бы, не на что больше надеяться, но разум не поспевает за сердцем.

— Только раз, — обращается Раффи скорее к себе, чем ко мне. — Хотя бы один раз.

Он наклоняется ко мне и целует.

Я умираю от желания получить такой поцелуй с тех пор, как явилась на свет.

У него мягкие губы, и он удивительно нежен. Пальцы бережно перебирают мои волосы.

Язык скользит по моим губам и проникает внутрь, пропуская по телу высоковольтный разряд: волна устремляется вниз к самым кончикам пальцев ног, а затем пробегает обратно до кончика языка.

Я словно тону в нем. Кто же знал, что такое бывает?! Я отвечаю на поцелуй, сжимая пальцы на его плечах и почти отрываясь от пола.

Мы целуемся исступлённо, кажется, целую вечность, но она пролетает как миг. Я задыхаюсь, кислорода отчаянно не хватает. Внутри все тает и обращается лавой.

И тут он замирает.

Глубоко вздохнув, он отступает назад, удерживая меня на расстоянии вытянутых рук.

Покачнувшись, я инстинктивно делаю шаг навстречу. Веки отяжелели, и все, что мне сейчас нужно — потеряться в вихре ощущений, источник которого — Раффи.

В его глазах желание и печаль, но ближе к себе он меня не подпускает.

Глядя на это, я спускаюсь с небес и возвращаюсь на землю.

Нашествие. Мама. Сестра. Массовые убийства. Все это разом обрушилось на меня. От прав.

Кругом война.

Апокалипсис на пороге. Нас ожидает кошмарный мир, полный монстров и пыток.

А одна помешанная девчонка стоит тут, прижавшись к вражескому солдату. Совсем из ума выжила?

В этот раз ухожу я.

Похоже, чулан в моей голове действительно переполнен, а закипевшим эмоциям нужно остыть.

Я ухожу вглубь магазина, подальше от Раффи. В тускло освещенном отделе, куда проникает всего лишь полоска света, я нахожу рекламную тумбу, на которую можно сесть. Лично мне отсюда все видно, а для тех, кто будет смотреть со стороны входа, я покажусь лишь тенью на фоне теней. Я будто так и живу — на границе солнца и тьмы, в какой-то сумеречной зоне.

Я сижу и болтаю ногами над рухнувшими стеллажами и осколками цивилизации. Когда мне это надоедает, начинаю вглядываться во мрак универмага. Разобрать что-либо не удастся, так что я остаюсь тет-а-тет со своей бурной фантазией — мы вместе гадаем, шевелится что-то во мгле или же нет. А затем, присмотревшись, я все-таки кое-что вижу.

За угловым указателем, вблизи обувного отдела и нескольких опрокинутых манекенов, горит огонек. Это лампа, она включена, но по мощности очень слаба и излучает скорее тень, нежели свет.

Я касаюсь ладонью плюшевой шерсти Мишутки, споря сама с собой: удирать или пойти посмотреть, что там такое. Бежать к Раффи? Спасибо, я пас. Спрыгнув на пол, я тихонько крадусь в направлении импульсной лампы.

Но дойти не успеваю — кто-то выходит на свет.

Это Пейдж. Ее длиннющая футболка, прикрывающая колени, сползла с одного плеча. Светлые тенниски покрыты засохшей кровью и теперь кажутся черными.

Тусклый свет подчеркивает впалости на ее лице, выделяя скулы и челюсть, покрытые швами; на шее длинная тень — продолжение темных волос. Пейдж как лунатик идет к манекенам. Ее влечет нечто лежащее на полу.

Я еще раз смотрю на манекены и тут понимаю, один из них — человек.

Он лежит на спине поверх разбросанной обуви, голова и плечи затерялись на фоне пластиковых конечностей; кажется, он рухнул прямо на них. Одна бледная рука откинута в сторону лампы, вторая лежит на груди — в кулаке какой-то листок. Смерть от сердечного приступа?!

Пейдж, будто в трансе, опускается на колени. Подняв голову, она заметит меня, но сейчас центром ее вселенной является этот мужчина. Возможно, моя сестра чувствует людей, как хищники чуют добычу.

Я знаю, что она будет делать.

Но не препятствую ей.

Я хочу. Боже, хочу!

Но просто стою на месте.

Глаза застилают обжигающие слезы. Это слишком. Хочу к маме.

Все это время я считала себя сильной. Думала, это я принимаю сложные решения и несу на своих плечах ответственность за семью. Но теперь я понимаю, что от самых страшных проблем, последствия которых преследуют до последнего вздоха, меня заслоняла мама, и до сих пор заслоняет.

Вот, что случилось, когда сопротивленцы поймали Пейдж, словно дикого зверя! Я тщетно пыталась накормить ее супом и гамбургерами, в то время как мама уже догадалась,

что именно ей нужно. Это она привела Пейдж в рошу, чтобы та могла отыскать себе жертву.

Не могу отвернуться. Ноги налиты свинцом, а глаза не хотят закрываться. Такова теперь сущность моей сестры.

Ее верхняя губа приподнимается, обнажая бритвенно-острые зубы.

Доносится тихий стон. И у меня самой едва не случается приступ. Стонет Пейдж или мужчина? Неужели он все-таки жив?

Пейдж достаточно близко, ей наверняка известен ответ. Подняв его руку, она подносит ее к широко раскрытому рту.

Я пытаюсь ее окликнуть, но из меня вырывается только подобие вздоха. Он мертв. Должен быть мертв. Но я все равно не могу отвернуться, а сердце гулко стучит где-то в висках.

Пейдж медлит, ее нос морщится, а губы выворачиваются как у рычащей собаки.

Клочок бумаги, в который вцепился мужчина, теперь у ее лица. Она застывает, вглядываясь в него.

Затем слегка отстраняет руку своей жертвы, чтобы лучше рассмотреть листок.

Лицо Пейдж разглаживается, рот закрывается, пряча острые зубы. Взгляд теплеет, губы дрожат. Сестра возвращает руку мужчины ему на грудь, хватая себя за голову и тихонько качается взад-вперед, словно взрослая женщина, на голову которой свалилось слишком много проблем.

А затем вскакивает и убегает в темноту.

Я так и стою в тени, а сердце рвется на части от того, что происходит с Пейдж. Моя малышка раз за разом выбирает человечность, а не звериные инстинкты. Даже ценой истощения и... смерти.

Я направляюсь к мужчине, чтобы увидеть лист. Чтобы к нему подойти, приходится переступить через туфли на шпильке и баночки с декоративной косметикой. Мужчина без сознания, но все еще дышит.

Все еще дышит!

Меня трясет. Я опускаюсь на пол, сомневаясь, что ноги меня удержат.

Поношенная одежда, грязь, волосы в беспорядке, всклокоченная борода. Видно, что человек в пути довольно давно. Я где-то слышала, что приступ инфаркта порой длится целыми днями. Как долго он здесь пролежал?

Меня вдруг охватывает иррациональное желание вызвать скорую.

Сложно поверить, что раньше мы жили в мире, в котором незнакомые люди вкололи бы несчастному лекарства, и, подключив к аппарату жизнедеятельности, сутки напролет проверяли бы его показатели. Совершенно чужие люди, ничегошеньки не знающие о своем пациенте. Незнакомцы, которым бы и в голову не пришло порываться в его вещах, надеясь что-то стащить.

И все посчитали бы это нормальным.

Я поднимаю руку мужчины, чтобы разглядеть зажатый в кулаке листок. Вынимать я его не буду — человек умирал, не желая расставаться с этой бумагой; она для него важна.

Это выдранный из альбома, и теперь уже перепачканный, детский рисунок. Дом, дерево, человечек повыше держит за руку человечка пониже. Внизу розовым карандашом выведены неровные печатные буквы: «Я люблю тебя, папочка».

Я долго смотрю на эти каракули, сидя под тусклым светом, пока наконец не кладу руку мужчины ему на грудь.

Чтобы ему не пришлось и дальше лежать на холодном кафельном полу и жестких манекенах, я осторожно перетаскиваю тело на ковер.

Неподалеку лежит рюкзак — должно быть, мужчина сбросил его с плеч, когда начался приступ — его я тоже ставлю на ковер. Внутри нахожу воду.

Приподняв голову мужчины — тяжелую и очень горячую — я пытаюсь его напоить. В основном все проливается мимо, но пара глотков попадает-таки в рот. Горло рефлекторно сокращается. Наверное, он не в полной отключке.

Из куртки мужчины я делаю подобие подушки. Я больше не знаю, чем тут еще помочь. И ухожу, оставляя его один на один с умиранием.

Мне удастся найти подходящий наряд для Пейдж. Розовую футболку с блестящим принтом в виде сердца, джинсы, кеды и кофту на молнии. Все вещи, за исключением футболки, темного цвета; так ее будет трудно засечь в темноте. Немаловажная деталь — капюшон. Он прикроет ее лицо, если нам придется слиться с толпой.

Для себя выбираю черные ботинки и джинсы, красно-коричневый топ — на нем не так сильно будет заметна кровь, которой не избежать. Надеюсь, ее проливать не мне. Постапокалиптическая практичность. Я поднимаю с пола дутую куртку, белую как... и опускаю, заменяя флисовой толстовкой. Напоминания об ангелах не к месту. Я не в том настроении.

Раффи достал бейсболку и темный тренкот свободного кроя, под которым уместятся крылья. А кепка ему идет.

Мысленно закатываю глаза. Я — клиническая дура. Миру пришел конец, сестра уважает человечину, прямо сейчас умирает мужчина, и нам повезет, если мы доживем до рассвета. А я? Я пускаю слюни на парня, которому не нужна. Который даже не парень, он не человек. Хороша извращенка, правда? Порой я хочу отдохнуть от самой себя.

Я раздраженно заталкиваю плащ и кепку в рюкзак.

Когда мы покидаем универмаг, ангелов в небе не видно. Раффи собирается взять меня на руки, чтобы продолжить полет, но я отхожу назад.

— Ты не обязан. Поймаю попутку-саранчу. — Я буквально давлю из себя эти слова. Объятия скорпионоподобного монстра — та еще радость. Но Раффи выразился ясно: что бы ни было между нами — это пустой номер, безнадежное мероприятие. Он дал понять, что уходит. А если я чему и научилась, так это тому, что попытки удержать того, кто оставаться не желает — прямая дорога к разбитому сердцу. Спросите мою мать, она подтвердит.

Я стискиваю зубы. У меня получится. Ну что такого страшного в близости кошмарного создания с ядовитым жалом, от которого ты разок чуть не отправилась к прародителям? Должна же девушка иметь хоть каплю гордости даже в условиях Мира После.

Раффи смотрит на меня пронизательным взглядом, будто знает, о чем я думаю. Он поворачивается к саранче и кривит губы, оценивая монстров: толстые ноги, насекомообразные торсы, стрекозиные крылья и закрученные хвосты.

Раффи качает головой:

— Слишком тонкие крылья — я им тебя не доверю. Ненормально длинные ногти — одна царапина и здравствуй, инфекция. Как только саранчу усовершенствуют — летай себе на здоровье. — Он подходит ко мне и одним легким движением поднимает с земли. — А до тех пор только я буду твоим воздушным такси.

Он взлетает, прежде чем я могу ему возразить.

Со стороны залива дует порывистый ветер, а значит, нет смысла надирать связки, поддерживая беседу. Я расслабляю мышцы, утыкаюсь лицом в шею Раффи и, возможно в последний раз, позволяю себя согреть.

Солнце скрывается за горизонтом, и я замечаю под нами пару огней — должно быть,

бивачные костры, вышедшие из-под контроля. Они выглядят тонким свечным пламенем на фоне темного ландшафта.

По дороге на юг во избежание столкновения с ангелами нам приходится четырежды приземляться. В таком количестве я их прежде в небе не видела. Раффи напрягается всякий раз, стоит нам завидеть крылатую тень.

Что-то серьезное происходит в его сообществе, а он не может приблизиться к месту событий, не говоря уж о том, чтобы вмешаться. С каждой минутой я все острее ощущаю его неодолимое желание обрести утраченные крылья и вернуться в свой мир.

И пытаюсь не думать о том, что затем случится с моим.

В конце концов мы достигаем штаб-квартиры Сопротивления, так же известной как Пэли-Хай. Корпуса похожи на любые другие заброшенные здания — нет никаких признаков, что школа является чем-то большим.

Автомобили на парковке обращены к выезду на улицу, чтобы в случае побега не пришлось тратить время на развороты. Если инструкции Оби соблюдены — бензобак залит до отказа, ключи в зажигании — они готовы к моментальному старту.

Мы снижаемся, и я вижу сгорбленных за колесами или распростертых на земле людей — последние прикидываются мертвыми. В лунном свете мелькают фигуры — кто-то болтается по территории, ничем не отличаясь от других людей Мира После. Оби неплохо выпестовал сопротивленцев — никто не привлекает внимания к штаб-квартире, а ведь лагерь должен быть переполнен новичками из Алькатраса.

Мы кружим над рощей, расположенной через дорогу от Пэли. Прорвав пелену сумерек, показывается луна. Благодаря ей мы способны видеть, что происходит внизу, оставаясь при этом незамеченными. Света хватает, чтобы заметить несколько теней за деревьями. Меня удивляет, что кто-то бродит впотьмах, учитывая массовую истерию в отношении ночных чудовищ.

Мы приземляемся, и Раффи опускает меня на ноги. После долгого полета, проведенного в теплых руках, ночной воздух особенно свеж — меня начинает знобить.

— Ты останешься здесь, подальше от людей, — говорю я Раффи. — А я поищу Дока.

— Исключено. — Он извлекает из рюкзака бейсболку и тренкот.

— Понимаю, тебе непросто сидеть без дела, в то время как я на разведке, но все нормально — я точно справлюсь. К тому же, кто присмотрит за Пейдж? — Зря я это сказала. Какому элитному солдату понравится сидеть в кустах в качестве няньки?

— За ней присмотрят зверюшки. — Раффи аккуратно облачается в плащ, а затем поводит плечами, чтобы крылья идеально устроились под ткань. Поверх, на всякий случай, надевает еще и рюкзак, к которому привязаны его настоящие крылья, завернутые в одеяло — со стороны они выглядят как обычная туристическая скатка. И хоть те, что сейчас у него за спиной, способны плотно прижаться к телу, без рюкзака кто-то мог бы обратить внимание на необычный рельеф под тренкотом.

Я вся как на иголках из-за этой ситуации. Раффи намерен прогуляться по лагерю неприятеля. Людям, которые мечтали порвать на кусочки Пейдж, рукой до нее подать. А моя последняя встреча с Оби обернулась ночным арестом.

А еще мне бы не хотелось, чтобы Раффи подслушал людей. Да, я бесконечно ему доверяю, но он все равно остается нашим врагом. Нам в любой момент придется выбирать, на чьей мы стороне. И когда время придет, мы вряд ли окажемся на одной. Чтобы думать иначе, надо быть полной дурой.

Но при этом мои инстинкты уверены, что в списке того, о чем мне действительно стоит печься, эта проблема в самом низу. Сенсей любил повторять, чтобы мы слушали внутренний голос. Он говорил, что мое нутро знает то, о чем не успел догадаться мозг, поскольку быстрее анализирует входящую информацию.

Все бы ничего, но это мое нутро наговорило о Раффи такого, что в итоге не подтвердилось. Щеки алеют при мысли о том, что этим утром случилось в моей постели.

Раффи поднимает воротник и застегивает тренчкот до самого верха, чтобы полностью скрыть обнаженную грудь. Затем надевает бейсболку. Несмотря на погожий денек, октябрьский вечер прохладен, так что этот наряд не вызовет подозрений. Калифорнийским ночам ничего не стоит сбросить пару десятков градусов от дневной температуры.

— Пейдж, побудешь здесь, хорошо? Мы скоро вернемся.

Но сестра уже увлеклась общением со скорпионами и едва ли нас замечает. Я не очень-то хочу оставлять ее здесь одну, но и в лагерь Пейдж не возьмешь. В последний раз враждебно настроенные сопротивленцы связали ее и, кто знает, чем бы закончилась эта затея, не атакуй нас тогда саранча. И я не смею ожидать, что этот крестьянский гнев сменился на милость.

Мы направляемся в сторону школы, и я понимаю, что кто-то за мной наблюдает. Оглядываюсь — никого. Продолжаю идти — какое-то мельтешение.

— Жертвы саранчи, — шепчет мне Раффи.

Должно быть, в лагере их отвергли. Не думаю, что эти люди опасны, но руку держу на мече, плюшевый мех — «Ново-Пассит» для моих нервов. Сделав глубокий вдох, я углубляюсь в дебри ночной рощи.

Территория школы тиха и пустынна на первый взгляд. При этом внутри корпусов живет пара тысяч людей. По крайней мере, примерно.

Оби постарался на славу: беженцы устроены и все следуют правилам. Сопротивленцы избегают открытых пространств. Мусора здесь не меньше, но и не больше, чем в любой другой стороне Кремниевой долины. А еще не слышно ни звука: встретить я кого сейчас — очень бы удивилась.

Приближаясь к зданиям, мы замечаем тусклое сияние. Окна завешены одеялами и полотенцами, но не все тщательно закреплены, что позволяет свету сочиться наружу, и дарит нам возможность подсмотреть за происходящим внутри.

Я подхожу ближе и заглядываю в один из таких зазоров между стеной и «завесой». Помещение полно людей. Судя по виду, кормят их регулярно, и внешне они более-менее опрятны. Их лица мне не знакомы — должно быть, беженцы из Алькатраса. Я выбираю другое окно и вижу ту же картину. С таким количеством новобранцев это место должно было стать средоточием хаоса и беспорядка.

В одном из окон я замечаю парня, появившегося в кабинете с пакетом еды. Раздача не занимает больше пары секунд — пища исчезает мгновенно. Вошедший поднимает руки и что-то говорит людям, которые продолжают тянуться к опустевшему пакету. Те принимаются спорить, но парень выходит за дверь до того, как ситуация успевает накалиться.

Счастливики заглатывают свои порции, не жуя, в то время как те, кому еды не досталось, сверлят их мрачными взглядами. Затем толпа перемешивается, и у двери оказываются обделенные. Видимо, скоро и им принесут ужин.

— Чем это вы заняты? — слышится суровый голос.

Я оборачиваюсь и вижу пару парней с винтовками и в камуфляже.

— Да так... ничем.

— Что ж, тогда занимайтесь ничем внутри, где птичкам вас не увидят. Чем слушали вводный инструктаж?

— Я кое-кого ищу. Не знаете, где близнецы? Тру и Тра?

— Ну знаем. И что? — отвечает часовой. — Как будто у них есть время на болтовню с каждой малолеткой, хнычущей из-за пропавшего щенка. Потом потребуешь встречи с Овадией Уэстом? На этих ребятах держится лагерь. Некогда им чесать языком о всяких глупостях.

Потеряв дар речи, я просто стою и моргаю, закрепляя уверенность этих парней в моей недалекости. Они указывают на ближайшую дверь.

— Возвращайтесь в закрепленные за вами комнаты. По мере возможности вам доставят еду, а затем переведут в прекрасный номер отеля, когда станет настолько темно, что нашего портье никто не увидит.

— Кто не увидит?

Они глядят на меня как на умалишенную.

— Ангелы! — Один из них посылает другому это-же-так-очевидно взгляд.

— Но ангелы видят в темноте, — возражаю я.

— Кто тебе сказал? Ничего они не видят. Единственное, что им удастся получше нашего

— это летать.

Другой часовой добавляет:

— И слышать.

— Плевать, — отмахивается первый. — В темноте все равно видеть не могут.

— Да я же вам говорю...

Раффи стучит меня по плечу, и я умолкаю. Он кивает в сторону двери и молча направляется к ней. Я следую за ним.

— Они не знают об ангельском суперзрении. — Я забыла, что мне известны такие факты, о которых другие люди понятия не имеют. — А должны!

— Зачем? — спрашивает Раффи.

— Чтобы учитывать риск, если мы соберемся, — *на них напасть*, — спрятаться в темноте.

Раффи смотрит так, будто видит меня насквозь. Хотя это ему и не нужно: то, для чего людям подобное преимущество, ясно как белый день.

Мы поднимаемся по ступеням, ведущим к двери.

— Ты могла бы пытаться что-то им втолковать, пока не отсохнут губы. Но что толку? Они — пехота. Их работа — следовать приказам. И ничего больше.

Он знает, о чем говорит. Он ведь и сам солдат. Солдат вражеской армии.

И тут меня осеняет: несмотря на созданный Уриилом фальшивый апокалипсис и его же попытки прикончить Раффи, ждать от последнего помощи в войне против его народа было бы глупо. Сколько людей со времен Великой Атаки пыталось убить меня? Разве мне захотелось принять участие в мероприятии по стиранию человечества с лица земли? В том-то и дело, что нет.

Часовые не спускают с нас глаз до тех пор, пока мы не скрываемся в здании.

Меня накрывает приступ клаустрофобии. В холле яблоку негде упасть: туда-сюда снуют люди. Для таких коротышек, как я, толпа — это море торсов и затылков близстоящих людей. Вот и все что можно увидеть с высоты моего роста.

Но Раффи хуже, чем мне. В таком плотном потоке избежать столкновений с другими людьми не выйдет — они непременно заденут, и даже не раз, прикрепленные к рюкзаку крылья. Нам останется уповать на всеобщую ненаблюдательность.

Раффи напряженно замер, прислонившись к двери, не сделав ни шага вперед. Ему более чем некомфортно, и мне его даже жаль. Он смотрит в мои глаза и медленно качает головой.

Я стараюсь не высовываться. Все равно мы здесь не задержимся: уйдут часовые — уйдем и мы.

У Оби, должно быть, забот полон рот с таким наплывом «постояльцев». Я огорошила сопротивленцев планом побега из Алькатраса в последнюю минуту. Чудо, что им удалось отыскать лодки и организовать спасительные группы. Времени на подготовку дополнительных койко-мест у ребят точно не было.

Могу только представить, что за денек это был для Сопротивления. Отныне Оби не просто руководит движением за свободу. Ему приходится держать в узде лагерь, полный запуганных и голодных людей, не убирая руку с пульса повстанческой деятельности. Слабина недопустима.

У нас с Оби не все гладко. Не скажу, что мы вдруг подружимся или что-то вроде того, но должна признать: ему удастся тащить на себе столько, сколько не каждый смог бы просто поднять.

Я немного прохожу по коридору, решив углубиться в здание и поискать Дока, ну или Тра-Тру — близнецам должно быть известно, где мне его найти. Но здесь как-то слишкомлюдно, а я не в восторге от перспективы застрять посреди холла, полного паникеров, если что-то случится.

И я уже собираюсь вернуться к Раффи и сказать, что пора бы нам двигать на выход, как вдруг слышу свое имя. Голос мне не знаком, и я не могу понять, кому он принадлежит, поскольку в данный момент никто на меня не смотрит — все беседуют между собой.

И тут кто-то вновь повторяет мое имя, но уже на другой стороне холла. При этом на нас, как и прежде, никто не обращает внимания.

— Пенрин.

Говорящий — парень. У него кудрявая шевелюра и любовь к безразмерным вещам: рубашка висит на костлявых плечах, штаны для надежности подпоясаны ремнем. Будто прежде он был пухлым, а теперь все никак не привыкнет к своему постапокалиптическому весу. Между нами несколько человек, но мне прекрасно слышно, о чем он ведет разговор. И кстати, мне не знакомы ни этот парень, ни люди вокруг него.

— Пенрин? — переспрашивает его собеседница. — Что это за имя вообще?

Они не зовут меня, а *обсуждают*.

Парень пожимает плечами:

— Должно быть, иностранное и переводится как «истребительница ангелов».

— Ага, конечно. И ты в это веришь?

— Во что? Что она укукошила ангела?

Откуда они узнали?!

Он снова пожимает плечами:

— В этом я не уверен, — затем понижает голос и добавляет: — Зато уверен в другом: было бы круто получить знак прощения от ангелов.

Женщина качает головой:

— Вряд ли они сдержат свое слово. Откуда мы можем знать, что они действительно назначили награду за ее голову?

Мы с Раффи переглядываемся на слове «награда».

— Уличные банды могли это все придумать, чтобы ее убить, — продолжает она. — Может, они враги. Может, что-то не поделили. Кто знает? Весь мир походил с ума.

— Я вам одно скажу, — говорит молодой человек, стоящий ближе ко мне. На нем очки с огромной трещиной на одной из линз. — Не важно, ангелы, бандиты или демоны объявили за нее награду, если кто и сдаст эту девчонку, то точно не я. — Он уверенно качает головой.

— И не я, — кивает другой мужчин. — Я слышал, именно Пенрин спасла нас от кошмара на Алькатрасе.

— Вообще-то, нас спас Овадия Уэст, — не соглашается женщина. — И те забавные близнецы. Как там их зовут?

— Траляля и Труляля.

— Быть того не может!

— Я тебе говорю!

— Верно, но об этом их попросила Пенрин. Она позвала помощь.

— Я слышал, она угрожала натравить на них сестру-чудовище, если они не помогут.

— Пенрин...

— Мы дружим, — говорит та, кого я вижу впервые. — Мы с ней как сестрички.

Я опускаю голову, надеясь остаться неузнанной. К счастью, до нас никому нет дела. На пути к двери я замечаю прикрепленный к ней флаер, но успеваю разобрать на нем только два слова: «Шоу Талантов».

Мне сразу представляются трубадуры-любители и чечеточники. Шоу Талантов — странное мероприятие во время апокалипсиса. А хотя, когда оно было нормальным?

Раффи толкает дверь, и мы возвращаемся в ночь.

На контрасте с духотой и шумом, царящими в холле, снаружи особенно свежо и тихо. Мы крадемся к заброшенному административному корпусу, который Оби использует в качестве штаба. На двери уже знакомая мне листовка, и я торможу, чтобы ее прочитать:

ШОУ ТАЛАНТОВ

Не пропусти величайшее событие со времен
последней премии Оскар!
Грандиозней Великой Атаки!
Солиднее эго Оби!
Сногсшибательней пота Боудена!
Приходи сам, приводи друзей
На крутейшее шоу планеты всей!

Выйграй роскошный, пуленепробиваемый,
Кемпер ручной сборки!
Нашпигованный всем,
о чем можно только мечтать.
Ага. Даже вот этим самым.

Следующая среда, полдень,
Стэндфордский театр на Юниверсити-авеню.

Порази друзей. Сбей с толку врагов.
Покажи нам свои таланты.
Прослушивания проходят ежевечерне.
Барышням особенно рады.
Делайте ставки на конкурсантов.
Правила тотализатора те же, что и всегда.

Весть принесли сами-знаете-кто...

Листовка исписана десятком различных не самых разборчивых почерков:

«Эго Оби никому не переплюнуть».

«Так вот как дамочки зовут эту штуку, да? Эй, Оби, оставь-ка и нам хоть немного девчонок, лады?».

«Овадия Уэст — великий человек. Герой. Даже я подумываю его поцеловать».

«Это же шоу бездарей!».

«Повежливей, не то вскрою твою башку и высосу весь мозг».

«Конкурсанты буду в одежде?».

«Очень надеюсь. Видели здешних мужиков? Слишком волосатые, чувак. Натуральные йети!».

Кому-то не хватает интернета.

Раффи открывает дверь, и мы проходим в залитый тусклым светом холл. Административный корпус тоже полон людьми, но ему и не снилась толкучка, из которой мы только что выбрались. У здешних обитателей уверенные походки, а в учебном корпусе все казались потерянными и неуверенными.

Должно быть, так проявляется разница между бывальыми сопротивленцами и беженцами Алькатраса. Некоторые лица в этом помещении мне знакомы. Я опускаю голову, пряча лицо за волосами.

Вон женщина, с которой мы вместе стирали, когда я впервые попала в лагерь. В ее руках клипборд, и она занята сверкой каких-то записей. Собачница. Точно, я помню, как она обожала своего пса. Странно видеть ее здесь, ведь собак-то всех распустили, узнав об ангельском суперслухе.

Я замечаю портье из старой обители. Он беседует с какой-то женщиной, устало ей улыбаясь. Каждый держит в руках по сумке с оружием, но при этом мужчина расслаблен, в отеле он вел себя по-другому. Возможно, шпионил для Сопротивления.

Здесь же и повар с лесной стоянки. Он проявил ко мне доброту — угостил дополнительной порцией орешков, узнав, что я в лагере новенькая. Мужчина толкает по холлу тележку с пачками крекеров и фруктовой пастилой.

Люди измотаны. И все вооружены до зубов: револьверы, винтовки, ножи, монтировки, и вообще все, чем можно порезать, ударить и разорвать в клочья при них. У каждого из присутствующих, по меньшей мере, два вида оружия.

Раффи надвигает козырек на лоб. Напряжение объяснимо — он на вражеской территории. А с другой стороны, для него любая земля — земля неприятеля. Без ангельских крыльев его не примут свои. А моих в нем не устроят любые крылья.

Уриил или кто-то из его свиты однажды сказал: ангелы рождены, чтобы быть в стае. Но куда бы ни направился Раффи, он повсюду будет чужим.

На нашу удачу до нас никому нет дела. В этом здании постоянно звучит имя Оби.

«Оби хочет, чтобы мы...».

«Но я думал, что план Оби состоял в...».

«Ну да, это то, что Оби сказал».

«Вам необходимо разрешение Оби...».

«Одобрено Оби».

«Оби с ними разберется».

Здания, в которых мы побывали, определённо имеют свои особенности. В одном укрываются беженцы, а в другом затаилась армия борцов за свободу. Должно быть, Оби приходится несладко. Попробуй объединить последние крохи человечества во времена страшнейшего кризиса в истории!

А я-то думала мне тяжело в заботах о маме и Пейдж. Не представляю, как давит на Оби ответственность за несколько сотен жизней.

Группа загорелых и крепких строительных рабочих буквально пожирают меня глазами. Раффи приглушенно рычит. Окинув его беглым взглядом, парни тут же вспоминают о приличиях и начинают разглядывать пол.

Я торможу рядом с ними:

— Не знаете, где близнецы? Тру и Тра.

Один из рабочих указывает на комнату в конце коридора. Мы с Раффи подходим к ней и

я, не думая о том, что может ждать внутри, тут же толкаю дверь.

— ...отели, — говорит Оби, сидя во главе конференц-стола. — Как мы можем временно отказаться от еды и лекарств... — Он поднимает взгляд и замечает меня. Оби выглядит усталым, как и все остальные, но в глазах горит огонек. Он не крупнее прочих и не криклив, но чем-то людей берет. Может быть, дело в стати или уверенном тоне.

Вместе с ним за столом дюжина вымотанных, осунувшихся, с темными кругами под глазами и немывтыми шевелюрами человек. Должно быть, ночка выдалась длинной, а денек оказался не лучше. Спасение пленников Алькатраса перетекло в их размещение в лагере.

Тишина. Взгляды присутствующих обращены ко мне.

Со стеной мне уже не слиться.

— Прошу прощения, — лепечу я, пытаюсь изящно поклониться.

Док вскакивает на ноги, опрокидывая кресло, которое с грохотом падает на пол.

— Пенрин!

— Вы знакомы? — спрашивает Оби.

— Это сестра того ребенка, о котором я говорил.

— Сестра Пенрин и есть суперсекретное оружие? — уточняет Оби.

Ой, не нравится мне все это.

— Ты нашла ее? — Док обходит стол и направляется ко мне. Каштановые волосы в беспорядке, рубашка застегнута на все пуговицы. Все такой же типичный студент. Но теперь образ дополняет заплывший синяк на глазу. — Она здесь?

Близнецы, худые как щепки, сидят рядом с Оби. Блондины?! Я и забыла, что они обесцветили волосы шутки ради. Еще пара людей кажется мне знакомой, но близко я их не знаю.

Оби жестом приглашает меня войти. Я медлю, не желая привлекать еще больше внимания к себе или Раффи. Но взять и удрать — не вариант, и я прохожу внутрь, подав Раффи сигнал оставаться за дверью.

— Да вы шутите! — восклицает один из парней, которых я видела раньше. — Сестра этой девчонки — кошмарный монстр. Не представляю, чем она нам поможет. — Так вот где мы встречались! Он был среди тех, кто пытался связать Пейдж.

— Мартин, не сейчас, — обрывает его Оби.

Близнецы одновременно наклоняются над столом, заглядывая мне за спину.

— Это Раффи? — спрашивает Тру.

— Это точно Раффи! — соглашается с ним Тра.

Я собираюсь прикрыть дверь.

— Нет-нет-нет, — кричит Тру. Близнецы вскакивают с мест и бегут к двери.

— Раффи, ты живой! — радуется Тра, распахивая дверь.

Раффи не поднимает головы, на его глаза падает тень от козырька бейсболки.

— Ну конечно, живой, — отвечает Тру. — Он же воин. Ты глянь на него! Кто бы его замочил? Годзилла?

— О, Раффи против Годзиллы! Я бы поставил на этот бой, — ухмыляется Тра.

— Не будь дурачком, мужик. Годзиллу накачали ядерными отходами. Как простой смертный может ее побить?

— Так он не простой смертный, — парирует Тра. — Разуй глаза. Не удивлюсь, если в его кармане найдется ядерный нектар суперсилы. Один глоток и у мышц вырастают мышцы!

— Вот-вот, пара таких солдат и нам ни к чему будет помощь жуткой малышки, — соглашается Тру.

— Кстати, о малышках! Что насчет сестры Пенрин? Годзилла ей по зубам?

Тру задумывается.

— Да ну, вряд ли. Я голосую за мать!

Глаза Тра расширяются:

— Тоооочно!

Тру протягивает Раффи ладонь:

— Труляля, — представляется он. — А это мой брат, Траляля.

— Помнишь нас? — спрашивает Тра. — Это мы заправляли боями без правил и принимали ставки.

— Приятно видеть тебя здесь, — обращается к Раффи Оби. — Нам быгодились такие мужчины, как ты.

— Оби, это тебе не обычный мужчина, — возражает Тру.

Я очень стараюсь выйти из образа испуганного кролика, но, боюсь, глаза по пять копеек выдают мой страх с потрохами. Мы далеко от выхода. Как Раффи отсюда сбежать?

— Мы из тебя звезду сотворим, Раффи! — обещает Тра. — От женщин отбоя не будет. — Он подчеркнуто артикулирует «отбоя не будет», поглаживая свою грудь, а затем и все тело.

— Да больно надо ему, — перебивает брата Тру. — Парень тусовался с ангелами! А в обители Сан-Франциско девчонки сыпались с неба.

Я разучилась дышать. Один из братьев видел Раффи в номере отеля.

— Девчонок, братец, много не бывает, — парирует Тра. — Учти это.

— Что значит «тусовался с ангелами»? — спрашивает Оби, поднимаясь из-за стола.

Воздух отказывается покидать легкие.

— Забыл, что ли? — удивляется Тру. — Мы же тебе говорили, что Пенрин была в отеле в компании этого парня. Оба болтали с ангелами.

— Так что не только Пенрин может нам что-то о них рассказать, — кивает Тра.

Я наконец выдыхаю. Да, они помнят Раффи, но только как человека.

Оби подходит к нам и указывает Раффи на конференц-зал.

— Отличные новости. Нам пригодится любая информация.

Он протягивает ладонь для рукопожатия, но Раффи своей не подает.

— Привет, Оби! — машу я ему.

— Пенрин, — произносит он, глядя на меня. — Не будь я так вымотан, точно бы вспомнил, что за дела у нас с тобой остались незаконченными. А раз не помню — рад видеть тебя живой и здоровой.

Он приближается и заключает меня в объятия.

Я же просто стою, растерянная и напряженная. Лицо Раффи, наблюдающего эту картину, бесстрастно.

— Спасибо. — Я неловко мнусь в двери. Может, Оби память подводит, но я-то помню про наши дела. Он запер нас с мамой в полицейской машине, а мы сбежали посреди ночи. Но при этом он рад меня видеть. Отлично.

Хотя... после всего, через что мне пришлось пройти, я тоже рада ему и всей этой шайке-лейке. Для кого-то это чистой воды безумие, для меня — семейные разборки. Не то чтобы мы семья, но если мир продолжает лететь в тартарары, я буду рада встрече с любым человеком.

— Где твоя сестра? — спрашивает Док. Он направляется к двери — видимо, думает, я ее прячу в коридоре.

— Какой хороший вопрос, — говорю я, понизив голос. — Мы можем побеседовать снаружи? — Я отчаянно надеюсь улизнуть вместе с Доком и Раффи.

— Секретничать ни к чему, — встречает Оби. — Док уже все рассказал: и о работе в Алькатрасе, и о надеждах на Пейдж. Нам всем было бы интересно послушать о твоей сестре. С ней все хорошо?

Я вглядываюсь в лица собравшихся за столом. Все эти люди старше меня. И сидящие ветераны прошедших войн, и уличные бойцы. Что бы они сделали, узнав, что находятся в одном помещении с ангелом?

— Чего вы от нее хотите? — спрашиваю я подозрительно.

— Док сказал, она — наш шанс на победу.

— Док — оптимистичный паренек, — говорю я.

— Что страшного в том, чтобы просто ее увидеть?

— Когда вы в последний раз просто ее увидели, она оказалась связанной. — На этих словах я кошусь на Мартина: тот играет карандашом, зажатым между пальцами раскрытой ладони — на коже алеют следы от веревок.

— Не я это сделал, — качает головой Оби. — Я пришел незадолго до твоего появления и пытался разобраться в случившемся. Людям свойственно ошибаться. Мы не ангелы и не идеальны. Все, что нам остается — положиться друг на друга и попробовать стать лучше. Мне жаль, что с твоей сестрой так обошлись. Но она нам нужна, Пенрин. Ей под силу изменить ход этой войны.

— Вряд ли, если она погибнет от голода, — отвечаю я. — Вели Доку это исправить, а после обсудим, может она что-то сделать для вас или нет.

— Что исправить? — не понимает Оби.

Я поглядываю на Дока.

— Я посмотрю, что можно сделать, — говорит он. — Но прежде должен убедиться в том, что она в порядке, а значит, мне надо ее увидеть. — Он посылает мне выразительный взгляд.

— Можешь привести ее к нам? — спрашивает Оби.

На что я качаю головой:

— Не очень-то хорошая идея. — И снова кошусь на Мартина, который буравит нас глазами.

— Прекрасно, — говорит Док, прежде чем Оби успеет мне возразить. — Отведи к ней *меня*.

Я тут же поворачиваюсь к двери, рассчитывая поскорее убраться отсюда, но Оби окликает меня по имени:

— Ходят слухи о девушке, убившей ангела, — выдает он. — Говорят, у нее есть меч, замаскированный под медведя. — Он опускает глаза на Мишутку. — Тебе об этом что-нибудь известно?

Я невинно хлопаю ресницами, соображая, что лучше: солгать или признаться.

— Я понимаю, кредит доверия между нами еще не восстановлен. Позволь провести небольшую экскурсию по лагерю, и ты увидишь, чем мы тут занимаемся. Нам пригодятся такие бойцы, как ты и Раффи.

— Я здесь жила и всё уже видела, Оби. — Я в нетерпении топчусь на пороге. — И знаю что вы спасли людей из Алькатраса. Круто! Seriously! Ребята, вы просто супер! Но прямо сейчас мне надо разобраться с сестрой.

Оби кивает.

— Хорошо, я пойду с тобой, и мы побеседуем, пока Док будет осматривать твою сестру.

Я с трудом подавляю порыв переглянуться с Раффи. Если мы не останемся с Доком с глазу на глаз, разговора о крыльях не состоится.

— Я согласен на экскурсию по лагерю, — говорит Раффи. — Интересно узнать, что тут

у вас происходит.

Я стараюсь контролировать мимику, не выдавать эмоций. Ситуация усложняется с каждой секундой.

На лице Оби появляется улыбка.

— Превосходно! Я представлю тебя кое-кому. И думаю, ты с гордостью назовешь их братьями по оружию, если вступишь в наши ряды.

— Договорились, — отвечает Раффи.

— Прекрасно, — продолжает Оби. — Уверен, ты останешься доволен тем, что увидишь. Это — Совет, его члены в ответе за стратегическую оборону.

Они вместе огибают стол, а я не свожу с них глаз. Раффи что, находит это забавным? А Оби вот-вот проведет ангела по всем закоулкам Сопротивления.

Док берет меня за руки и выводит из комнаты.

— Она ранена? Что она ела?

Дверь за беседующими Оби и Раффи медленно закрывается, но пока мы идем по коридору, я продолжаю на них оглядываться.

— Эм... моя сестра, она не ела...

Близнецы следуют за нами по пятам. Они выглядывают в окна и всматриваются в окружающих нас людей. Всегда начеку.

— Эй, ребята, — спрашиваю я, когда мы открываем дверь и выходим на улицу, — что именно Оби покажет Раффи?

— Всякую ерунду, — отвечает Тра.

— Беженцев, новейшие аккумуляторы, потрясные электромобили и, наверное, запасы лапши быстрого приготовления, — пожимает плечами Тру.

Коченя от холода, я пытаюсь прикинуть, опасно ли делиться с Раффи подобными сведениями. Это же пустяки?

Да?

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Должно быть, разговоры замедляют мой шаг, поскольку Док резко оборачивается и спрашивает:

— Куда мы идем?

— В рошу через дорогу, — отвечаю я.

Он тут же припускает трусцой и исчезает в конце улицы. Я собираюсь броситься следом, но Тру придерживает меня за плечо.

— Пусть себе бежит. Все равно застрянет у роши, он же не знает, где Пейдж.

И то верно. Как же я скучала по близнецам! Хватит беспокоиться о Раффи — от меня все равно ничего не зависит.

Я поглядываю на братьев.

— Парни, вы просто чудо! Кто бы еще отправился спасать бедняг из Алькатраса!

— Да ладно, — отвечает Тра, вразвалочку шагающий рядом со мной.

— Ага, мы ж постоянно спасаем людей. Сотнями! — поддакивает Тру.

— Все время, — соглашается Тра.

— Это наша судьба.

— И порой нам приходится бойкотировать предложения дамочек, страстно желающих нас отблагодарить, — самодовольно заявляет Тра.

— Такое было только разок, — робея, замечает Тру.

— Ну так-то да, но то, что было «разок», можно назвать и «порой», — не теряет Тра.

— И не важно, что дамочка разменяла девятый десяток и жутко похожа на нашу бабулю, — продолжает Тру.

— Цыпочки есть цыпочки, приятель, возраст тут не при чем, — кивает ему Тра. — И предложения есть предложения...

Тру наклоняется ближе ко мне и шепчет:

— Она предлагала приготовить нам брюссельскую капусту, но мы отказались.

— И сердце ее разбилось. Ей надо попробовать нас забыть. Хотя бы с первым

встречным.

— Хреново быть в роли замены.

— Но мы-то об этом не знаем.

Близнецы как истинные чемпионы ударяются кулаками.

— А что, Оби действительно принимал активное участие в спасательной миссии на Алькатрасе?

— Ну-у, к кое-чему он возможно и был причастен, — пожимает плечами Тру.

— Не то чтобы мы не кинулись выручать народ голыми руками, но знаешь, с Оби, руководящим операцией, все было чуточку проще.

— Приятно знать, что он не со всеми такая сволочь.

— Вообще-то, ты удивишься, насколько Оби хороший парень, — говорит Тру.

— Конечно, ведь он не тебя запер в «тюрьме» и не твою сестру третировал как монстра Франкенштейна.

— Он берет на себя ответственность за принятие непростых решений, освобождая других от этого бремени, — замечает Тра.

Его слова заставляют меня замолчать. Разве не я хотела кого-то, кто бы в кои-то веки решал за меня?

— Он человек, — добавляет Тру. — Со своими недостатками.

— Вот почему мы здесь, — продолжает Тра. — Прикрываем его несовершенства.

— Не принимай так близко к сердцу, — говорит Тру. — Он бы продал первенца, родителей, бабулю с ее печенюшками, единственную любовь, обе руки, ноги и правое яичко за шанс вернуть человечество на круги своя.

— Мы не встречали более преданных делу парней.

— И нет такой жертвы, какую бы он потребовал от кого-то, а сам принести бы не мог.

— И на кого еще ты можешь уповать, будучи закованным в цепи на острове зла вроде Алькатраса?

В их речах есть резон. Только сопротивленцы пытались спасти тех людей.

— Вы, в общем-то, даже похожи, — заявляет Тру.

Я резко торможу:

— Похожи? Да не смей!

— Еще как похожи, — кивает Тра.

— Оба упрямы, верны своим идеалам, вижу-цель-не-вижу-препятствий.

— Шизанутые герои.

— И заводите всех с пол-оборота. Любой подтвердит, — добавляет Тру.

Я прыскаю со смеху:

— Ну вот, теперь мне все ясно: вы надо мной издеваетесь.

— Хочешь сказать, ты ни сном, ни духом о том, что парни смотрят тебе вслед?

— Какие парни? Что вы несете?

Близнецы переглядываются.

— Де-евочка, — тянет Тру, — даже если сбросить со счетов твои недавние фортели, подумай вот о чем: бои с твоим участием собирали крупнейшую кассу за всю историю нашего тотализатора. Способность надрать чью-то задницу во все времена воспламеняла сердца, но сейчас, на заре апокалипсиса, горячими штучками стали владеющие мечами, кромсающие ангелов любительницы крепких словечек и...

— Последнее не про меня.

— Ладно, все мы не идеальны, — отвечает Тра.

— Где вы слышали про эту гипотетическую девушку, убившую ангела? Не то чтобы я верила в подобные бредни...

— За голову этой гипотетической девушки назначена награда. Ангелами. Любой, кто сдаст им убийцу, получит знак прощения — гарантию безопасности. Оби сбит с толку. Награда за него и рядом не стояла с наградой за нее.

— Слухи распространяются не хуже лесных пожаров, — подхватывает Тра. — Я слышал нечто из области фантастики: будто она повелевает ангельскими мечами и даже приручила демона. Все просто потрясены! Одни ищут тебя — то есть, конечно, её — чтобы сдать в обмен на прощение, другие пьют за твое здоровье свое последнее пиво, а третьи совмещают оба эти занятия.

— Будь осторожна, — советует Тру. — Не важно, ты это или нет, люди думают — ты. И этого может хватить, чтобы отправить тебя на смерть.

— Слушай, а ведь у тебя имеется меч, замаскированный под медведя, а еще ты замешана в преинтересной истории с демоном, та-ак? — вскидывает брови Тра.

— Это была ты, — косится на меня Тру.

— Это секрет, конечно, — заверяет Тра.

— Мы никому не скажем! — говорят они в унисон.

Одна моя половина умирает от желания все им рассказать. Но та половина, что поумнее, решает ответить так:

— Я разве не говорила о том, что подрабатываю киллером ангелов? А о том, что команду демонами? Я и летать могу — только тсс.

— Ну-ну. — Они изучают мое лицо, чувствуя подвох.

А я лихорадочно соображаю, как бы сменить тему.

— Э-э... вы, ребята, со всем справляетесь.

Они продолжают сверлить меня взглядами, не позволяя соскочить с крючка.

— Я имею в виду, непросто и лагерь беженцев создать, и армией сопротивления рулить одновременно.

— Оби пытался совмещать все на свете, пока мы наконец не собрали совет, задача которого — помощь с тылами и снабжением. Ох, блин, с логистикой море проблем.

— А еще тебе приходится гонять на краденых авто, подстилая соломку под подвиги Оби. Кстати, об этом! Автобусный тур прошел хорошо?

— Точно. В последний раз мы видели тебя в компактной автобусной клетке, и ты послала нам любовную записку.

— Мы планировали организовать твой побег, но Оби решил, что мы нужнее пленникам Алькатраса.

— Мы бы точно ему возразили, если б знали, что там твоя мама.

— Та еще заноза, я скажу!

— Можешь не говорить, — отвечаю я. — Мне прекрасно известно о ее занозистых гранях.

Тру смеется.

— Заноза-боеголовка! Мы догадались натравить ее на злых дядечек, она стала нашим секретным оружием.

— Дестабилизировала охрану еще до нашего прибытия!

— Ты в курсе, что она способна быть реально пугающей?

Я киваю:

— О да, и это мне тоже известно.

— А многие из нас понятия не имели! Она застала нас врасплох.

— Твоя мать вошла в капитанский состав Сопротивления.

— Что?! — Мне сложно представить маму ответственной за что бы то ни было.

— Я серьезно! Как страшно жить...

Я моргаю, пытаюсь это осмыслить. Должна признать, моя мать и непредсказуемость — сестры.

— У тебя чумовая мама! — кивают близнецы, походя на китайских болванчиков.

— Вы в курсе, где она сейчас? — спрашиваю я.

— Ага, — отзывается Тру. — Мы можем найти ее, если нужно.

— Спасибо, было бы здорово.

Мы переходим на Эль-Камино-Реал, уже готовые прятаться за машинами, когда до нас доносится чей-то крик. Кажется, в роще какая-то драка.

Пейдж находится там.

Я бросаюсь к деревьям.

Мы вбегаем в темную рощу, ориентируясь на крик. Мы не одни спешим на него, петляя между деревьев — я не вижу деталей, но замечаю тени.

Слышатся разгневанные голоса. Я абсолютно уверена, адские твари не владеют человеческой речью. И надеюсь, сегодня не день лингвистических сюрпризов из преисподней.

Под кронами деревьев кто-то с криками вскидывает и обрушивает свои кулаки на тело, сжавшееся в пыли, попутно его пиная. По мере приближения я замечаю иссушенную кожу жертв саранчи. На некоторых рваная и грязная одежда — они действительно похожи на восставших из могил.

Кулаки взлетают и опускаются на жертву, а та безропотно сносит побои, тихонько скуля при каждом ударе.

— Что происходит? — спрашиваю я, подбегая к ним, но меня, очевидно, никто не слышит.

— Эй! — шепотом кричит Тру.

— Что за дела? — интересуется Тра приглушенным голосом, но в очень требовательной манере.

Несколько пострадавших оглядываются на нас, избиение не прекращается, но один из них говорит:

— Это тот подонок из Алькатраса. Он во всем виноват! Создал монстров, а после скормил им нас. — Мужчина с силой пинает лежащего на земле. Мне трудно его рассмотреть, но уверена — это Док.

Видимо, близнецы приходят к тому же выводу. Они врываются в толпу с поднятыми вверх руками:

— Довольно!

— Совет велел вам оставить его в покое, — говорит Тру, отталкивая парня от Дока.

— Ваш совет нам не указ. Мы не часть лагеря Сопротивления, забыл?

— Вот именно, — отзывается другой. Его иссохшее лицо напоминает копченую колбасу. — Вы нас сами прогнали. И все из-за него! — Очередной яростный пинок.

— Следующий, кто распустит руки или ноги, лишится возможности делать ставки до конца своих сморщенных дней. А теперь расступитесь.

Как ни странно, они отходят.

Быть может, все и зареклись общаться с жертвами саранчи, но, наверное, близнецы не стали их дискриминировать в рамках своих пари.

Тру выглядит таким же потрясенным, как и я. Он бросает на брата взгляд.

— Чувак, мы же новые Эйч-Би-Оу^[21]! — Тру расплывается в улыбке.

Тра протягивает руку и помогает подняться мужчине, в котором я с трудом узнаю Дока. Он как-то странно поджимает руку. Его лицо, на котором и так красовался синяк, теперь так заплыло, что он едва может открыть глаза.

— Ты как? — спрашиваю я. — Что с твоей рукой?

— Они потоптались на ней. И даже не поняли, что натворили.

— Она сломана? — До меня потихоньку доходит, чем обернется такой перелом для хирурга.

— Не знаю. — Его разум еще не осознал, но судя по тому, как бережно Док прижимает руку к груди, тело уже в курсе. — Из-за таких людей, как они, я теряю энтузиазм в отношении спасения человечества.

Док выглядит взбешенным, он обгоняет меня, но спустя пару шагов прислоняется к дереву и пытается отдышаться. Тра придерживает его за локоть.

— У нас есть еще один врач, — говорит мне Тру. — Посмотрим, чем она сможет ему помочь.

— Я с вами!

Ужаленные саранчой по-прежнему здесь. Мне кажется, теперь я вижу их в новом свете. Сморщенные плечи и грудь каждой жертвы продолжают вздыматься от гнева и невыплеснутой злобы. Некоторые рыдают, выплакивая накопившиеся эмоции, вовсе не связанные с потасовкой.

Близнецы помогают Доку перейти улицу, а я не отстаю.

Я прислоняюсь к стене в помещении, полном пациентов, ожидающих своего приема. Док в приоритете, поскольку врачей в лагере раз, два — и обчелся. Ему вместе с одним из близнецов позволяют пройти без очереди, второй уходит по делам. Мне велели присесть с остальными.

Комната освещена пламенем единственной свечи. При этом окна плотно занавешены. Меня как-то особенно нервирует пребывание в помещении, в котором теней больше, чем света, под аккомпанемент перешептываний и кашля.

Дверь открывается, из-за нее показывается блондинистая шевелюра Тра.

— Каков вердикт? — спрашиваю я. — Перелом?

— Капитальный, — отвечает он, проходя в комнату. — На восстановление уйдет как минимум шесть недель.

Шесть недель. Я словно наглоталась кирпичей.

— А смог бы он ассистировать второму врачу? Стать его руками на время операции?

— Она не хирург. Кроме того, никто не желает становиться миньоном Дока. Для здоровья, знаешь ли, вредно.

— Ага, заметила. — Я кусаю губу, пытаюсь обмозговать ситуацию. Но что я могу поделать? Придется вернуться ни с чем. И как нам теперь быть? Док являлся лучшей надеждой и для Пейдж, и для Раффи.

Входная дверь распахивается, в помещение входит Тра.

— Хэй, я нашел твою маму. Передал ей, что Пейдж где-то в роще и что ты вот-вот подойдешь.

— Спасибо. Как она?

— Весьма и весьма взбудоражена. Поцеловала меня, обняла... — отвечает Тра.

— Seriously? — удивляюсь я. — Знаешь, когда в последний раз она проделывала это со мной?

— Что с нее взять — немногим женщинам по силам устоять перед моими чарами. Так и липнут ко мне по каждому поводу. — Он делает глоток из бутылки с ядовито-зеленым энергетическим напитком, полагая, что выглядит при этом очень сексуально.

Я направляюсь к выходу, не прекращая перебирать в уме альтернативы возвращению в рощу с плохими вестями. Берусь за дверную ручку и замираю — что-то не так.

Еще до того, как рассудок всё осознает, по спине пробегают мурашки.

За стеной раздается топот бегущих ног.

Люди в комнате, подобно стаду испуганных овец, жмутся друг к другу, неотрывно глядя на дверь.

Снаружи кто-то кричит.

— Ну что на этот раз? — спрашивает Тру. Его голос пропитан благоговейным ужасом, словно инстинкты берут вверх и велят тоже забиться в угол.

Я бы не хотела открывать эту дверь, но близнецы уже ее распахнули, желая узнать, в чем дело.

На первый взгляд на улице спокойно. Повсюду хлам — перевернутые столы, кресла, одежда, пледы.

Глаза привыкают к темноте, и я понимаю, что груда вещей, сваленная на лужайке, на

деле является людьми. Разобраться сразу мешают недостающие куски плоти.

И я говорю не про кусочки-кусочки, я имею в виду конечности. У некоторых тел не хватает голов.

От машины бежит женщина. Ее преследует темная фигура размером с волка.

Пара, притаившаяся в тени аллеи, внезапно подпрыгивает и визжит, словно что-то — и не одно — подкралось из темноты, свесившись с веток, и цапнуло их за волосы.

Затем, как по сигналу, из темноты по периметру кампуса начинают выскакивать тени.

Одну из них я мельком успеваю разглядеть, когда та попадает в луч чьего-то фонарика. Это адская тварь.

Они меньше собратьев из преисподней, но ужасны в такой же степени. Их морды и крылья как у летучих мышей, тела тощие, конечности скелетообразные — маленькие жуткие изверги.

Твари рассредоточиваются — крики наполняют школу.

Двое гостей выделяются габаритами — пятнистые, крепкие, с красными глазками. Вдоль их продолговатых конечностей извиваются мышцы и сухожилия, остальные твари на их фоне выглядят ниже и мельче. Они присели ко мне на хвост по пути из памяти Велиала.

Эти создания в курсе, что я здесь. И они прихватили друзей.

Одна из них запрокидывает морду и издает свой гиеноподобный зов, такой же звучал на острове Ангел. И если история повторяется, к нам скоро пожалуют сотни таких же уродцев.

Из темноты, крича и извиваясь, появляется парень, в его спину вцепились сразу две твари. Он в панике бежит в полное людей здание, принося с собой визитеров из ада.

Внутри раздаются выстрелы. Надеюсь, что цель — не парень, а твари.

Они явились за мной, не за ними. Это я привела их сюда.

Значит, мне их и уводить.

Недолго думая, я бросаюсь бежать во мрак.

Я работаю ногами на пределе. Крики разлетаются в воздухе, чередуясь с продолжительным затишьем. Словно люди даже не дышат, чтобы монстры их не услышали. От того, что там с ними может происходить, по коже бегут мурашки.

Мой план, если так его можно назвать, состоит вот в чем: нестись, что есть сил, подальше от школы, а затем отыскать авто, на котором можно удрать.

На парковке такого добра полно. Оби и его люди следят за тем, чтобы в зажигании были ключи, а в бензобаке топливо — как раз на случай подобных непредвиденностей. Ну ладно, эту конкретную ситуацию они, возможно, предсказать не могли. Но мыслили в верном ключе.

Оказавшись в машине, я примусь нещадно сигналить, а потом буду гнать к чёртовой бабушке, в надежде, что твари отправятся следом.

Если же нет — я в тупике. А вдруг меня перехватят еще на пути к парковке? И как мне сбежать, когда твари дружно меня атакуют? Просчитывать все варианты мне мешает безумная паника.

А что будет с Пейдж, мамой и Раффи?

Я трясу головой. Соберись!

Слева от меня раздается мужской крик.

Побегу дальше — человек, скорее всего, умрет. Остановлюсь помочь — потеряю шанс отвлечь адских тварей от всех остальных. Легкий выбор? Только не в Мире После!

Секундное замешательство и я продолжаю бег. Мишутка в ножнах бьет меня по ноге, будто настаивая на участии в заварушке. Но я должна как можно скорее попасть в машину и начать отвлекающий маневр.

Распахнув дверцу ближайшего автомобиля, оглядываюсь через плечо.

За мной гонятся тени, они ближе с каждым биением сердца. За ними я вижу людей, спешащих укрыться в зданиях.

Я запрыгиваю в авто и запираюсь изнутри, молясь, чтобы ключи были на месте. В дверцы и лобовое стекло с размаху врезаются адские твари.

О, слава всему хорошему, что осталось еще в этом мире, паранойе и предусмотрительности Оби в том числе! Ключи в наличии.

Миниатюрная Хендай красного цвета заводится с пол-оборота. Двигатель урчит.

Я срываюсь с парковочного места, шины визжат — адские твари сваливаются на асфальт. Число атакующих растет, когда я, притормозив, сигналю зазевавшимся визитерам из ада. Они разом налетают на машину.

Те, что раньше меня не заметили, прекращают преследовать людей и поглядывают в мою сторону. Мне не терпится их переехать, раздавить эти жуткие морды.

Но сейчас не время для игр — дело превыше всего. Опустив стекло, я кричу:

— Эй, вы! Время обедать! Я здесь, мерзкие крысы! Попробуйте меня поймать!

Адских тварей так много, что Хендай начинает раскачиваться. Я собираюсь вырулить с парковки и проехать пару кругов, пока каждый демоненок в округе не предпочтет меня мирному населению, как вдруг ощущаю глухой удар. Машина переворачивается набок, и следующее, что я вижу — изношенная резина перелетает через капот.

Переднее колесо.

Онемев, я наблюдаю за тем, как оно кувыркается, пока наконец не замирает на асфальте.

А потом машину атакует столько тварей, что больше ничего не разглядеть.

Я поглаживаю медведя — это все, что мне остается.

Мишутка ничем не сможет помочь в салоне автомобиля. Здесь тесно для каких-либо маневров.

И если я хочу получить хотя бы крохотный шанс пережить этот кошмар, я должна выбираться отсюда.

Но продолжаю сидеть.

Как долго человек протянет в запертом автомобиле?

Но твари, конечно же, не сдаются — они бросаются на машину.

Морды летучих мышей, иглоподобные зубы, скрипящие по гладкой поверхности. Какое давление выдержит лобовое стекло?

Если им удастся пробраться в салон, я окажусь в замкнутом пространстве без возможности драться или бежать. Открою дверцу — демонята набросятся прежде, чем я успею подняться на ноги.

Одна из тварей запрыгивает на капот, расталкивая остальных. Это та, что явилась из преисподней.

В ее лапах большой камень.

Она поднимает его над своей уродливой головой и с силой опускает на стекло. На моих глазах по нему разбегаются мириады тоненьких трещин. Адская тварь замахивается булыжником для следующего удара, я втягиваю воздух и берусь за ручку, готовая бежать в любую секунду.

Когда камень касается стекла, я резко открываю дверцу.

Внимание остальных приковано к камню, так что я застаю их врасплох. Мне удастся сбить с ног парочку адских тварей, теперь у меня появляется шанс удрать.

Я выбираюсь на асфальт, и в меня тут же впиваются когти. Зубы, капающая слюна — этого в моих снах не было. От Раффи они бежали. С ним они были жертвами. Со мной они стали убийцами.

Зубы оцарапали щеку, лапы вцепились в предплечье, а когти уже у груди. Я слышу собственный крик.

Я хватаю тварь за подбородок и пытаюсь убрать ее морду от своего лица. Но, несмотря на щедушность, демоненок слишком силен. Мне приходится отвернуться самой и, не глядя, стараться свернуть ему шею.

Его голова яростно бьется в моих руках, тварь скрежещет зубами. Она становится ближе, и я чувствую запах гнилой рыбы.

Демоненок неистово раздирает мою кожу, не заботясь о защите собственной шеи. Он более чем безумен. Мне не выиграть эту битву.

Я стою к машине спиной и краем глаза вижу, как через салон лезут еще две твари. Я с ужасом перевожу взгляд с одной на другую. Огнестрельного оружия нет, меч не достать — я в ловушке между распахнутой дверцей и тем, что меня ждет.

Лучшая из оставшихся альтернатив — подарить людям пару минут на побег, позволив тварям порвать меня на кусочки. Зверская Пенрин-пати.

Вдруг все они замирают.

Задирают кошмарные морды к небу и раздувают мерзкие ноздри, приплюсываясь к чему-

то.

Одна из тварей трясет головой, как собака, стряхивающая с себя воду.

Демоненок, собиравшийся вонзить в мою шею свои клыки, отступает назад. А тот, что еще не пролез в открытую дверь, не может действовать быстро и паникует. Неподдельный ужас исходит от адских тварей.

И вдруг они все бросаются наутек.

Спустя секунду я понимаю, что не только жива, но и свободна.

В свете фар ко мне спешат чьи-то ноги. Тень удлиняется, фигура становится ближе, и вот наконец я вижу лицо.

Это мама.

Твари удирают: прочь от школы, прочь от людей, и, что особенно странно, прочь от моей мамы.

— Какого черта? — опешив, я забываю моргать.

И тут в нос бьет отвратительный запах. Воняет просто ужасно. Лобовое стекло покрыто тухлыми яйцами. Черно-желтая жижа стекает, словно помет какой-то огромной птицы.

Запах.

Они убегают от запаха. Точно так же, как в преисподней, когда демон на них шипел. Эта вонь воскресила в памяти злобного босса? Твари решили, что господин явился задать им трепку?

Я неотрывно смотрю на мать — она уверенно шагает ко мне, в каждой руке по яйцу.

И пусть у мамы не все дома, но ей что-то известно. Такое, о чем другим никогда не узнать.

Когда она доходит до меня — тварей и след простыл.

— Ты в порядке? — спрашивает мама.

Я киваю:

— Как тебе удалось?

— Зловоние знатное, правда? — морщит она нос.

Потеряв дар речи, я смотрю на маму во все глаза, а затем издаю нервный смешок.

В рошу мы входим вместе. На расстоянии пары шагов за нами следует женщина.

Я оборачиваюсь и говорю:

— Здравствуйте.

Она отвечает еле заметным кивком. На вид они с мамой ровесницы, на ней пальто средней длины, на голове капюшон. Под верхней одеждой — платье, ниспадающее до самых лодыжек и прикрывающее тенниски на ногах. В ее наряде есть что-то неуловимо знакомое, но эту мысль вытесняют более важные вещи.

— Она со мной, — заверяет моя мать. Не знаю, что и думать. Заводить друзей не в ее стиле. С другой стороны, это новый мир, и возможно, я не такой уж знаток своей мамы.

В роше невероятно тихо, исключение — хруст под ногами и... звуки погони. Я оглядываюсь и вижу спешащего к нам Раффи. Он практически слился с пейзажем в своих темных вещах. Должно быть, сорвался с места, едва услышал мой крик на стоянке.

Мама с подругой заметно напрягаются, завидев его фигуру, но я жестом им объясняю, что все в порядке. Они продолжают движение, а я иду Раффи навстречу.

Мама поглядывает на нас через плечо, абсолютно не заботясь о нормах приличия в данной-то ситуации. Она настороже, изучает каждую тень. Я считаю, она молодец.

— С тобой все хорошо? — спрашивает Раффи мягким, почти извиняющимся тоном. Может, он решил, что тварям лучше не видеть его, сражающимся за меня. Их было слишком много, чтобы убить каждую, кто-то бы точно спасся и рассказал остальным. Или Раффи не мог бороться в полную силу на глазах у Оби.

— Да, я в полном порядке. В рейтинге главных кошмаров этих уродских задир моя мать превзошла воинов ангельских кровей. Твари ее боятся.

Раффи кивает, поглощенный своими мыслями, он чем-то обеспокоен.

— Чем занимались с Оби?

— Просто прошлись по лагерю.

— Он показал тебе склад «Доширака»?

— Он показал оружейный склад, план эвакуации, систему наблюдения и разведки...

Я едва не запинаясь о корягу.

— С чего бы ему это делать? — говорю я резче, чем собиралась; в голове раздается сигнал тревоги. — Он же играл роль мистера Параноика во время вашей последней встречи.

— Хотел впечатлить и рекрутировать. Потребность в бойцах возросла, а он чувствует — я служил.

— Так ты вливаешься в ряды Сопротивления?

— Черта с два. Я видел секционные столы.

— Секционные столы?

— Для вскрытия существ нечеловеческого происхождения. На случай поимки ангела зарезервирован особый стол.

— О...

Мне хочется напомнить Раффи, что мы находимся в состоянии войны с врагом, о котором совсем ничего не знаем. Но это бессмысленный спор. Мне никогда не смириться с экспериментами Уриила над людьми, какими бы мотивами он там ни руководствовался. Так с чего бы Раффи проявлять снисхождение к нашему рвению поковыряться в подобных ему

созданиях?

— А еще они трудятся над созданием ангельской чумы, на которую возлагают надежды по тотальному уничтожению моего вида.

— Серьезно?

— Во время спасательной операции на Алькуатрасе они вломились в лабораторию и прихватили с собой кое-какие наработки. Судя по всему, Лейла занималась разработкой нашей версией чумы — человеческой. И в процессе оптимизации прогнозируемого урона успела синтезировать несколько штаммов. Один из них, как думают сопротивленцы, сработает против ангелов.

— И насколько они близки к созданию вируса?

— Не так чтобы очень. Иначе мне пришлось бы их устранить.

Остаток пути мы проделываем в тишине, отяжеленной идеей «убей или будь убит».

Пейдж сидит на земле рядом с саранчой, а мать и ее подруга застыли на приличном от них расстоянии, глаз не спуская с чудовищ.

Сестра поднимается на ноги, велит питомцам взлететь на ветки и тут же бросается к маме. Пейдж всегда занимала особое место в ее сердце, в их отношениях было больше тепла. Мама гладит волосы младшей дочери, а та нежится в ее объятиях.

— Как прошло с Доком? — шепчет мне Раффи.

Я делаю глубокий вдох и выкладываю новость о сломанной руке. Раффи ничего не говорит, хотя, уверена, принять ему это непросто. Его отрезанные крылья, не будучи пришитыми обратно, увядают с каждой минутой. Так же долго, как в прошлый раз, им точно не протянуть. Но единственный врач, способный провести операцию, выведен из игры на ближайшие шесть недель.

И моя сестра по-прежнему голодает...

Я выжата как лимон. Должно быть что-то еще, какой-то другой выход, но моральное истощение мешает сосредоточиться. Я хочу заползти в свой ментальный чулан, опустить тяжелый засов — отгородиться от мира.

Я прислоняюсь к Раффи, ощущая крепкие мышцы своим предплечьем, и прикрываю глаза. Его близость меня расслабляет. С ним спокойно и так надежно, что неясно: я его утешаю или все-таки он меня.

Приподняв веки, я замечаю, что за нами наблюдает мамина подруга. Я сразу же выпрямляюсь и делаю шаг в сторону. Странно, что ей интересней мы, а не саранча или малышка, покрытая швами.

— Тебя кое-кто ищет, — произносит она.

Нашла чем удивить.

— Слышала я об этом.

Ангелы, адские твари... кому еще кусочек Пенрин?

Она кивает в сторону Раффи:

— Я говорю о нем.

А что, и Раффи объявили в розыск? Когда мы выступали против ангелов, его лицо скрывала маска, а сам он походил на демона. Кто бы его узнал?

— У меня для тебя послание, — продолжает женщина. — Оно гласит: свобода и благодарность. Верь, брат мой.

Раффи хватает пары секунд, чтобы обдумать ее слова.

— Где он?

— Ожидает тебя в центре города, в церкви с витражами.

— Прямо сейчас?

— Да.

Раффи обращается ко мне:

— Знаешь, где это?

— Вроде того. — Смутно, но я припоминаю расположение пары церквей в пределах Пало-Альто. — А что такое?

Он не отвечает.

Мне интересно, не могли ли близнецы превратно истолковать слухи. Возможно, ангелы ищут вовсе не меня, а Раффи.

— Могу я чем-то быть полезна? — спрашивает женщина. Невозмутимость в голосе этой блаженной действует мне на нервы.

— Нет, благодарю, — отвечает Раффи рассеянно, он успел глубоко погрузиться в свои мысли.

Женщина откидывает капюшон. Голова обрита, кожа очень бледна.

Она сбрасывает на землю пальто. Ее тело обернуто простыней, концы которой завязаны на плече. Темные глаза кажутся просто огромными на контрасте с совершенно лысым черепом, взгляд светится безмятежностью. Она держит руки прямо перед собой, пальцы сцеплены в замок. Единственное, что как-то связывает ее со старым миром — белые тенниски, скрытые простыней.

Женщина отвечает легким поклоном, а затем поворачивается к моей сестре. Она не заводит вербовочных речей, ожидаемых от кого-то столь явно причастного к апокалиптическому культу — неспешно приближается к Пейдж и замирает напротив нее.

Мама склоняет голову:

— Благодарю за твою жертву. И за то, что вызвалась добровольно.

— На что вызвалась? — во мне нарастает тревога.

— Не волнуйся, Пенрин, — отмахивается от меня мать. — Я позабочусь об этом.

— О чем позаботишься? — Мне непривычно видеть ее, взаимодействующей с другими людьми, и уж тем более так, как это происходит сейчас. — О чем, позаботишься, мама?

Она поворачивается ко мне с таким раздражением, будто ей за меня стыдно.

— Объясню тебе позже, когда подрастешь.

Я часто-часто моргаю, уставившись на нее. Вот это номер.

— Когда подрасту? Seriously?!

— Пенрин, я тебя знаю. Ты не захочешь на это смотреть. — Она взмахивает руками: кыш-кыш.

Я отступаю на пару шагов, в тень, где стоит Раффи, но глаз не отвожу. Мама жестом велит отойти еще дальше, и мы делаем вид, что уходим. Я жду, притаившись за деревом, когда она отвернется, а Раффи вообще не заморачивается с прикрытием.

Женщина из культа падает на колени и покорно опускает голову перед Пейдж. С одной стороны мне хочется уйти, не узнав, чем кончится дело; с другой — встать между ними и помешать происходящему.

Безусловное одобрение со стороны мамы — веская причина остаться и все тут проконтролировать. Они что, пытаются завлечь Пейдж в культ? Тогда мне не зазорно за ними шпионить. Обычно я та, кто кричит, что приватность и личная жизнь превыше всего, но в данной ситуации мне нужно убедиться, что ничего, эм... безумного здесь не случится.

— Я пришла услужить тебе, Мессия, — говорит женщина.

— Все хорошо, — обращается мама к Пейдж. — Она сама вызвалась. У нас теперь целая очередь добровольцев из культа. Они знают, насколько важны для тебя. И готовы принести жертву.

Жертву? Чего-чего?

Я бросаюсь к ним.

Пейдж сидит на поваленном дереве, глядя на женщину, стоящую перед ней на коленях. Та ослабила узел на своей простыне и склонила голову набок, ее шея обнажена и уязвима.

Я застываю, понимая, в чем дело.

— Что ты творишь?

— Пенрин, не лезь, — говорит мама. — Это частное мероприятие.

— Ты привела ее в качестве мяса?

— На этот раз все по-другому, — оправдывается мать. — Она вызвалась. Для нее это почетно.

Женщина поднимает на меня глаза, не меняя своей неудобной позы.

— Это правда. Я избрана. Вскормить Мессию, что воскрешала мертвых и поведет нас в рай — огромная честь.

— Да кому теперь хочется в рай? Там же ангелы сплошь и рядом. — Я гляжу на нее, пытаюсь понять, шутит она или нет. — Вы реально вызвались на съеденье?

— Моя плоть насытит Мессию, а дух возродится.

— Вы издеваетесь, что ли? — Я смотрю то на мать, которая кивает с самым серьезным видом, то на женщину, которую будто бы одурманили. — Откуда взялась эта чушь про Мессию? Сопротивленцы хотели ее пытаться, а затем четвертовать.

— Доктор из Алькатраса поведал Овадии Уэсту и членам Совета о том, что она — Мессия, избранная, спасительница. Никто ему не поверил, но «Новая Заря» знает, она избавит нас от небесной кары.

— Пейдж — маленькая девочка. — Я бы хотела добавить «обыкновенная», но, увы, это не так.

— Пожалуйста, не останавливай меня. — В глазах женщины застыла мольба. — Прошу, не мешай. Кто-то другой займет мое место, и если меня отвергнут — это позор навеки. — Ее глаза наполняются слезами. — Умоляю, позволь мне стать значимой в этом мире. О большем я и мечтать не смею! Величайшая жертва, величайшая честь...

У меня отвисает челюсть. Чем на такое ответить?

Зато моей сестре слово «нет» дается легко. Она сидит в позе лотоса, словно монах, и застенчиво качает головой. Мы с трех лет зовем ее маленьким Буддой — с тех пор, как она решила исповедовать вегетарианство.

По щекам женщины струятся слезы.

— Я понимаю. У вас на меня иные планы, — говорит она с таким видом, словно ее признали браковкой. Она медленно поднимается с колен и затягивает узел на плече, бросая взгляды в мою сторону.

Затем кланяется и пятится назад, не смея повернуться к Пейдж спиной.

Мама раздраженно вздыхает:

— Ты же знаешь, что это ничего не меняет. Мне просто придется вернуться, чтобы найти кого-то еще.

— Мама, нет!

— Они сами того хотят. Для них это честь. Кроме того, — она разворачивается, готовая следовать за женщиной, — они приходят с простынями — так за ними проще убрать.

— Знаешь, где та церковь с витражами? — спрашивает Раффи.

— Что? — Я все еще думаю о культе и всей этой мистификации в отношении Пейдж.

— Церковь! — повторяет Раффи. Он, кажется, готов щелкнуть пальцами или помахать рукой перед моими глазами. — С витражами!

— В центре есть пара таких церквушек. Можем пойти к ним прямо отсюда. В чем дело?

— Кто-то ищет со мной встречи.

— Это я поняла. Кто и зачем?

— Самому интересно. — Напускная непроницаемость на лице Раффи, равно как и его тон, говорят о наличии предположений.

— Это ангел, осведомленный о дислокации лагеря Сопротивления?

— Маловероятно. Просто кто-то, кто мог передать сообщение через людей. Для этого не обязательно знать местоположение лагеря. А в церковь его послал кто-то подобный ей, — он кивает в сторону удаляющейся сектантки.

Как по мне, лучше Раффи явится к этой загадочной персоне сам, чем она возьмется его искать и случайно наткнется на лагерь.

Я вскользь поглядываю на Пейдж, она напевает мамину песенку-извинение своей саранче, примостившейся на ветвях над ее головой. Я направляюсь к сестре.

— Я уйду ненадолго, справишься тут сама?

Она кивает. Появляясь из тени, к нам возвращается мать. Не уверена, что Пейдж будет лучше с ней, чем самой по себе. Но вроде бы мама одна, а значит, у нас есть энный резерв времени до ее следующей выходки.

Я догоняю Раффи.

— Ну все, я в твоём распоряжении. Пойдем искать церковь.

Если честно, в центре Пало-Альто я ориентируюсь похуже, чем в окрестностях Маунтин-Вью, а потому обнаружение искомого объекта отнимает больше времени, чем я полагала. Первая часовенка декорирована тонкой полоской цветного стекла, но, по-моему, этого мало. Сказано — с витражами, и я ожидаю увидеть приличный кусок цветного стекла.

Прежде центр Пало-Альто был престижным местечком. Я слышана о длиннющих листах ожидания в здешних ресторанах и об ультрасовременных стартап-компаниях. Мой отец обожал сюда приезжать.

— Кто тебя ищет?

— Точно не знаю.

— Но кого-то подозреваешь?

— Возможно.

Мы идем вдоль улицы с домами, принадлежавшими топ-менеджерам и прочим квалифицированным работягам. Этот милый спальный район неплохо сохранился, мелкие повреждения и пара разгромленных участков не в счет.

— Это что, военная тайна? Почему ты не хочешь делиться своими догадками?

Мы сворачиваем за угол и выходим к той самой церкви с витражами.

— Рафаил, — раздаётся над нами мужской голос.

Призрачная фигура опускается на церковную крышу — ослепительно белый ангел.

Иосия, альбинос. Нездорово бледная кожа и жуткие красные глаза, заметные даже при

тусклом свете луны.

Я поджимаю губы и, сдернув с меча игрушку, хватаюсь за рукоять.

Раффи предостерегающе накрывает ладонью мою руку.

— Рад видеть тебя в добром здравии, архангел, — говорит Иосия. — Ну и шоу закатил ты прошлой ночью!

Раффи высокомерно изгибает бровь.

— Знаю, о чем ты думаешь, — продолжает Иосия. — Но это неправда. Мне хватит пары минут, чтобы все тебе объяснить. — Поразительно, как парень, совершивший вопиющее предательство, может казаться таким искренним и дружелюбным.

Раффи внимательно осматривает территорию. Заметив, чем он занят, я вспоминаю, что данная авантюра может оказаться ловушкой, и мне нельзя отвлекаться на гнев в адрес красноглазого ничтожества.

Я тоже оглядываюсь по сторонам, но кроме застывших теней, являвшихся прежде вполне симпатичным кварталом, ничего в поле зрения нет.

— Слушаю, — отвечает Раффи. — Но излагай в темпе.

— Я говорил с Лейлой и убедил ее заменить твои крылья, — начинает Иосия. — На этот раз без дураков. Она поклялась.

— С чего я должен ей верить?

— Или тебе, — вмешиваюсь я. Это ведь он со своей Лейлой наврал Раффи с три короба, а теперь у последнего за спиной визитная карточка падших. Они запросто могут схитрить опять.

Иосия опускает свои кроваво-красные глаза на меня.

— Уриил винит Лейлу в том, что саранча прошлой ночью пошла против нас. Он говорит, никто, кроме доктора их сотворившего, не должен был иметь над ними контроль. Он запер ее в лаборатории. И убил бы, не работай она над чумой по его же указке. В довершение всего, только Лейла способна поддерживать стабильный прирост его армии монстров.

— Чумы? — переспрашиваю я. — На что она всем сдалась?

— Что за апокалипсис без эпидемии?! — замечает Иосия.

— Чудненько, — отвечаю я. — И мы должны поверить завзятой лгунье, стряпающей апокалиптическую чуму? С чего бы нам вообще переживать за Лейлу? Пусть получит по заслугам за историю с крыльями Раффи и за игры в доктора Франкенштейна с людьми. Мы не биомасса, из которой можно лепить жутких куколок для вашей потехи.

Иосия впивается в меня взглядом. Затем переводит глаза на Раффи.

— Ей обязательно быть здесь?

— Определенно, да, — отвечает Раффи. — Так вышло, что лишь на нее я могу положиться, и только она сможет прикрыть мою спину.

Меня распирает от гордости.

— Лейла не знала. — Иосия наклоняется в сторону Раффи, демонстративно обращаясь к нему одному. — Я предупредил ее, просил не вмешиваться, но ты же знаешь, какая она амбициозная. В этот раз ты можешь ей доверять, поскольку ты — ее единственный шанс выбраться из этой передраги. Уриил убьет ее, едва получит все, что хотел.

— Убьет? Хочешь сказать, приговорит к падению?

— Нет, хочу сказать, что убьет. Он в ярости. Лейла пыталась объяснить, что не имеет отношения к произошедшему с саранчой, но он не верил ни единому слову. Уриил потерял

над собой контроль и сказал, что убил Посланника, а потому и ее не преминет убить. Посланника, Раффи! Его кровь на руках Уриила!

Перед глазами промелькнул образ крылатого мужчины, назвавшегося архангелом Гавриилом, Посланником Господа. Вот он стоит на руинах Иерусалима — а вот его снимает снайперский выстрел. По ТВ эти кадры крутили целыми днями.

Иосия качает головой, будто и сам до сих пор не может в это поверить.

— Уриил обвинил Гавриила в безумии. Заявил, что тот миллиарды лет не общался с богом — выдумывал сказки и выдавал их за слово господне. Он сказал, что раз так, почему бы ему не занять место Посланника, ведь лгать он умеет не хуже почившего брата. Убитого брата. Он убил его, слышишь? Убил! И открыто признался в содеянном.

Ангелы молча глядят друг на друга. Раффи потрясен не меньше Иосии.

— Невелика потеря, — говорю я им. — наших королей и прочих власть имущих испокон веков убивали.

— А мы *не* убиваем своих, — поясняет Иосия. — В последний раз, когда такое случилось, пал Люцифер, а с ним и вся его армия. — Он наклоняет голову в мою сторону, будто не уверен, дошло ли до меня сказанное. — Приличная, скажу тебе, потеря.

— Слышала я об этом.

Раффи удрученно вздыхает.

— Отсюда я ничем не помогу.

— Знаю, — кивает Иосия. — Вот почему ты должен позволить Лейле пересадить тебе крылья. Уриил не должен победить на выборах, ему нужен соперник. Мы послали за Михаилом, но вряд ли найдем его вовремя.

— С чего Лейла взяла, что кто-то будет голосовать за меня вместо Уриила?

— У тебя все еще остались верные последователи. Прошел слух о твоём возвращении, и я постарался его облагородить. Шансы есть.

— Неудивительно, что Михаил держится особняком. Становление Посланником — последнее, чего бы он хотел. С прилизанными перьями, погрязнув в ворохе административных дел, он больше не сможет вести свое войско в бой.

— Единственный архангел, способный бросить Уриилу вызов прямо сейчас, это ты. Даже в случае заочной победы Михаила потребуется тот, кто подменит его на период отсутствия. Лейле выгодно, чтобы этим кем-то стал ты. Теперь она более чем заинтересована в возвращении твоих крыльев.

— Раффи, ты не можешь ему доверять. Не после того, что он натворил.

— Я знаю, как сомнительно это выглядит, — соглашается Иосия. — Но разве я не принес клятву? Жизнь за жизнь. Ты дал мне свободу от вечного рабства, даровал шанс на достойную жизнь. И я обещал, что ее заслужу.

Я поднимаю к нему лицо:

— Ты что-то не казался мне счастливым, когда Раффи появился в Сан-Франциско.

— Я думал, он мертв. Думал, что свободен от клятвы, волен сам выбирать свой путь. Но я бы никогда не предал Рафаила. Думаешь, почему он пришел именно ко мне? Я был единственным безоговорочно преданным сторонником. Лишь у меня нет общины, родословной или чести, на которые я променял бы верность ему. Это тебе понятно?

Он смотрит на Раффи.

— Я не знал, что они собирались с тобой сделать. Думал, просто пришьют тебе крылья. Лейла не хотела следовать приказу Уриила, но тот узнал о твоём присутствии, и она

занервничала. А теперь у нее не осталось выбора. Ей больше не с кем заключать союзы. И только в ее силах вернуть тебе утраченное.

Вот тут он попал в точку. Помимо Дока со сломанной рукой, кто еще способен провести операцию?!

— Времени мало, архангел, — говорит Иосия. — Выборы вот-вот начнутся. И если ты не сможешь остановить Уриила, нам достанется чудовищный убийца в качестве Посланника. Его слово станет законом, а любой, кто выступит против — падет. Развяжется гражданская война. И закончится она тотальным истреблением: не людей — так ангелов, ему противостоящих.

Я чувствую, как напряжен Раффи. Разве может он отказаться? Это шанс вернуть свои крылья и все исправить. Мечты исполнятся. Желания сбудутся. Возможно, он даже станет Посланником и спасет нас всех от апокалиптического хаоса.

А затем отправится домой, чтобы больше никогда не возвращаться в мою жизнь.

— Где пройдет операция? — спрашивает Раффи.

— В обители, — отвечает Иосия. — Лейла под стражей. Она не может сбежать, но мне под силу провести тебя к ней тайком.

— Лети, я догоню, — произносит Раффи, расстегивая тренчкот.

— Мне лучше пойти с тобой, — говорю я.

— Нельзя. — Он снимает одежду вместе с рюкзаком, к которому привязан сверток с крыльями, и надевает последний задом наперед, надежно закрепляя ремни. Любой другой выглядел бы глупо, но только не Раффи: рюкзак, словно армейский вещмешок, отлично смотрится на его широкой груди.

— А кто тебе спину прикроет?

Раффи наклоняется вперед, упираясь руками в колени, и расправляет крылья, как человек, разминающий затекшие конечности.

— С этим справится Иосия. Для тебя там слишком опасно. Позаботься пока о семье.

Меня осеняет:

— Вдруг Лейла поможет Пейдж? — Мне ненавистно просить об этом, но если у Дока перелом, к кому нам ещё обращаться?

— Если со мной все пройдет гладко, посмотрим, что можно сделать.

— Времени у Пейдж не больше твоего.

— Безопасней сначала узнать, достойна ли Лейла доверия.

Он прав, но меня раздирают сомнения. Наконец я киваю.

— А что же твой меч?

— Я не смогу с ним лететь, раз он меня не принимает. А чтобы принял, я должен вернуть свои крылья. Приглядишь за ним до моего возвращения?

Я снова киваю, в груди разливается тепло.

— Так ты вернешься?

Он смотрит на меня с сожалением.

В силу обстоятельств мы уже разделялись, но в этот самый момент все похоже на расставание. Раффи вот-вот вернется в ангельский мир. И когда это случится, он забудет о дочери человеческой, с которой провел несколько дней. Он дал мне понять, что нас ничего не ждет.

— Это прощание? — спрашиваю я.

Он кивает.

Мы смотрим друг другу в глаза. Я, как обычно, понятия не имею, о чем он думает. Могу предположить, но это будут мои фантазии.

Он наклоняется ближе и застывает на расстоянии поцелуя. Я прикрываю глаза, изнывая от предвкушения.

Он накрывает мой рот своим, и тепло его губ разжигает огонь в груди, а затем внизу живота.

Время замирает, я забываю обо всем — конце света, врагах, слежке, монстрах в ночи.

Все, что я чувствую — поцелуй.

Все, кем являюсь — девочкой Раффи.

Затем он отстраняется.

Прижимает свой лоб к моему, и я чувствую соленые капли на своих ресницах.

— Ты вернешь свои крылья. — Я сглатываю, и говорю быстрее, пока мой голос не дрогнул: — Станешь Посланником, и все последуют за тобой как за лидером. Ты отведешь ангелов домой, прочь из этого мира. Обещай, что после победы на выборах, ты заберешь их отсюда, подальше от нас.

— Этот пост получить не просто, но поверь, я сделаю все возможное, чтобы ангелы покинули землю.

И первым уйдет он.

Я снова сглатываю.

Мы стоим так еще немного, вдыхая один воздух.

Поднимается ветер, и, кажется, кроме нас, никого больше нет на свете.

Раффи выпрямляется.

— Дело не в том, чего я хочу или в чем нуждаюсь. Сама суть моего мироздания вот-вот разлетится на части. Я не могу позволить такому случиться.

— Я и не прошу, — говорю я, обхватив себя руками. — Для моего народа ты тоже последний шанс. Если возьмешь контроль и вернешь ангелов туда, откуда они пришли, мой мир, как и твой, будет спасен.

Но тебя рядом не будет.

Я всхлипываю.

Раффи печально качает головой:

— Так мы живем, Пенрин. Мы солдаты. Легендарные воины, готовые приносить легендарные жертвы. Мы не задаем вопросов. И выбора мы не имеем. — Он говорит это, словно мантру; старый обет, повторенный тысячу раз.

Он неохотно и вместе с тем решительно отстраняет меня от себя.

Убирает волосы с моего лица, поглаживает щеку, рассматривает черты моего лица, будто пытается их запомнить. Легкая улыбка касается его губ.

Он опускает руку, поворачивается спиной и взмывает вверх.

Я зажимаю ладонью рот, чтобы не выкрикнуть его имя.

Октябрьский ветер треплет мои волосы. Брошенные и заплутавшие, в небе кружат листья.

Нужно идти.

Повернуться и покинуть это место.

Но ноги будто приросли к тротуару. И я продолжаю стоять, погружившись в свои тревоги. А вдруг это ловушка? Вдруг я больше его не увижу? Вдруг он снова угодил в руки своих врагов?

Я настолько ушла в себя, что не слышу шагов за спиной, а когда замечаю шум, бежать уже слишком поздно.

Из-за домов появляются люди. Один, пятеро, два десятка. Все обернуты в простыни, все как один обриты.

— Вы пустили их, — вздыхаю я. — Да и смотреть было, в общем-то, не на что.

Они приближаются ко мне со всех сторон.

— Мы здесь не ради них, — говорит один из бритоголовых. Его макушка темнее прочих — лысина ему не в новинку. — Великие предпочитают решать вопросы без посторонних. Мы это понимаем.

— Великие?

Люди все ближе и ближе, я начинаю чувствовать себя загнанной. Но это же члены культа, а не уличной банды. Я не слышала, чтобы они когда-либо нападали на прохожих. Но рука тянется к медведю на бедре.

— Нет, мы пришли не за ними, — слышу я женский голос. — Никто не назначал награду за ангела, с которым ты дружна. — Теперь я вижу говорящую, это она предлагала себя Пейдж.

— Надо было позволить тебя съесть.

Женщина сверкает глазами. Она всерьез оскорблена тем, что я сохранила ей жизнь.

Сдернув игрушку с меча, я берусь за его рукоять. Клинок прохладен, тверд и готов к битве. Но я не спешу применять его против них. Врагов, желающих нас убить, и без того хватает, нападать друг на друга — это уже слишком.

Я пчусь от Загорелой Макушки. А круг тем временем сужается.

— Вы что же, собираетесь навредить сестре своей Мессии? — Надеюсь, они верят собственным сказкам.

— Нет, мы не станем тебе вредить, — отвечает Загорелая Макушка и тянется ко мне.

Я отступаю, выхватив меч.

Из-за спины высовывается рука с пропитанной чем-то тряпкой и прижимает ее к моему лицу. От ткани исходит малоприятный запах, он бьет по ноздрям, достигает рассудка, и мир начинает кружиться.

Я пытаюсь вырваться.

Я знала, что это ловушка. Но не знала, что для меня.

Мысли налетают друг на друга, мнутя и искажаются.

Острый химический запах наряду с гарью проникают в горло — это последнее, что я помню, прежде чем свет обращается тьмой.

Я просыпаюсь, жмурясь от яркого солнца, на заднем сидении классического Роллс-Ройса. Все здесь натерто до блеска, сверкает и выглядит просто роскошно. Из динамиков льется джаз — идеальный выбор в такой машине. На водителе черный костюм и шоферская фуражка. Он наблюдает в зеркало заднего вида за тем, как я потихоньку прихожу в сознание.

В голове туман, в носу стойкий запах химикатов. Что случилось?

Ах да, культ... Я поднимаю голову и, дотронувшись до волос, убеждаюсь, что те на месте. Мало ли что.

Шевелюра при мне, а меча нет. Лишь опустевший плюшевый мишка на наплечном ремне. Я поглаживаю игрушку, размышляя о том, что они сделали с клинком. Он слишком ценен, чтобы бросить его на улице, но слишком тяжел, чтобы куда-то нести. Остается надеяться, что им удалось дотащить его до багажника, иначе как они докажут, что поймали ту-самую-девчонку?!

Впереди и позади нашего Роллс-Ройса движутся классические авто — настоящий ретро-эскорт.

— Куда мы едем? — Горло будто забито песком.

Шофер не отвечает. И от его молчания становится жутко.

— Здравствуйте! — обращаюсь я к нему. — Не волнуйтесь о том, что нас могут подслушать. Ангелы не одобряют человеческие технологии. Никаких жучков и прочих шпионских штучек у них нет.

Тишина.

— Вы вообще меня слышите?

Водитель не отвечает.

— Вы глухой?

Возможно, до ангелов дошло, что мы не настолько идеальные создания, как они. Оценив полезность ряда физических недостатков людей, они вполне могли нанять глухого шофера: вряд ли тебя отпустит тот, кого нельзя уболтать.

Я наклоняюсь вперед, чтобы постучать водителя по плечу, и бросаю взгляд на зеркало заднего вида.

Кровавая плоть вместо щек, обнаженные десны. Будто с одной половины лица просто содрали кожу. Рот закрыт, но зубы на виду — он похож на живого скелета. И этот скелет наблюдает сейчас за мной. Хочет увидеть реакцию.

Я цепенею. Первый порыв — отшатнуться, но шофер не разрывает зрительный контакт. Его глаза — не глаза монстра. Это глаза человека, который ждет, что ты съежишься и отскочишь в угол.

Я закусываю губу, чтобы даже не пискнуть. Рука застывает в воздухе. Дыхание замирает между вдохом и выдохом. Я осторожно опускаю ладонь на его плечо.

— Извините, — говорю я. — Вы меня слышите? — Я продолжаю смотреть на водителя в зеркало, пусть знает — я вижу его лицо.

Плечо совершенно нормальное: плотное, осязаемое — такое, каким и должно было быть. Какое облегчение! И для меня, и для него, пожалуй. Ведь это не новый упырь, сошедший с конвейера ангельских лабораторий. Обошлись с ним жестоко, но передо мной человек.

Мне начинает казаться, что он так и будет меня игнорировать. Но шофер еле заметно кивает.

Действовать я не спешу, для начала надо решить, как себя с ним вести: «все-о'кей-какой-погожий-денек» или «ой-что-случилось-с-вашим-лицом?»». Из общения с друзьями моей сестры я вынесла следующее: порой люди с ограниченными возможностями хотят выложить подноготную своего недуга и закрыть неприятную тему; а порой с ними нужно сыграть в игру я-не-вижу-твоих-недостатков. Я выбираю тактику номер два и перехожу к делу.

— Куда мы едем? — Я стараюсь говорить обыденным, но максимально приветливым тоном.

Он ничего не отвечает.

— Вы в курсе, что поймали не ту? Многие сейчас владеют оружием. Наличие меча ничего не доказывает.

Он продолжает молча вести авто.

— Ладно, все с вами ясно. Но неужели вы верите в силу знаков прощения, которые влепят вам ангелы? Ну не убьют они вас сегодня, но где гарантии, что этого не произойдет через неделю? Не думаю, что каждый ангел на свете будет проинформирован о рисуночке, обещающем спасение.

Водитель не отвлекается от дороги. Салон наполняют джазовые переливы.

— Как вас зовут?

Ответа нет.

— А как насчет притормозить? Или даже затормозить? А потом отвернуться на пару секунд, чтобы я могла убежать? Произошло недоразумение. Я с ними никак не связана. И если подумать, вы тоже.

— И с кем же тогда я связан? — спрашивает он грубо и зло.

Его речь непросто разобрать. Наверное, сложно говорить членораздельно, когда тебе вырвали губы. Я с минуту вникаю в смысл.

Мне и раньше приходилось заниматься подобной интерпретацией. У Пейдж были друзья с речевыми проблемами. Ее терпение в отношении товарищей и посредничество между нами в ходе общения позволили мне начать их понимать. Теперь это плевое дело.

— С нами, — отвечаю я, — с людьми.

Не об этом ли неустанно талдычит Раффи? О том, что я принадлежу к человеческой расе, а он, собственно, нет? Эту мысль я задвигаю подальше.

Шофер поднимает на меня удивленный взгляд. Он явно не ожидал, что его поймут. Должно быть, он вообще заговорил только чтобы напугать меня своей «особенностью». Он сужает глаза, вероятно, считая, что я над ним издеваюсь.

— Людям я больше не нужен, теперь я не человек. — Он внимательно за мной наблюдает, полагая, что в этот раз мне не повезет с распознаванием его речи.

Но мне не только везет — мне становится жутко от того, о чем он говорит. Неужели и Раффи считает себя изувеченным и безобразным на контрасте с другими ангелами?

— Как по мне, ты — человек, — решаю я перейти на «ты».

— Слепла? — сердится он. — Все верещат как сирены, завидев меня. Ну брошу я эту работу и куда тогда мне идти? Кого мне считать «своими»? Сейчас даже мать убежала бы прочь от меня. — Под гневом скрывается неподдельное горе.

— Не сбежала бы. — Моя бы точно не сбежала. — Я тебе больше скажу! Если ты вдруг

решил, что являешься главным уродцем среди тех, кого я повстречала на этой неделе — окстись. Тебе многое надо узнать о том, что творится в мире.

Он бросает взгляд в зеркало.

— Только не хнычь, но ты даже не в первой десятке. А значит, смирись — ты совершенен. В той же степени, что и все мы.

— Ты видела кого-то ужасней меня?

— Да, черт возьми! Я с такими людьми столкнулась, от которых ты сам бы дал дёру. Моя подруга — одна из них. Она милая, добрая и мне ее не хватало. Но Клара вернулась к семье, а лучшего другу в наши дни и не пожелаешь.

— И они приняли ее? — Недоверие в голосе — надежда в глазах.

— С сучком и задоринкой, но очень маленькими. Они любят ее, а это чувство основывается на чем-то более глубоком, нежели внешние данные. Кстати, куда мы едем?

— А с чего мне тебе говорить? Ты же просто прикидываешься дружелюбной, чтобы получить желаемое, сбежать к своим друзьям и рассказывать им, какой я урод и как повелся на то, что не вызываю у тебя отвращения.

— Возьми себя в руки! Мы все в опасности и должны действовать сообща, помогать друг другу по мере наших возможностей. — Ну вот, заговорила как Оби. Возможно, близнецы и правы, есть у нас кое-что общее. — К тому же я тебя еще ни о чем не просила. Меня интересует только информация.

Он оценивающе смотрит на меня в зеркало.

— Мы едем в новую обитель, к Заливу Полумесяца.

— И что потом?

— Передадим тебя ангелам. Члены «Новой Зари» получают свою награду, если конечно благодетели будут в добром расположении духа, ну а я продолжу жить дальше.

— Положившись на милость оккупантов.

— Хочешь знать, что случилось с моим лицом?

Не хочу. Такие истории не для меня.

— Для них это было забавой. Содрать кожу живьем. С половины лица! Мучительней боли я даже представить не мог. Да и как такое можно вообще представить? Знакомы тебе подобные перемены? В одну минуту ты человек, в другую — уродливый монстр. А ты в курсе, что я был актером? — фыркает он. — Именно так, кормился за счет своей обалденной улыбки. Но теперь улыбкам конец — у меня ведь и губ-то нет.

— Мне жаль. — А что тут еще сказать? — Слушай, я знаю, это было непросто.

— Да ты и понятия не имеешь.

— Ты удивишься! Отсутствие видимых проблем не означает, что мне не хреново внутри. Кто сказал, что ты главный страдалец?

— Избавь меня от своего подросткового эгоцентризма и экзистенциальной фигни. Твои чувства и рядом не лежали с моими.

— Боооже, конечно, — протягиваю я. — Уж кто-кто, а ты совсем не извалялся в эгоцентризме. Теперь это ясно как белый день.

— Послушай, детка, я неделями ни с кем не говорил, и было решил, что скучаю по простому общению, но ты помогла мне понять — черта с два я скучал по нему.

Какое-то время салон наполняют только ретро-мотивы, затем он говорит:

— Никто не спешит мне на помощь, так с чего мне тебе помогать?

— Потому что ты достойный человек.

— Которому хочется жить. Отпущу тебя — меня выследят и убьют.

— Не отпустишь — лишишься части своей человечности. Быть таковым не значит вписываться в общество или выглядеть как один из нас. Человеком нас делают душа и принципы: то, на что ты пойти готов и чего никогда не сделаешь.

— Убийства людям не в новинку.

— Достойным в новинку.

За окном проносятся пустынные пейзажи. Наверное, мало желающих ошиваться вблизи обители. Слухи об апокалиптической вечеринке уже могли разлететься.

— Ты, правда, убила ангела? — спрашивает шофер.

— Ага. — Вообще-то, двух.

— Я не встречал никого, кому бы это удалось. Ты первая. Что если я, в самом деле, тебя отпущу?

— Я вернусь к семье и попробую нас спасти.

— Нас всех? Попытаешься всех спасти?

— Только мою семью. Это и так непросто. Как я могу отвечать за жизнь каждого?

— Если единственный человек, способный убить ангелов, не в состоянии этого сделать, на кого нам тогда рассчитывать?

— На Овадию Уэста. На него и борцов за свободу. Я же — обычный подросток.

— История пестрит примерами таких вот подростков, ведущих армии в бой. Жанна Д'Арк. Самурай Окита Соджи. Александр Великий. Все они были юны, когда встали на свой путь. И, похоже, мы снова возвращаемся к тем временам.

Мы неспешно лавируем между брошенных на трассе авто. Временами я вижу людей: заметив нас, они тут же спешат укрыться. Парад ретроавтомобилей — то еще зрелище. Не то чтобы прежде никто не брал напрокат дорожных машин или не владел ими, но все это кануло в лету в первые две недели Нашествия. В последующие дни люди ничем не кичились, напротив — держались в тени.

Километр за километром я думаю об одном: как и когда я сбегу. Мы движемся слишком быстро, чтобы я могла выпрыгнуть на ходу. Но стоит мне отчаяться, поверив, что я не удеру — мы начинаем сбрасывать скорость.

На нашем пути блокпост из разных авто.

Конструкция похожа на многомерного мутанта-скарабея, выползшего на дорогу. Схема довольно искусна — машины стоят хаотично, но только на первый взгляд; нутром чую — все это неспроста.

Водитель опускает руку под сидение и извлекает пистолет. Меча у меня нет, так что я сама по себе.

Я как бы ненароком проверяю заднюю дверцу, чтобы понять, нельзя ли сматывать удочки прямо сейчас. Но я и дернуться не успеваю — вооружённые парни появляются из-за машин. Любительские тату, небрежно нанесенные на шею, лица и руки. Типичная уличная банда.

Они наступают, поигрывая битами и монтировками. Один из них опускает последнюю на лобовое стекло нашего Роллса — оглушающий треск заставляет меня подскочить на месте.

Ареал удара белеет, покрываясь миллионами трещин, в остальном же стекло невредимо.

Бейсбольные биты наносят удары по капоту и дверцам. Банда рассредоточивается, чтобы атаковать и другие авто. А сияющее совершенство нашего ретроавтомобиля превращается в развалюху — ветеранку гонок по бездорожью.

Еще до того, как мужчины успевают приблизиться, заднее стекло остановившейся впереди машины опускается и из окна появляется черный ствол автомата УЗИ.

Я прижимаю голову к коленям, стоит начаться стрельбе. Пулеметная очередь разрывает мои перепонки, несмотря на то, что я затыкаю уши.

Спустя пару секунд шум прекращается, и все, что я слышу — звон в моей голове. Рядом мог бы промчаться поезд, а я бы и не узнала.

Осторожно выглядывая из-за сидения, я пытаюсь увидеть, что происходит. Два члена культа — мужчина и женщина в одеяниях из простыней — стоят рядом с машиной и осматривают территорию, заручившись поддержкой автомата УЗИ.

Трое истекают кровью на асфальте. Один упал рядом с придорожным мемориалом. Алтари на обочинах стали появляться со времен начала Великой Атаки. Фотографии потерянных любимых, засохшие цветы, мягкие игрушки, послания со словами горя и нежности.

С одного из снимков нам улыбается девочка, у нее недавно выпал передний зуб. На рамке этого фото блестит свежая кровь.

Мне раньше казалось, что подобные островки памяти создавались в память о тех, кто погиб от руки ангелов. А теперь мне интересно, скольких из них убили сами же люди?

Остальных нападающих нигде не видно.

Проходит пара секунд, и члены культа забираются в две самые габаритные машины в составе блокпоста. Они медленно, но верно таранят заглохшие авто, расчищая как танки путь. Когда с этим покончено, бритоголовые возвращаются в салон, и мы продолжаем движение.

Ко времени прибытия в обитель я ясно чувствую исходящий от водителя страх. Он боится больше, чем я, а это кое-что значит.

Приближаемся мы со стороны главного здания отеля, который скорее похож на усадьбу: раскинувшийся вширь особняк, поле для гольфа, круговая подъездная дорога. Нас ожидают трое, выглядят они представительно.

Внутри все леденеет от мысли о том, что я снова попала сюда. В место, из которого дважды едва унесла ноги.

Машины тормозят, из них появляются члены культа, один из которых открывает дверцу с моей стороны, будто личный шофер именитой леди, почтившей своим визитом светское мероприятие. Я отодвигаюсь на противоположный край сидения. Бежать бесполезно — кругом ангелы. Но облегчать им задачу я точно не собираюсь.

В салон наклоняется парень и получает хороший пинок. Сектанты выглядят пристыженными и немного напуганными. Мой бастион падает с распахнутой дверцей, к которой я прижималась спиной, после чего я, брыкаясь и крича, оказываюсь в руках своих похитителей.

Им приходится тащить меня вчетвером, и я рада, что водитель не в их числе. Ладони парня, сжатые на моих предплечьях дрожат, но боится он не меня. Кем бы ни считали эти безумцы ангелов, что бы ни диктовала им новая вера, всем прекрасно известно, что те, кому они поклоняются, немилосердно жестоки.

— Мы привезли девчонку в обмен на знаки прощения, — говорит Загорелая Макушка.

Охрана смеривает меня взглядом. Их глаза будто высечены из камня — ледяного, инопланетного. Бриз треплет перья на крыльях.

Один из ангелов жестом велит нам следовать за ним к главному входу.

— Сама пойдешь или силой потащим? — спрашивает Загорелая Макушка.

Я поднимаю ладони в знак поражения. От меня убирают руки, но отрезают телами пути к отступлению — открыт только один и ведет он прямо к обители. Мы бредем по подъездной дороге к главному входу отеля под неусыпным контролем со стороны крылатых часовых на балконах и крыше.

Нас оставляют напротив двойных стеклянных дверей, в то время как один из провожатых скрывается в здании. Мы ждем его возвращения в полной тишине, под хищным надзором слишком большого количества ангелов.

Члены культа, опомнившись, бросаются к багажнику ретромобиля и, пыхтя от усилий, достают из него меч. Двое волокут его по асфальту к нам.

Двери распахиваются, и на улице появляются несколько ангелов. Среди них ассистент Уриила, помогавший ему со сборами на недавнюю вечеринку.

Мужчины низко кланяются вновь прибывшим.

— Девчонка здесь, как мы и обещали, о Великие.

Ангел-лакей кивает охранникам, и те хватают меня под руки.

Члены культа кладут меч перед помощником Уриила, и тот говорит:

— На колени.

Мужчины подчиняются, напоминая мне заключенных на эшафоте. Ангел рисует пальцем черные пятна на их лбах.

— Теперь вы в безопасности. Никто из нас вас не тронет, пока этот знак на виду.

— А как же другие члены верного вам культа? — Загорелая Макушка несмело поднимает глаза.

— Приведите их к нам — мы отметим каждого. И расскажите всем, что мы великодушны к тем, кто нам служит.

— А еще расскажите, что последних своих слуг эти ребята порвали в клочья, — говорю я фанатикам.

Мужчины бросают на меня преисполненные ужасом взгляды. А знают ли они о массовом убийстве, случившемся в этом месте?

Ангелы меня игнорируют.

— Творите благие дела и, возможно, мы вам позволим продолжать нам служить и на небесах.

Сектанты пытаются склониться еще ниже, буквально распластываясь у дверей.

— Служить Великим — огромная честь для нас.

Я бы изобразила рвотный позыв, но слишком напугана, чтобы ерничать.

Меня заводят в отель. За спиной раздается скрип металла по полу — охрана тащит за нами меч.

В лобби гам и столпотворение, на каждый квадратный метр приходится по ангелу. Либо все они дружно решили зайти внутрь, либо количество крылатых парней в пределах Залива Полумесяца резко выросло за ночь.

Должно быть, дело, и правда, в выборах. Иначе как объяснить забитый трафик небесных авиалиний, в который мы с Раффи угодили на пути к лагерю?

Толпа расступается, освобождая дорогу мне и моим провожатым.

Похоже, скрежет меча привлекает всеобщее внимание — все как один провожают меня взглядами. Я будто ведьма, которой предстоит пройти через все селенье, прежде чем сгореть на костре. Хорошо хоть гнилыми фруктами и овощами не стали меня забрасывать.

Вместо того чтобы направиться в одно из помещений, мы пересекаем холл и выходим на задний двор — туда, где случилась кровавая бойня. Я на всеангельском обозрении.

Терраса в пятнах засохшей крови. Убирать-то здесь больше некому. На лужайке царит бардак — повсюду валяются конфетти и детали маскарадных костюмов. Почва выглядит рыхлой, словно по ней прошла армия землекопов.

Утром после вечеринки я видела только два агитационных стенда, теперь они на каждом шагу и делятся на три сектора: красный, синий, зеленый. Я не могу прочитать символы на плакатах, но баннер Уриила узнаю — на него мне указывал Раффи — он красного цвета.

Лозунг второй цветовой зоны начертан кобальтово-синими витиеватыми символами и точками, а третьей — бледно-зеленым пунктиром различной толщины. Не важно, что там написано — они все равно мне нравятся больше, чем весь из себя ангельский, кричаще-кровавый баннер Уриила.

Примерно половина ангелов парят над землей, остальные бродят по бывшему полю для гольфа. Все потихоньку кучкуются у плакатов, объединяясь в команды. Немало присутствующих выбирают баннер красного цвета и скандируют: «Уриил! Уриил! Уриил!», напоминая футбольных болельщиков.

Вторая по численности группа собралась у кабин приглушенно зеленого цвета, здесь звучит: «Михаил! Михаил! Михаил!».

Вокруг кобальтово-синей зоны народа меньше всего, оттуда доносится: «Рафаил! Рафаил! Рафаил!».

подавляющее большинство ангелов продолжает кружить в небе или ходить между стендов, решая, к кому примкнуть. Но когда сторонники Раффи принимают повторять его имя, основная масса солдат спускается к ним и тоже кричит: «Рафаил! Рафаил! Рафаил!».

Надеюсь, он где-то поблизости и слышит, что товарищи помнят о нем.

Раффи один из них.

Эти слова — эхо в моей голове. Сколько ни повторяй — смысл доходит с трудом. Ангелы не одиночки, а Раффи так долго жил сам по себе...

Мечтал ли он об этом? Вернуть себе крылья, попасть домой, возглавить своих солдат и снова стать частью племени?

— Рафаил! Рафаил! Рафаил!

Конечно, мечтал. Он же вечно твердил о том, что должен быть с ними, а не со мной.

Прошла ли уже операция? Быть может, Раффи остался последний шаг до возвращения е

ангельский мир.

Все мысли из этой же оперы я отправляю в ментальный чулан. Чтобы его закрыть, приходится постараться. В последнее время это бывает все чаще.

Справа от меня, рядом с одной из кабин, внезапно начинается потасовка. Одни поднимаются в воздух — другие борются на земле. Ангелы, слонявшиеся по лужайке, подлетают поглазеть на драку.

Четыре воина против дюжины противников. Зрители ликуют. Мечи в ход не идут. Это соревнование, а не жестокая схватка.

Те, что в меньшинстве, запросто справляются с условным врагом — оппоненты разбросаны по земле, будто тряпичные куклы. Поединок заканчивается в считанные секунды.

Когда последний ангел пригвожден к земле восседающим на нем воином, победители кричат:

— Рафаил! Первый голос за архангела Рафаила!

«Великолепная четверка» подпрыгивает в воздух с поднятыми вверх руками, радуясь триумфу и громко ликуя. И тут я понимаю: несмотря на численный недобор, сторонники Раффи крупнее и сильнее других ангелов, да и бойцы из них будут получше.

Практически в ту же секунду зеваки перемещаются к другой группе кабин. Так начинается новый раунд.

Спустя несколько мгновений он завершается чьими-то криками:

— Михаил! Второй голос уходит архангелу Михаилу!

Толпа раздражается приветственными воплями.

Чистый хаос! Но все откуда-то знают правила. Похоже, команда, одержавшая верх в поединке, приносит голос своему фавориту. Архангел, на счету которого окажется больше таких побед, становится Посланником. А значит, судьбу ангельских выборов решает не количество сторонников, а их бойцовские навыки.

Конвоиры не прекращают движения, но на меня не смотрят. Они наблюдают за поглощенными действием крылатыми избирателями и их версией выборов.

На чьих-то лицах кровавые мазки наподобие боевой раскраски. Кто-то сталкивается в полете, кружа над разбитыми тарелками и раздавленными бокалами для шампанского. Те, на ком по-прежнему надеты смокинги с вечеринки, сдергивают их с себя, с треском разрывая ткань.

Притворной цивилизованности пришел конец — варварская сущность выпущена на волю.

Неудивительно, что Уриилу приходится быть таким скользким типом. Раффи и Михаил — воины, за ними стоят армии верных бойцов. Уриил — просто политик; у него, вероятно, не было бы и шанса на победу в голосовании, не предложи он безумным и кровожадным воинам что-то вроде легендарного апокалипсиса в качестве конфетки-приманки.

Я — единственный человек в эпицентре этого буйства. И моя песенка спета. До финала «мальчишника», может, и дотяну, но потом меня точно убьют. Интересно, сколько продлятся выборы?..

Когда мы минуем толпу и подходим к сцене, я дрожу изнутри и с трудом волочу ноги. Вокруг океан распаленных яростью ангелов, а выплыть, увы, нельзя.

Голоса распределяются в примерно равных пропорциях, и это меня удивляет. В конце концов, Уриил столько сил отдал своей кампании, а Михаила с Раффи здесь даже нет.

— Не люблю прерывать веселье, — а вот и Политик пожаловал, — но *это* вам стоит увидеть. — Он опускается на сцену с краю лужайки.

Меня ведут по ступеням ему навстречу. С другой стороны сцены поднимается пара ангелов — в их руках огромные клетки, полные бьющихся о прутья, визжащих демонят.

Следом идет целая крылатая ватага. Ноша у них посерьезней: между мерзкими адскими тварями находится Велиал.

Мы не виделись после побега с острова Ангел. Похоже, альянс с гостями из преисподней до добра его не довел. Иссушенный демон держится за решетку сморщенными ладонями и смотрит по сторонам, оценивая участников сборища.

Уриил обращает взор на толпу.

— Прежде чем вы решите, за какого кандидата сражаться, я бы хотел представить вашему вниманию два любопытных факта. — Он беспристрастен и непредвзят, будто ему наплевать на исход событий. — Во-первых, мы обнаружили адских тварей буквально у стен обители, — продолжает Уриил, — что вполне объяснимо — земля еще та дыра. Но я попрошу приглядеться вас именно *к ним*...

Два ангела вытаскивают из клетки пятнистых тварей и выходят с ними вперед. Демонята, и впрямь, крупноваты и ярости в них больше, чем у тех, в чьей компании их изловили.

— Эта порода не эндемична, — констатирует Уриил. — Взгляните как следует — эти твари явились из преисподней.

Ну, в общем-то, так и есть. Мои соседи по купе из Велиалова ада.

Ангелы затихают.

— Все вы помните, как мы истребили этот коварный вид — стерли с лица всех известных миров, дабы избавиться от присущей им изощренной жестокости и дурной привычки организовывать бунты, — говорит Уриил. — Единственным местом, в котором они по-прежнему могут жить, является преисподняя. — Он переводит взгляд с одного присутствующего на другого. — А преисподнюю, как мы знаем, никто не покидает по собственной прихоти. Адские твари, паразитирующие в этом мире, обмельчали и поглупели, а эти, что очевидно, недавно прибыли со своей дьявольской родины. Они подчинялись приказам этого демона, — он указывает на Велиала.

Выглядит он кошмарно, будто его снесла коварный недуг. И хотя он еще не исцелился, открытые раны стали затягиваться. Кожа по-прежнему в струпьях, но местами ее покрывают розовые полоски нового эпидермиса. При этом спина продолжает кровоточить, словно отрезанные крылья препятствуют регенерации тканей.

— Где-то там врата преисподней были открыты, — говорит Уриил. — Где-то там таится чудовище и выпускает на волю созданий своих. Где-то там без нас миру приходит конец. — Он делает паузу. — Я обещал раньше и обещаю сегодня: голосуйте за меня и к утру превратитесь в легендарных воинов апокалипсиса. Рафаил отсутствует. С Михаилом та же история. Выберите одного из них в качестве Посланника и к тому времени, как они наконец поведут вас в битву, вся слава пройдет стороной. Когда вернутся наши блудные братья, вас

может уже не стать, или хуже — вы растеряете форму, окажетесь неготовыми. Кто знает. Всякое может случиться.

В толпе раздаются сдавленные смешки.

— И второе, что я хотел бы вам показать, — говорит Уриил. — Эту девчонку.

Меня выводят в центр сцены.

— Тех, кто прибыл недавно, благодарю за преодоление огромного расстояния ради участия в выборах. Многие из вас пропустили битву на пляже. Ту битву, в которой наш брат погиб от руки дочери человеческой. Но, уверен, слухи до вас дошли. И знайте — они правдивы. Девчонка — столь же тщедушная, коей и выглядит — каким-то образом подчинила своей воле ангельский меч. — Уриил выдерживает драматическую паузу. — Потрясает другое — этим клинком она отняла жизнь одного из нас.

Он замолкает, позволяя слушателям переварить информацию. То, что мой меч обезоружил целую армию воинов, Уриил оставил при себе. Знали бы эти пернатые, что альфа-клинок носит имя Мишутка.

— Я поймал ее в кратчайшие сроки, чтобы свершить правосудие. Пора отомстить за павшего брата.

Толпа отвечает безудержным ликованием.

— Уриил убил архангела Гавриила! — Я тыкаю пальцем в объект своих обвинений. — И состряпал фальшивый апокалипсис, чтобы стать новым Посланником!

Гомон стихает. Я в курсе, что мне никто не поверил, но, видимо, тему сочли интересной и меня готовы послушать.

— Не верите на слово — расследуйте это дело!

Уриил фыркает.

— Для нее будет мало и преисподней. Девчонку стоит отдать на растерзание адским тварям. У нас под рукой делегация этих монстров.

— Что, никаких разбирательств и адвокатов? Даже не притворимся? Хорошенькое правосудие! — Знаю, такими заявлениями жизнь себе не продлишь, но я слишком распалилась, чтобы закрыть свой рот.

Уриил приподнимает брови.

— А это мысль! Ну что, устроим ей суд?

К моему удивлению, ангелы принимаются скандировать:

— Суд! Суд! Суд!

В таком же тоне публика Колизея требовала смерти гладиатора.

Уриил простирает руки, чтобы утихомирить толпу.

— Значит, суду быть!

Спасибо, уже не хочется.

Конвоиры подталкивают меня в спину и я, запинаясь, спускаюсь со сцены вниз. Они продолжают свои тычки до тех пор, пока я не достигаю середины бывшего поля для гольфа.

Я верчусь, озираюсь по сторонам и понимаю, что оказалась в центре масштабного круга, который стремительно превращается в купол — ангелы заполняют каждый свободный метр вокруг меня и надо мной.

Многочисленные тела и крылья заслоняют солнечный свет. Я накрыта живым колпаком, из которого нет выхода.

В заслоне из тел образуется брешь, сквозь которую ко мне забрасывают адских тварей. Они шлепаются на землю и тут же принимаются метаться в поисках выхода, но купол непроницаем.

Толпа продолжает кричать:

— Суд! Суд! Суд!

Нутром чую, наши представления о судебном процессе, мягко говоря, расходятся.

Над ареной распахивают последнюю клетку, из которой вываливается и Велиал. Он падает на траву, поднимает голову на Уриила и тихо рычит.

На долю секунды я вижу, как он разгневан, как ранит его предательство, а затем эти эмоции стирает его фирменная ухмылка. Заявление Велиала о том, что он одинок, никем не любим и никому не нужен, подтверждается снова и снова. На какой-то момент, пронзенная состраданием, я забываю, какой он кошмарный тип.

Он бредет на середину арены, поначалу неуверенно, запинаясь, но с каждым шагом к нему возвращаются гонор и даже открытый вызов.

Ангелы приветствуют его громкими возгласами, как фаворита футбольной команды во время финального матча. Пожалуй, ребята не в курсе, за кого они так болеют. Мне известно,

кто он и что с ним случилось, но и я с трудом узнаю в нем прежнего Велиала.

Адские твари отчаянно паникуют: они бросаются из стороны в сторону, налетают на живую преграду, отскакивают от нее, но не прекращают попыток найти зазор между телами.

— Что это за суд? — спрашиваю я, догадываясь, каким будет ответ.

— Военский суд, — отвечает Уриил, паря надо мной. — Это больше, чем ты заслужила.

Правила просты: в живых остается только один, и он получает свободу.

В толпе раздаются выкрики одобрения.

— Постарайтесь-ка нас развлечь, — советует Уриил. — Если вам не удастся, судьбу финалиста будут решать зрители.

Ангелы скандируют:

— Смерть! Смерть! Смерть!

А это, наверное, их ответ.

Не знаю, ухватили ли суть адские твари, но они продолжают визжать и атакуют стену из воинов. Ангелы перехватывают одну из них и с силой швыряют на землю, где та остается лежать, ошалело тряся головой. Остальные рычат на подлетающих демонят — чудовища замирают на полпути и немедленно отступают.

— Адские твари! — обращается к ним Уриил. — Одна из вас выживет. — Он поднимает вверх указательный палец, иллюстрируя свою речь. — Убив остальных, — обводит он жестом собравшихся на арене. Говорит Уриил громко, нарочито тянет слова, как если бы обращался к тупому животному. — Убить! — кивает он в мою сторону.

Демонята глядят на меня.

Я инстинктивно пчусь назад. А что мне еще делать?

И натыкаюсь спиной на ангела — звено крылатого купола. Он наклоняется ближе и приглушенно рычит мне в ухо. Я озираюсь, лихорадочно ища выход, а твари уже устремились ко мне.

К своему изумлению я замечаю меч — он лежит на земле между мной и кровожадными монстрами. Уверена, не случайно. Публике хотелось увидеть, как дочь человеческая станет кромсать адских тварей ангельским клинком.

Я бросаюсь к нему со всех ног, поднимаю с травы, но не могу сразу затормозить — падаю, перекатываюсь на другой бок и принимаюсь размахивать мечом еще до того, как снова оказываюсь на ногах.

Первая из подоспевших тварей получает удар. Она визжит, из ее живота хлещет кровь.

Когда вторая летит на меня, я делаю взмах буквально на автомате.

Она слишком близко, на расстоянии дыхания, я чувствую запах гнилой рыбы. Тварь отклоняется, и я промахиваюсь буквально на пару сантиметров.

Выпрямившись, я занимаю устойчивую позицию. Следующая пара ударов вселяет в меня уверенность, я позволяю мечу перехватить контроль. Для него это проще простого. Мишутка убил тысячи тварей подобных этим.

Вот только события развиваются не так, как привык меч. Двое из преисподней издают свои гиеноподобные крики, привлекая внимание остальных. Те замирают, прислушиваются, а затем начинают меня окружать.

Они парят вне досягаемости клинка, я же верчусь на месте, стараясь держать в поле зрения каждую из них. Я не знаю, чего от них ожидать.

Между тем Велиал пятится назад — я вижу его краем глаза. Он хватает одну из тварей и сворачивает ей шею, будто цыпленку.

Бесшумно бросает тело на землю и тянется к очередной жертве. Все остальные сосредоточены на мне. Все, кроме тварей из преисподней. Они умнее. Хитрее. Они следят за ним осмысленным взглядом.

Велиал исходит не из моих интересов, это я знаю. Он просто устраняет противников, пока те увлеклись мной. А когда я буду мертва, он с легкостью добьет остальных.

Я даже не обижаюсь. Пока он убивает моих врагов — в друзья набиваться не стану.

Пятнистые твари вновь издают пронзительный визг, и демонята расширяют диаметр круга, в который теперь угодил и Велиал. Они сужают кольцо, сгоняя нас в середину.

Мы с Велиалом вынуждены отступать до тех пор, пока не оказываемся впрытик друг к другу. Нас обоих это не радует, но в данный момент основную угрозу представляют адские твари, и нам предстоит выбор: сражаться поодиночке или же сообща.

Синхронно приняв решение, мы встаем с ним спина к спине. Теперь нам удастся держать в поле зрения всех нападающих тварей.

Уповать приходится на то, что живой я Велиалу полезнее, нежели мертвой. Нам обоим прекрасно известно, что, устранив демонят, мы снова станем врагами, а пока надо быть заодно.

Адские твари медлят. Ни одна не желает первой идти в атаку. А затем самая смелая стремительно пикирует вниз.

И попадает в руки Велиала.

Пока тот ломает ее позвонки, вторая бросается следом.

Я смещаюсь и разрубаю ее мечом.

Еще двое летят прямо на нас.

Четверо.

Шестеро.

Моя реакция молниеносна. Вот это скорость! Мишутка преодолел сверхзвуковой барьер. Только ветер свистит. В нашей паре ведет меч. Мне остается твердо стоять на ногах и задавать ему направление.

Хотя бы одна тварь избежит моего клинка — и игре конец.

Эта мысль распаляет меня еще больше и я, совершив «восьмерку», задеваю сразу троих: одному перерезав горло, другому поранив грудь, а третьему вспоров живот. Двое пострадавших бьются в агонии, блокируя путь остальным — к нам не подобраться. Очень приятный бонус.

Уязвимость холодит спину — я могу лишь надеяться, что Велиал протянет до самого конца. Нашим главным преимуществом стал хаос в рядах тварей — они не могут нападать одновременно, но пробуют, толкаются и чинят преграды сами себе.

Я вооружена в отличие от Велиала, и потому беру на себя большую часть круга. Я стараюсь захватить как можно больше демонят, но тылы прикрыть не могу. Умрет Велиал — и следующей буду я.

Но он держится. Даже без оружия. Его сила в физической мощи и ярости, возрастающей с каждой сломанной шеей, с каждым ударом ноги или удачным хуком.

Мы с Велиалом добиваем последних тварей, в то время как гости из преисподней наблюдают эту картину, паря над нашими головами. Последние удары мы наносим одновременно: одного демона разрубаю я, жизнь другого отнимает он.

Затем Велиал отходит как можно дальше, расчищая пространство оставшимся демонятам.

И пусть эти твари не так глупы, их осталось всего две — окружить меня не выйдет. Но они и не пытаются. Вместо того чтобы напасть на меня, демонята лениво летят в сторону Велиала — без угроз, совершенно спокойно. Они что-то ему пищат, тыкая в меня своими обезьяньими пальцами, затем смотрят на Велиала и энергично кивают.

Они предлагают объединиться против меня.

Я отступаю на пару шагов с высоко поднятым мечом. Хочу быть полностью готовой к тому, чем меня вот-вот огорошат.

С Велиалом мы «дружили» пару мину, а эти твари освободили его из цепей на острове Ангел, в которые кто его заковал? То-то и оно.

Он кивает, но на его лице нет ни тени злорадства, лишь мрачная решимость остаться в живых. Хотя бы самолюбие потешу, раз Велиал счел меня опаснее этих тварей.

Два летуче-мышинных уродца кружат рядом со мной: один — над моей головой, другой — на уровне роста, а Велиал заходит спереди, держась подальше от острия меча. Идеальная позиция, чтобы наброситься, когда я отвлекусь.

Если бы демонята оба спустились пониже, я могла бы круговым движением ранить троих противников. Но с одним из них над головой, я могу прикрывать только две стороны, оставаясь уязвимой с третьей.

Додумать стратегию мне мешает атака с неба и справа — острые зубы, длинные когти. Велиал отчего-то медлит, а мне медлить нельзя.

Я выбрасываю клинок над головой, целясь в адскую тварь, атакующую сверху, а затем взмахиваю им вокруг своей оси, чтобы зацепить ту, что заходит сбоку. При этом я ожидаю, что к ним вот-вот присоединится Велиал.

Но он ничего не делает.

Совершает ложные выпады, а сам остается на месте.

Но и твари, стоит им оказаться вблизи клинка — сразу же отступают. Мне удастся оцарапать лицо одной из них и нанести рану вдоль торса другой, ни один удар не смертелен.

Велиал тихо посмеивается, глядя на то, как я снова принимаю боевую стойку. Все трое пытались друг друга надуть.

Напади они сообща — я была бы мертва. В результате предательства мертв был бы кто-то из них, другой получил бы серьезные раны, а самому коварному достались бы шансы остаться последним живым существом на арене.

Но теперь, когда они в курсе, что не могут полагаться друг на друга, альянсам приходит конец.

Твари из преисподней разлетаются в противоположных направлениях, взмывая так высоко, как позволяет ангело-купол. Они смекнули, что, оставшись наверху, вынудят нас с Велиалом продолжить бой на земле. Один из нас точно умрет, а второй будет слишком вымотан и станет легкой мишенью.

Велиал презрительно кривит губы:

— Обхитрен адскими тварями, и мне угрожает тощая дочь человеческая. Оскорбление за оскорблением.

Мы с Велиалом готовы сражаться друг с другом.

— Прекратить!

Все задирают головы, чтобы увидеть, кто выкрикнул эту команду. Причем таким тоном, которого вряд ли ослушаешься.

Я тоже смотрю вверх, не забывая иногда поглядывать на Велиала. Кровь застилает глаза — я моргаю несколько раз, прежде чем зрение проясняется и мне открывается то, чему уже все стали свидетелями.

В куполе образовалось отверстие, сквозь которое льется свет. Но солнца не видно, его заслонили два белоснежных крыла.

И совершенный силуэт.

Раффи.

Он тот, кого я знаю, и в то же время пугающий незнакомец. Разъяренный полубог. Во всем ангельском великолепии мне довелось его увидеть лишь однажды, да и то мельком.

Расправленные крылья — белое на синем — просто великолепны.

Ангелы уставились на Раффи, и воцарилась тишина, нарушаемая только лишь мерными взмахами крыльев.

По крылатой толпе пробегает шепот: «Архангел Рафаил».

— Слышал, здесь проходят несанкционированные выборы, — говорит Раффи.

— Вполне себе санкционированные, — парирует Уриил. — Будь ты здесь — знал бы, что являешься одним из кандидатов.

— Серьезно? И как мои успехи?

Несколько ангелов принимаются кричать в поддержку Раффи.

— Рафаил, ты отсутствовал слишком долго. — Уриил повышает тон, адресуя слова не только Раффи, но и всем собравшимся. — Он оторван от нашей жизни и не сможет руководить величайшей битвой в истории. Знает ли он вообще, что легендарный апокалипсис уже начался?

— Ты о том, который сам же и создал из лжи и дешевых трюков? — Раффи тоже обращается к публике. — Он всем вам лгал. Сотворил монстров, подстроил события и подгадал время, чтобы форсировать выборы.

— Рафаил лжет, — отвечает Уриил. — Я могу доказать, что избранным архангелом должен стать я. — Он простирает руки к толпе. — Бог говорил со мной!

По толпе прокатывается приглушенное бормотание.

— Да-да, — продолжает Уриил. — Я уже Посланник в Его глазах. Бог говорил со мной и велел вести вас навстречу великому апокалипсису. Я ждал подходящего времени, чтобы сообщить эту новость, потому что знал — это шок. Но теперь, когда Рафаил вернулся и пытается оспорить божью волю, выбора просто нет. Сколько еще знаков нам нужно, чтобы поверить — Конец Времен проходит без нас! Как много вы готовы пропустить из-за отсутствия Посланника, который повел бы вас в эту битву? Не позволяйте Рафаилу лишать вас славы! Вы рождены, чтобы стать великими!

Ангелы, парящие рядом с Уриилом, широко раскрывают рты и начинают — уж очень похоже на то — петь. Без слов, только мелодию. И она великолепна. Кто бы знал, что эти кровожадные воины способны на такое восхитительное исполнение.

Еще дюжина божественных голосов подхватывает мотив, и волшебство наполняет

пространство купола. Ангелы сдвигаются, и внутрь врывается свет.

Лучи проходят как раз за спиной Уриила. Он будто случайно смещается в это сияние. Лицо озаряет искренняя улыбка. Шоумен из него что надо.

Уриил опускает руки и смиренно склоняет голову. Солнечный ореол за его головой и плечами, эта поза и безмятежность вызывают благоговение, будто он и правда общается с господом. У меня дыхание перехватывает, и остальные, похоже, со мной солидарны, поскольку умолкают в предвкушении чуда.

Уриил выпрямляется и произносит:

— Со мной говорил бог! И сказал он: Конец Времен начинается прямо сейчас!

На этих словах Уриил взмахивает руками как дирижер.

Что-то врезается в обрыв на краю поля для гольфа. Должно быть, большая волна — из-за ангелов сложно что-либо разглядеть. Они оборачиваются на звук, и в пространстве между телами открывается обзор на пляж.

Прибой пенится, а из глубин поднимается нечто. Поначалу кажется, что это несколько разных зверей, но стоит головам показаться над водой, становится ясно — монстр один. О него разбиваются волны, словно сам океан восстает против этой противоестественной твари.

Чудовище стряхивает воду и кричит, устремляясь к нам.

Меня шокирует его скорость. В одно мгновение оно достигает нас, и мне удается получше его разглядеть.

Лейла превзошла себя. Семь голов на плечах, но одна из них — человеческая — мертва: лицо рассечено, из раны, которую запросто мог нанести топор, сочится кровь.

Остальные головы живы и каждая объединяет в себе как людские, так и звериные черты: леопарда, угря, гиены, льва, гигантской мухи и акулы-убийцы. Торс чудовища похож на медвежий.

— И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами, — говорит Уриил тоном пророка. — А на головах его имена богохульные. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо число это человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть.

На голове каждого монстра вытатуировано число — сморщенный шрам на лбу.

666.

Это просто числа, говорю я себе.

Обычные числа.

Я знаю, что зверя состряпала Лейла, а ее подучил Уриил. Они же просто копируют монстров из описаний апокалиптических пророчеств. Жалкая подделка... подделка!

Тогда почему по коже бегут мурашки?

Числа впечатаны в лоб, и они приведут в ужас любого, кто встретит это существо. Лишь Уриил мог такое придумать.

Со зверя капает вода, каждая из голов, кроме той, что мертва, рычит, воеет, ревет. Монстр замирает рядом с нами, а затем бросается бежать и вскоре исчезает из виду.

Уриил, будто в трансе, вновь поднимает руки.

Земля под моими ногами приходит в движение, словно под ней копошатся огромные черви.

Появляются пальцы.

А затем и рука целиком — новорожденный зомби тянется к солнцу.

Следом из грязи и пыли показывается голова.

И так по всему полю для гольфа. Уродливые конечности прорывают дорогу наверх, и тела выбираются на лужайку. Тысячи жутких тел.

Ангелы, стоявшие на земле, тотчас расправляют крылья и взлетают. Раффи смотрит мне в глаза, но я понимаю: он не сможет поднять меня в небо, не скомпрометировав себя. Рядом с моей ступней чья-то рука ищет опоры, но пока хватает лишь воздух. Я подпрыгиваю, стараясь избежать цепких пальцев, и как никогда мечтаю уметь летать.

В тех, кто вылез из-под земли, людей можно узнать только по силуэтам и судорожным вздохам.

— И мертвые восстанут из могил! — Голос Уриила подхватывает ветер.

Одни лежат на газоне, жадно глотая воздух. Другие карабкаются из собственноручно вырытых ям, боясь, что нечто утащит их обратно. Третьи сдавленно рыдают, сбиваясь в кучу на взрыхленной лужайке.

То, что я посчитала грязью, оказалось сморщенной плотью, на которую налипли комья земли. Жертвы саранчи. Они в шоке и ужасе разглядывают уподобившуюся сушеной говядине кожу — так, будто видят ее впервые. И, возможно, что так и есть.

Уриил похоронил их заживо. Он готов был впечатлить избирателей независимо от появления Раффи. Уж кому-кому, а Политику подобные трюки всегда удавались на славу. Его команда рассчитала необходимую дозировку яда, чтобы действие паралича сошло на нет как раз к началу этого шоу.

Знают ли эти люди, что с ними стало? А вдруг они правда верят, что вернулись с того света?

— Воскрешенные! — обращается к ним Уриил. Выглядит он устрашающе, раскрытые крылья сияют в лучах света. — Я — Посланник Господа!

Многие ангелы обмениваются тревожными взглядами.

— Вы были избраны разделить с нами славу апокалипсиса. Наказать богохульство, коим является род человеческий. А затем оказаться на небесах. Уклонитесь от долга — вернетесь в ад, из которого вы пришли. — Он указывает на восток. — Вперед. Найдите людей и убейте

их всех. Очистите землю от скверны.

Жертвы саранчи в оцепенении смотрят на Уриила. Затем друг на друга. Они напуганы и сбиты с толку.

Один из них поворачивает в указанном Политиком направлении.

Кто-то идет следом. А за ними бредут другие. И так до тех пор, пока не уходят все.

Новая волна восставших появляется из-под земли. И они устремляются вслед за себе подобными. Огромная толпа держит путь на восток.

А там лагерь Сопротивления.

— Впечатляющий спектакль, — протягивает Раффи, при этом он вовсе не выглядит впечатленным ни армией восставших из ада, ни монстром с кучей голов. — Но, поверив ему, вы все совершите большую ошибку. Любой, кто последует за Уриилом, падет, когда правда откроется.

— Твоя излюбленная тактика запугивания здесь не работает, — отвечает на это Уриил.

— Кто лжет — тот и должен пасть, — говорит один из воинов. — Мы всего лишь следуем приказам.

— Думаете, к ангелам Люцифера проявили снисхождение, узнав, что в восстании против небес они всего лишь следовали приказам? — спрашивает Раффи. — Думаете, они разбирались в архангельской политике, лежащей в основе бунта, и знали, что происходит на самом деле? Они, как и вы, были просто солдатами. Вероятно, многие считали, что творят благое дело. Некоторые верили, что сражаются за жизнь Посланника. Но когда рассеялся дым, это их не спасло. Каждый из них пал.

Ангелы переглядываются и начинают шептаться между собой, их крылья подрагивают от волнения.

— Гавриил, если он жив, — продолжает Раффи, — безжалостно разделается с ангелами, потерявшими в него веру. Михаил, вернувшись и увидев, что происходит, будет вынужден приговорить вас к падению, дабы аннулировать результаты голосования. И если до ангелов, оставшихся дома, дойдут слухи о событиях на земле... Братья мои, это станет началом кровопролитной гражданской войны. Здешним ангелам придется бороться за выбранного ими Посланника в лице Уриила.

— И как нам понять, кому из вас верить? — спрашивает один из ангелов.

— Истины не узнать, — вторит ему другой.

— Испытание, — предлагает кто-то.

— Испытание! — повторяет следующий.

Остальные хором бормочут это же слово.

Не нравится мне все это. Когда ангелы что-то бормочут, соглашаясь при этом друг с другом — хорошего не жди.

— Со мной говорил Бог! Я ваш Посланник, и вы должны подчиняться, — голос Уриила — гром, обещающий кару.

— Так ты сдаешься? — усмехается Раффи. — Выборы еще не завершились. — Он поворачивается к ангелам. — Подозрительно складно все происходит: Посланник Гавриил умирает, не успев рассказать о цели визита на землю; Уриил остается единственным архангелом, способным появиться на выборах; и каждый раз, когда у кого-то возникают сомнения, он являет миру очередное апокалиптическое чудовище в качестве знака свыше. — Раффи выразительно смотрит на Уриила. — Как удобно, не правда ли, Ури? Я согласен на Испытание.

Ангелы кивают и повторяют за ним:

— Испытание.

Испытание? Вроде Судебного поединка? С каленым железом, водой и прочими пытками? Да мы никак в Средневековье!

Уриил обводит взглядом толпу.

— Что ж, — хмыкает он. — Так и быть. Своим Подручным я вызываю Сакриэля.

Все поворачиваются к ангелу с исполинскими крыльями и мощной фигурой.

— Вызов принят, — кивает он.

Раффи оценивает собравшихся. Кто верен ему настолько, что годится на роль Подручного? Да, некоторые поддержали его кандидатуру на выборах, но отдать за него свой голос — это одно, а жизнь — принципиально другое.

— Ради победы ты выбрал самого свирепого здоровяка среди воинов. Я польщен. А кого же найти мне, чтобы сделать вас с Сакриэлем? Хм... Пусть это будет... дочь человеческая. Даже она станет слишком большим преимуществом.

Ангелы смеются.

А меня, застывшую на перекопанной земле, будто молнией поразило.

Уриил поджимает губы.

— Забавляешься? — цедит он слова. Политику не до смеха. — Веселись, пока можешь. Рафаил, но только помни, что она отправится следом, когда ты падешь. — Уриил бросает на меня многозначительный взгляд. Уверена, он в курсе, что Раффи предпочел меня остальным вовсе не шутки ради. — Забыл, что Хранителей рядом нет? — Усмешка. — Собирай команду, времени — до рассвета. А затем Испытание нас рассудит.

Он покидает купол со своей неизменной свитой — пара десятков крыльев в унисон рассекает воздух.

Ангелы возбужденно переговариваются на пути к зданию отеля.

Приближенные Уриила хватают двух оставшихся тварей и возвращают их в клетку. Велиала запирают с ними.

Меня не трогают. Я ведь Подручный Раффи, что бы там это ни значило. А потому остаюсь на поле — разминаю плечи, снова дышу.

Раффи спускается вниз. Огромный размах его белоснежных крыльев подчеркивает статную фигуру. Перья пушатся, мягко сияя в солнечном свете.

До сих пор не верю, что крылья снова при нем. Выглядит бесподобно! Они совершенны, только следы от ножиц немного портят картину. Это я их слегка обкромсала, когда мы только встретились с Раффи. Перья, наверное, отрастут, и больше ему обо мне ничего не напомнит.

Я бы и рада сделать ему комплимент или сказать спасибо за то, что он спас мне жизнь, но нас могут услышать. Раффи и так все видит в моих глазах, я тоже кое-что вижу в его: «За каким таким чертом ты здесь оказалась?!». Ах, это просто особый талант появляться там, где быть меня не должно.

Когда последний из ангелов покидает лужайку, рядом с нами приземляется Иосия. Его неестественно белая кожа идеально сочетается с перьями Раффи.

— Что ж, неожиданный выбор Подручного, — он внимательно смотрит на Раффи своими красными глазами.

Раффи мрачнеет.

— Какие шансы на достойную команду?

— Незавидные, — отвечает Иосия. — Не важно, кто на чьей стороне — многим кажется, что победа за Уриилом. А став Посланником, он позаботится о том, чтобы каждый, кто выступил против, пал. Слишком серьезный риск.

Раффи резко опускает плечи. Операция ослабила его.

— Как ты? — спрашиваю я.

— Будто месяц провел в небе, не дождавись выписки с больничного. — Он делает глубокий вдох и медленно выдыхает. — Ничего такого, чего бы не делал раньше.

— Скольких завербует Уриил? — интересуюсь я.

— Около сотни, — отвечает Иосия.

— Сотни? — поражаюсь я. — Целая сотня против нас двоих?

— Вообще-то, ты драться не будешь, — поправляет меня Раффи. — И всем это было ясно.

— Ааа, так значит, сотня против тебя одного? К чему тогда канитель с Подручными, если затем ты должен набрать команду?

— Традиция. Подручный — гарантия того, что тебе не придется сражаться в одиночестве, — поясняет Иосия. Он бросает на Раффи сочувственный взгляд. — Стать Подручным — большая честь. Никто не отклоняет таких предложений. Но участие в Испытании — дело добровольное.

Откровенная жалость в глазах Иосии вызывает желание что-нибудь пнуть. Раффи-то мне помог, а я не могу отплатить ему той же монетой. Во время ангельских матчей девчонки без крыльев сидят на скамье запасных.

Мое внимание привлекают клетки, оставленные на поле. Две выжившие твари дерутся вокруг Велиала. Если бы не Раффи, меня бы тоже к ним запихнули. И сколько бы я протянула в такой компании?

— Уриил прав, — вздыхает Раффи. — Хранителей я потерял. И вряд ли кто-то решит занять их место.

— Воины по-прежнему о них говорят, — вспоминает Иосия. — Ни одна группа бойцов не сумела приблизиться к уровню твоего элитного подразделения. Хранители стали легендой. — Он качает головой. — Такая потеря! И все из-за... — Он смотрит на меня с долей враждебности, но все-таки проглатывает оскорбление, которое хотел адресовать дочерям человеческим.

— В том, что ангелы нарушили ваши тупые правила, женщины не виноваты. Лично они ничего не нарушали, а их все равно наказали.

— Хранители были бы здесь, не повстречай они этих... женщин, — упирается Иосия. — Связь с твоим видом лишила нас лучших бойцов. Будь ты воспитана, ты бы...

— Довольно! — прерывает его Раффи. — Хранителей больше нет и споры о правых и виноватых не помогут вернуть их назад. Остается один вопрос: найдется ли им замена?

— А где они сейчас? — Подозреваю, что в преисподней, но кто его знает. Кажется, сцена из памяти Велиала происходила очень и очень давно.

Раффи с Иосией одновременно смотрят на демона. Тот раздает затрецины адским тварям, затеявшим ссору рядом с его плечом. Они отпрыгивают, повисают на железных прутьях и впиваются в нас глазами.

Вернее, не в нас.

В меч.

Твари хотят домой. Как бы ни было там плохо, заключение в клетке и скорая смерть хуже в разы.

Домой.

— А что если мы отправимся в преисподнюю и вытащим Хранителей в наш мир? — предлагаю я.

Не будь на кону судьба всего человечества, я бы в жизни такое не брякнула. Но если

Раффи свергнет узурпатора, угроза войны отпадет...

Ангелы обмениваются а-девчонка-то-спятила взглядами.

— Добровольцев на тур в преисподнюю нам не найти, — отвечает Раффи, сердито хмурясь.

— Тем, кто туда угодил, не выбраться без ведома архидемонов, — добавляет Иосия. — В этом и соль преисподней. В противном случае, недавно падших спасали бы направо и налево.

— Кроме того, — продолжает Раффи, глядя на Велиала, — Хранители уже не те, кем были прежде.

— А если они все-таки будет теми, какими их помнишь ты? — спрашиваю я, кивая в сторону демона. — Такими, какими их помнит он.

Раффи опускает взгляд на меня, и я вижу вспыхнувший интерес.

Ангелы тянут клетку, поднявшись в воздух, я же пытаюсь тащить ее по земле. Наша цель — хозяйственная постройка, за которой нас никому не увидят даже с балконов отеля.

— Ты уверена, что связь обоюдная?

— А вы, ребята, не в курсе?! — удивляюсь я.

— Я слышал байки о тварях, выбирающихся из преисподней через могущественные мечи, — говорит Раффи. — Но о том, чтобы кто-то пытался залезть обратно — нет.

— Хочешь сказать, твой ненаглядный клинок обладал талантом, о котором вы сами ни сном, ни духом? И открыла его я?! — Очередной рывок.

— Ты открываешь неизведанные грани как во мне, так и в Смешутке.

— Мишутке.

— Я так и сказал.

Я обхожу свежевырытую яму.

— Ну же, Раффи, скажи «Мишутка». — Я улыбаюсь ему. — Обожаю, как ты произносишь его имя! Великолепный звук!

— Однажды он убьет тебя во сне, лишь бы отделаться от этого имечка.

— Ну теперь, когда меч может вернуться к тебе, с этим проблем не будет?

— Для нового имени нужен новый хозяин, а я, как ты знаешь, старый. Клинку никуда не деться от твоей безумной фантазии. По крайней мере, пока.

Я все жду, когда он попросит вернуть ему меч, раз крылья теперь при нем, но этого не происходит. Быть может, Раффи все еще злится на то, что клинок поделился со мной его частной жизнью? Я чувствую, что Мишутке не терпится оказаться в руках законного владельца, но озвучивать это не стану — пусть разбираются сами.

Мы опускаем клетку на землю. Кроме нас здесь никого.

Иосия по-прежнему качает головой, но больше не спорит с затеей. И в то же время он прав. Да, все мы согласны с тем, что план просто ужасен. Но когда Раффи предложил альбиносу озвучить свои идеи, с ответом тот не нашелся.

Теперь, когда нужно достать меч, я понимаю, что руки мои дрожат.

Разум лихорадочно ищет другой вариант. У Раффи снова есть крылья, а значит, мы можем сбежать! Но он вовлечен в Испытание; собственно, как и я. Нам не позволят даже взлететь, что уж говорить о побеге.

Если Раффи проиграет — я умру. Не знаю, что сделают с ним, но со мной все предельно ясно. Зато с победой он получит контроль над ангелами и заберет их отсюда. Это шанс все прекратить.

Но стоит ли он того, чтобы Раффи отправился в преисподнюю, рискуя заблудиться или угодить в ловушку? А вдруг он останется там навсегда?

Закусив губу, я стараюсь не думать об этом. Я и так протопчу траншею по периметру этой клетки, пока буду ждать его возвращения.

— Вперед, — говорит Раффи. Его крылья свернуты и плотно прижаты к спине, он твердо стоит на ногах, готовый к чему угодно.

Не дожидаясь, пока вконец раскисну, я киваю Иосии. Он снимает засов — дверца клетки открывается со скрипом. Твари из преисподней жмутся друг к дружке, держась подальше от альбиноса.

Чтобы Раффи попал в их мир, нам надо поймать хотя бы одну из них. Надеюсь, они в курсе как использовать меч в качестве портала.

Велиал, похожий на сморщенного зомби, берет пример с демонят и тоже отползает подальше.

— Что вы задумали? — Он с подозрением косится на нас.

— Эй, жуткие твари, вы же хотите домой?! — мурлыкаю я, просовывая в клетку клинок.

Они не спеша крадутся ко мне, жадно глядя на меч и шмыгая носом. Небось пытаются учуять западню.

Раффи делает шаг вперед, и они мигом забиваются в дальний угол, откуда злобно шипят. Я не знаю, как заставить адскую тварь пройти через меч, если она не хочет.

— Они боятся тебя. — Я преграждаю Раффи дорогу свободной рукой. — Держись позади.

С этими словами я прохожу в клетку, и, повысив голос, обращаюсь к демонятам, будто к щеночкам:

— Ну же, страшенькие скорченомордые штучки, хотите домой? Дом, милый дом! Мммм!

Они вновь осторожно крадутся, при этом косясь на Раффи.

— Я смогу вас туда привести, но нам надо взяться за ручки. — От одной только мысли об этом хочется выбежать прочь, но я остаюсь в клетке.

— Нет! — выдыхает Велиал, в его глазах разгорается пламя. Он понял, что угодил в кошмар, от которого не проснуться. — Пошли вон!

Я хватаю за локоть ближайшую адскую тварь.

А она меня — за предплечье, и погружает в него когти. Руку пронзает боль, но я, стиснув зубы, терплю.

В тот же самый момент Раффи бросается вперед и ловит второго демонёнка.

И начинается!

Паника охватывает Велиала и тот, оттолкнув Иосию с пути, пытается выбежать из клетки. Тварь, пойманная Раффи, беснуется и бешено бьет крыльями, желая удрать вслед за демоном.

Я на автомате взмахиваю мечом, чтобы предотвратить побег Велиала, а в итоге пронзаю его бок.

Он рычит, а адская тварь ныряет прямо в мой меч.

И проваливается в никуда, увлекая за собой Раффи, который держит ее за лодыжку.

Он не разжимает пальцев и исчезает следом.

В мгновение ока тварь, с которой сцепилась я, тоже рвется к мечу.

Я бы и рада ее отпустить — в преисподнюю идет только Раффи — но она держит меня сама. Демоненок вытаскивает когти, но моя рука уже прошла сквозь Велиала, и вот я уже лечу. И лечу вниз.

Мы падаем в черную бездну.

Я успеваю обернуться и увидеть потрясенного Иосию: он смотрит на стремительно закрывающийся портал, провожая меня ошалелым взглядом.

Я крепко зажмуриваюсь, убежденная в том, что некоторые вещи людям видеть не стоит. Перед глазами встает шокированное лицо Иосии, а все мои мысли подавляют четыре слова:

Мы отправляемся в ад.

Визит в память Велиала отличается от этого полета. Ощущения не из приятных.

Каждая клеточка тела кричит от боли. Наверное, потому что физическая оболочка отправилась вслед за разумом.

Я настолько крепко зажмурилась, что глаза мои скоро лопнут. И тут я с размаху врезаюсь в землю.

Желудок сжимается, а подбородок и грудь после встречи с не самой мягкой поверхностью — саднят.

Замешательство адских тварей, прибывших отсюда на остров Ангел, становится мне понятным. Такое чувство, что меня раскатали как пиццу и шлепнули печью на землю.

Я, и правда, будто попала в духовку. В довольно вонючую, кстати. Где-то рядом жарят тухлые яйца?!

Я со стоном перекатываюсь на спину и открываю глаза. Приземлился в аду — не спи.

Небо — если это оно — в пурпурно-черных полосках и пятнах. Тусклый свет придает багряный отлив массивным теням, склонившимся надо мной.

Краем глаза я различаю лица. Кто-то за мной наблюдает.

Но кто — сложно сказать. Они похожи на ангелов, которыми не являются. И на демонов тоже похожи, но вряд ли это они.

Крылья этих созданий выглядят препаршиво: то, что осталось от перьев, напоминает сухую листву на мертвых деревьях.

Оголенные участки стали кожистыми и приобрели изломанные очертания. Хрящи изгибаются под неестественными углами и выпирают по краям. Некоторые кости расщепились и загнулись в виде серпов, как лезвия демонических крыльев Раффи.

Но что поражает больше всего, хотя и не должно — Велиал один из этих парней. И это нормально, ведь я нахожусь в его памяти — или мире, который остался в ней. Без Велиала никак.

Но выглядит он иначе. Так, например, его крылья не те, какие затем перешли Раффи, но регресс уже на лицо: перья цвета закатного неба чередуются с гладкими черными участками.

И хотя я физически пребываю здесь, а значит, могла пройти сквозь время и пространство, разум отказывается обрабатывать то, что я вижу — боюсь, он просто взорвется. Да и думать мне, в общем-то, некогда.

Когда глаза привыкают к пурпурному свету, я понимаю, что Велиал смотрит в моем направлении, но глазницы его пусты.

Он слеп.

На какой-то миг мне даже кажется, что это не он. На щеках и носу глубокие отметины. Его секли по лицу. Глазные впадины окаймляют борозды от когтей.

Те, кто находятся рядом с ним, выглядят не лучше. У одного половина лица совершенна как лик божества, а вторую как будто погрызли. Но если абстрагироваться от ран и существенных травм, становится ясно — в прошлом эти ребята не уступали по красоте остальным ангелам.

Пейзаж за их спинами говорит о том, что мы в зоне конфликта. Выжженные строения, обугленные деревья, развороченные транспортные средства. Что ж, по крайней мере, здесь

были здания, растения, и кто-то на чем-то передвигался. Дома мало похожи на наши, но когда-то в них кто-то жил. Возможно, очень давно. Я будто очутилась в деревушке неведомых существ. Передо мной одноэтажные трущобы, втоптаные в землю и пустившие в нее свои корни. Повсюду обломки каких-то примитивных повозок.

Не-ангел с канареечно-желтыми перьями тянется ко мне. Кто-то содрал кожу с его рук, обнажив блестящие мышцы. Я отшатываюсь, но он хватает меня за волосы и поднимает на ноги.

— Что у нас там? — спрашивает Велиал. — Съедобное или нет?

Ничего более шокирующего, чем выдранные глаза кого-то, кого ты знаешь, пусть даже этот кто-то — Велиал, я прежде не видела.

Он кладет в рот остроконечное ухо и принимается жевать. У адских тварей похожие уши... Интересно, как поживает та, с которой я попала сюда?

На земле валяется нечто бесформенное, разодранное и неузнаваемое. Похоже, это она.

Где Раффи?

— Это дочь человеческая, — отвечает удерживающий меня не-ангел. И говорит он зловещим тоном, словно в его словах есть скрытый смысл.

Все внимательно смотрят на меня. Пауза затягивается.

— Которая? — наконец спрашивает Велиал.

Не-ангел оглядывает лица остальных, не ослабляя хватку на моих волосах.

— Точно не моя. Ваша?

— С чего бы ей быть одной из наших, Циклон? — спрашивает Велиал. Он сипит, будто сорвал голос или кто-то его душил.

— Я завязал, — отзывается кто-то другой. — Век бы не видеть дочерей человеческих.

— Крепыш Ви дело говорит, — встревает третий. — Нам лучше ее съесть. Мясо не помешает, а то мы никогда не исцелимся.

Я начинаю вырываться из рук не-ангела. Где Раффи?!

— Отпусти ее, — предлагает падший с перьями бледного-голубого оттенка.

— Термо, сделай мы так — она пожалеет, что не стала нашим обедом. Немилосердно дарить ей свободу в подобном месте.

Не это я хотела услышать.

— А это что? Меч?! — несколько не-ангелов склоняются на моим клинком, до которого мне, увы, не дотянуться.

Один из них пытается его поднять, что-то ворча про тяжесть, и в итоге сдается.

Все снова испытующе глядят на меня.

— Ты кто такая? — спрашивает Циклон.

— Дочь человеческая. Разве не видно? — отвечает ему Термо.

— Если это дочь человеческая, то где ее конвой из адских тварей? — спрашивает не-ангел с черным оперением и хищными глазами. — Где цепи? Почему она цела и невредима?

— И где раздобыла ангельский меч? — вторит ему другой, с коричневыми крыльями в желтую полоску.

— Он не её. Да, они оба как-то попали сюда. Но кто вам сказал, что мечом владеет она?! Не так уж мы здесь и давно, чтобы верить подобным бредням.

Каждый из них смотрит на Мишутку с желанием и тоской, но никто больше не пробует взять его в руки.

— Так чей же он?

Я снова в центре внимания.

— Откуда мне знать, я же просто дочь человеческая.

С этим никто не спорит.

— Где я? — Мой черед задавать вопросы.

Давление на кожу головы становится просто невыносимым. У пары не-ангелов частично выдраны волосы и мне начинает казаться, что прически у нас скоро будут похожи.

— В преисподней, — отвечает Термо. — Добро пожаловать в охотничий район.

— Преисподняя — это ад? — уточняю я.

Тот, что с черными перьями, пожимает плечами:

— Да какая тебе разница? Забудь о своих примитивных мифах. Хотя местечко, действительно, адское.

— Хорошо, на кого вы охотитесь? — перевожу я тему.

Ангел с коричнево-желтыми крыльями фыркает:

— Мы не охотники. Мы — жертвы.

Не нравится мне все это.

— А кто вы вообще такие? — Нет, я, конечно, предполагаю, что это и есть Хранители, но убедиться не помешает. — На ангелов вы не похожи, да и на... — А что я, в сущности, знаю о том, как выглядят местные демоны?

— О, мы забыли представиться?! Приносим свои извинения! — говорит не-ангел с коричнево-желтыми перьями. Свой сарказм он подчеркивает поклоном. — Мы недавно падшие. Хранители, если точнее. И, вероятно, твои палачи. Не все и сразу, кто-то один из нас. Но суть ты уловила. Так вот, Я — Ревун^[3]. Это Ястреб. — Он указывает на темнокожего не-ангела с черными перьями, а затем поочередно кивает на товарищей, называя их имена: — Термо. Летун. Крепыш Ви. Малыш Ви. И тот, что тебя держит — это Циклон. — Ревун оглядывает остальных — их слишком много, чтобы знакомиться с каждым, все равно я их не запомню. — Нас волнует, кто она такая?

— Конечно, — отвечает Летун. — Будет над чем подумать в следующем тысячелетии, когда нам вконец опротивят собственные мысли. Кто же ты?

— Я... — Называть я себя не спешу. Раффи говорил, в именах заключается сила. — Истребительница ангелов.

В голове все звучало лучше, а на деле как-то смешно. Ну да ладно.

На мгновение все умолкает и глядят на меня, забывая моргать.

А затем как по команде принимаются хохотать.

Ревун наклоняется вперед, прижимая ладонь к ребрам — похоже, они сломаны.

— Ой, не смейся! Мне же больно...

Циклон тихо посмеивается за моей спиной. Он наконец меня отпускает. Волосы спасены.

— Мать божья, не думал, что все еще могу смеяться.

— Да-а, давненько мы этого не делали, — соглашается Малыш Ви.

— Истребительница ангелов?! — переспрашивает Ревун.

— Что ж, чудненько, — говорит Велиал, он же Крепыш Ви. — Теперь-то мы можем ее съесть?

— Он прав, — кивает Малыш Ви. — Когда мы в последний раз полноценно ели? Пусть она тощая, но мне важен любой кусок. Иначе мне не исцели...

Что-то его хватает — щупальце? — и утаскивает назад. Не-ангел кричит, извиваясь и

отбиваясь ногами, но не может освободиться.

Существо волочит его за кучу строительного мусора — голова и плечи Малыша Ви проезжают по камням и осколкам.

Хранители тут же приходят в полную боевую готовность, но я вижу, что сил у них маловато, и легкие подводят. С кормежкой здесь действительно туго.

Я замираю на месте. Если уж легендарные воины боятся, что остается мне? Я начинаю жалеть о том, что не сдержала язык за зубами и предложила явиться сюда. Перспектива умереть на гладиаторской арене начинает казаться заманчивей смерти в аду.

На лицах недавно падших написан страх, но они все равно летят за Малышом Ви. Они молотят щупальца руками и ногами, стараясь вытянуть товарища из хватки чудовища.

Вдруг одного из них засасывает что-то вроде ураганного смерча. Оно втягивает его в оконный проем полуразрушенного здания. Раздается крик, через пару секунд — тишина.

Те, кто стоял ближе, бросаются к окну, но заглянув внутрь, тут же отворачиваются. На лицах смесь отвращения и потрясения — им бы хотелось забыть эту картину.

Вдалеке раздаются чьи-то крики. Безумный пронзительный визг, леденящий мою кровь.

Хранители отступают, а с ними и Малыш Ви, отбрасывающий ногой последнее из щупалец. Не-ангелы разворачиваются и несутся прочь от сумасшедших воплей.

Кто-то берет меня за руку и тянет за собой. К моему удивлению, это Велиал.

— Держись с нами. Мы — твоя единственная надежда.

Я заметила, что он не уточнил, какого рода надеждой они являются. Я наклоняюсь за мечом, не заботясь о том, что могу на этом попасться. Все слишком заняты: инспектируют территорию, строятся — им не до меня.

Мы делимся на две группы и бросаемся врассыпную. Проверенная стратегия? Судя по внешнему виду Хранителей, помогает она не особо. И это плохо.

Где Раффи?!

Во что я впуталась?

Мы бежим зигзагами по району, будто стая волков, удирающая от охотника. Повсюду разбросаны битые кирпичи и чьи-то останки. Обугленные и скрюченные деревяшки лежат вперемешку с ржавыми кусками металла среди руин.

Я стараюсь не отставать от Хранителей: одни бегут, другие низко летят над землей — никто не рискует подняться выше и быть замеченным. Велиал из тех, кто летит. Он ухватился за лодыжку одного из товарищей, и тот выступает в роли поводыря. Подобного рода полет требует значительной степени доверия, с которым у Велиала из моих дней целая куча проблем.

Меня, наверное, убьют, как только представится шанс. Но разбираться с этим я буду после спасения от того, что пытается нас прикончить, чем бы оно ни было. Я оборачиваюсь посмотреть на преследователя и сразу об этом жалею.

Я вижу три накачанных демона, похожих на того, с кем я встретила в воспоминании Велиала. Они огромны, раздутые мускулы перетянуты кожаными полосками, торсы обнажены — и это все, что мне удастся разглядеть.

Кажется, в преисподней нет коров. И я стараюсь не думать о том, чью же кожу они используют в качестве ткани.

Они мчат в колесницах, запряженных дюжиной недавно падших — закованных в цепи и истекающих кровью. Демоны их секут, и те иступленно работают крыльями. Новеньких в них выдает обилие сломанных и помятых, но все-таки перьев. И я, даже не глядя, знаю, что некоторых приковали к ободу колеса, как Велиала в прошлом.

С плетями демонов я тоже уже знакома — при каждом взмахе хлыста головы на концах — рыжеволосые и зеленоглазые — вгрызаются в рабов, тянущих колесницы. Шевелюры развеваются так, словно мы находимся под водой. Все это было и раньше. Беззвучный крик в том числе.

Хозяева преисподней взмахивают хлыстами, и головы впиваются в падших, вырывая кожу и перья.

Один из демонов смотрит на меня. Кажется, это тот, которого не устроило мое присутствие во время прошлого визита в преисподнюю. Крылья его в огне, тело блестит, отражая красное зарево. Колесницы приближаются, и он направляет свой хлыст в мою сторону.

Головы-близнецы разевают рты и летят ко мне, будто клубки зубов, глаз и змеевидных волос. Выражения лиц — за гранью безумия.

Я знаю одно — ни одна из них не должна коснуться меня! Я бегу изо всех сил, резко сворачиваю за угол и прячусь за разрушенным зданием.

В крошащейся стене я замечаю дверь и бросаюсь ее открывать.

Внутри непроглядная тьма и я собираюсь бросить в проем камень, но тут один из Хранителей совершает аварийную посадку в паре шагов от меня.

Это Велиал. Одна голова торчит из его спины.

Еще две падают на него: одна приземляется на руку и принимается выдирать полоски кожи, а вторая — на волосы и, схватившись за них, начинает раскачиваться по кругу.

Велиал хватается ту, что резвится на голове, и сминает в своих ладонях.

Я подпрыгиваю и яростным ударом сбиваю голову с его спины. Велиал — мой билет

отсюда. И я никому не позволю его убить. Страшно представить, что случится, если он погибнет в своем воспоминании.

Оставшаяся голова поднимается по его руке. Я отдираю ее вместе с кожей, игнорируя вопли Велиала, и давлю ногами до тех пор, пока та не прекращает дергаться.

Велиала покачивает. Я толкаю его вниз, спускаюсь следом по темной лестнице и захлопываю за нами дверь.

Задвинуть засов не так уж и просто, но я стараюсь пыхтеть потише, пока справляюсь с ним.

Похоже, мы очутились в подвальном помещении без пяти минут обвалившегося здания. Единственным источником света остаются трещины в двери. А другого выхода в крошечной тьме не найти.

Земля над нами вибрирует. Стены крошатся, и массивные обломки с резким стуком бьются о дверь.

Я напрягаюсь, сжимая меч обеими руками. Велиал прислушивается к происходящему на улице, он выглядит обреченным — будто тысячи раз проходил через этот сценарий и постоянно проигрывал. Судя по тому, как он и другие Хранители побиты и изранены, мое предположение не далеко ушло от истины.

Дверь сотрясается, засов гремит — головы нас нашли. Проходит вечность, прежде чем они прекращают вгрызаться в дерево и биться в него лбами.

Крики и свист рассекающего воздух хлыста становятся глуше. Головы нас заметили, но демоны, кажется, нет.

Грохот колесниц исчезает вдали.

Я осторожно выдыхаю и оглядываюсь по сторонам. Мы в какой-то подземной лачуге. Потрепанные постельные принадлежности свалены в тени, рельефные отложения грязи, угли в давно погасшем очаге.

— Знаешь, что бы они с тобой сделали? — хриплый шепот Велиала раздается прямо над ухом.

Я подпрыгиваю от неожиданности — не знала, что он так близко.

— Те головы, — продолжает он. — Знаешь, чего они жаждут?

Я качаю головой и только потом вспоминаю, что Велиал меня не видит.

— Нового тела. Им отчаянно нужны тела. — Он прислоняется к стене лачуги и обращает ко мне пустые глазницы. — Добро пожаловать в преисподнюю. Нравится тебе или нет, но обряд посвящения начался. Ты — одна из недавно падших.

— И как долго длится обряд?

— До тех пор, пока не станешь Поглощенной или чем-то таким же кошмарным. А быть может, лордам захочется изменить твой презренный статус и они продвинул тебя по адской карьерной лестнице. Я слышал, это происходит по завершении трансформации крыльев. И то нечасто. Вот тогда начинается самое веселье. Для них.

— С повышением становится хуже?!

— Так мне говорили.

Кто-то стучит в подвальную дверь. Я молчу до тех пор, пока этот кто-то не уходит.

— А что насчет кричащих хлыстоголов? Они тоже прошли обряд?

— Они — Поглощенные. А значит, провалили посвящение. Здешняя элита периодически отмечает какой-то великий праздник. Поглощенных приносят в жертву на этих гулянках. — Велиал качает головой. — Быстрая регенерация тканей у нас в крови, но

мы не в состоянии отрацивать конечности и тела целиком. — Он трет кулаками пустые глазницы. — Когда ты находишься в преисподней, перед тобой открывается бездна мучений и пыток. На хлысты попадают лишь единицы из тысяч Поглощенных. Это шанс получить новое тело.

Никогда не видела Велиала таким разговорчивым. Его прежней версии только предстоит стать нелюдимой.

— Вонзив в тебя свои зубы, они погрузятся в плоть так быстро, что ты и моргнуть не успеешь. Затем прогрызут путь к твоей голове и станут ее глотать до тех пор, пока та не отвалится. Они заменят ее своей. Бывает, за тело борется сразу несколько кандидатов, и пара-тройка голов водружает себя на шею еще до того, как победитель определен. Увидев такое, ты пожалеешь, что не слепа.

Я внимательно смотрю на Велиала, пытаюсь понять, шутит он или нет. Но ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Тело падшего — высшая награда, но Поглощенным сойдут любые. Они не брезгуют даже крысами, надеясь продвинуться по пищевой цепочке, отыскав следующую жертву. Так что смотри под ноги. — Он сползает по стене на пол. — Поговаривают, что одни из самых могущественных архидемонов когда-то были Поглощенными. Естественно, когда они наконец стали лордами, безумие лилось через край.

Я привыкла считать, что безумие мне по плечу, и не такое видала. Но *это* уже слишком.

— Всегда будь начеку, — продолжает Велиал. — Здесь тебя могут лишит куда большего, чем ты представляешь.

Его что, в самом деле, волнует моя судьба? Без скрытых мотивов явно не обошлось. Но каких — не могу понять.

— С чего бы тебе делиться со мной такой информацией? — А может, это не Велиал? Просто кто-то, кто на него похож. Даже голос звучит по-другому!

— Ты спасла меня, — поясняет он. — Я всегда отдаю свои долги. А, кроме того, питаю слабость к дочерям человеческим. Моя жена была одной из вас, — его голос сходит на нет, и я едва разбираю последнюю фразу.

— Ты предлагаешь меня защищать? — Мне сложно в этом поверить.

— Никто тебя не сможет защитить, малютка. И уж тем более не тот, кто пал не так давно и чьи глаза еще не исцелились. А любой, кто скажет обратное — лжец. Здесь действует только один закон: свой или чужой.

— Хочешь сказать, я своя?

— Хочу сказать, что я тебе не враг.

— Куда я попала? Что за аномальный мирок, черт возьми? — шепчу я сама себе.

От Велиала я ответа не ждала, но он все равно говорит:

— Это мир адских тварей. И ты на его руинах.

С минуту я обдумываю услышанное. Мир адских тварей? Не мир падших? Не общий мир? Общего в них мало, и...

— Так значит, они относятся к разным видам...

— Имеешь в виду, падших и адских тварей? — фыркает Велиал. — Не вздумай болтать такие вещи во всеуслышание. Обе стороны порвут тебя на кусочки и скормят их Поглощенным.

— Этот мир принадлежал примитивным демонам до того, как явились падшие? Преисподняя — их родина?

— Сомневаюсь, что адские твари хоть что-то собой представляли до прибытия падших. Они хороши в одном — причинении боли и пытках. Мерзкие крысята. В здешней иерархии не дотягивают даже до Поглощенных, те ни за что не польстятся на этих тварей. Даже им не хочется пасть еще ниже.

Перед глазами встает картина: демонята издеваются над Велиалом и его женой. Мне понятно, за что он их так ненавидит. Но у каждой истории две стороны.

Я еще раз оглядываю подвал.

Керамические черепки, клочки выцветшей ткани, покорёженные куски металла и дерева. Кто-то здесь жил. И не один, а с семьей. Когда-то очень давно.

Велиал склоняет голову набок, прислушиваясь:

— Открой дверь. Хранители близко.

Я не горю желанием раскрывать наше местоположение остальным. Они могут меня убить до того, как Раффи их рекрутирует. А этого я не хочу.

Раффи. Он должен был приземлиться поблизости от Велиала. Как я. Но его нет! И что это может значить?!

— Ну же, девочка. Они — наш единственный шанс выжить.

Я медлю еще какое-то время. Наверное, он прав. Но вдруг это все ловушка?

— Мы здесь! — кричит Велиал, не оставляя мне выбора.

Я бесшумно возвращаю меч в ножны и прикрываю его медведем. С боем через целую ораву Хранителей мне все равно не пробиться, так что лучше Мишутку спрятать.

Раздается стук.

— Мы знали, что ты выживешь, Крепыш Ви. Открывай, не стесняйся.

Дерево трещит.

— Хочешь жить, крошечная истребительница ангелов? — Велиал кивает в сторону товарищей. — Они — твоя надежда.

Я могу упрямиться и дальше, но только до тех пор, пока эти «надежды» не выломают дверь. Какой в этом смысл?

Я неохотно поднимаюсь по лестнице и поднимаю засов.

В помещение вваливается толпа Хранителей, миглом заполняя маленькую лачугу.

— Миленькая находка, — говорит Термо, глядя по сторонам.

— Порелаксируем пару секунд, — соглашается Малыш Ви.

— Ой, время вышло, — добавляет Ревун, хлопая друга по плечу. — А теперь напряглись и вперед удирать от охотников.

Остальные бродят по хижине, осматриваются и тихо переговариваются.

Здесь больше дюжины Хранителей. Одни уселись в пыли, другие прислонились к стене и прикрыли глаза, будто годами не знали отдыха. Все умолкают. Никто не суетится. Они наслаждаются отдыхом, так как не знают, выпадет ли им такая возможность в течение следующих нескольких лет.

Глухой стук нарушает тишину.

Все вздрагивают и поворачиваются к дверному проему.

Бьющая крыльями адская тварь приземляется и падает рядом с ним. Следом за ней тормозит ангел — комок белоснежных перьев и отборных проклятий.

— Раффи! — Я бегу по лестнице к нему. — Где тебя носило?

Он поднимает голову, смотрит на меня, и я вижу по его глазам, насколько он дезориентирован. Пятнистая тварь вырывается из его рук. Она панически бьет крыльями и ныряет в подвал, где получает трепку от Хранителей, а затем как угорелая выскакивает наружу.

Раффи растерянно моргает и медленно поднимается на ноги.

— Ты в порядке? — Никогда не видела его таким ошарашенным и сбитым с толку. Но уверена, впервые попав сюда, я сама выглядела не лучше.

А может все так и есть? И он лишь минуту назад прибыл? В конце концов, приземление

в двух шагах от меня отнюдь не счастливое совпадение — связь не я, а Велиал. Ты всегда попадаешь ровно туда, где находится «портал».

— Ты что, только добрался?! — спрашиваю я.

Но он на меня не смотрит. Раффи и Хранители потрясенно глядят друг на друга, пока последние появляются из лачуги и словно сомнамбулы окружают давнего друга.

— Эм... полагаю, вы все друг с другом знакомы. — Я делаю шаг назад, испытывая неловкость.

— Быть того не может, — выдыхает Летун.

— Командир? — с сомнением в голосе спрашивает Ястреб. — Ты ли это?

— Какой еще «командир»? — Велиал обращает пустые глазницы на Раффи.

— Архангел Рафаил здесь, — отвечает Термо.

— Какого черта ты натворил, чтобы попасть сюда? — интересуется Циклон.

— Твои крылья... — удивляет Ревун. — Они же совсем не изменились. Как так?

По иронии судьбы, теперь, когда у Раффи ангельские крылья, он угодил в демоническую среду.

— Ты здесь на задании с Уриилом? — с подозрением спрашивает Термо. — Я думал, он единственный архангел, имеющий доступ сюда. Ты же не стал дипломатом?

— Возможно, нас дурят, — говорит Ястреб. — И это даже не он.

— Твое самое крупное убийство?

— Футом выше и шире твоего, Циклон. — Раффи стряхивает с себя пыль.

— Ба, и впрямь ты, — раскрывает тот рот.

— Что стряслось? — встревает Летун. — Как ты сюда попал?

— Длинная история, — говорит Раффи. — Но мы наверстаем упущенное.

— Предатель! — Велиала трясет от ярости. Он всем телом врывается в Раффи, и они, сцепившись, летят на землю: один атакует — другой отражает удары.

Остальные мигом их разнимают.

— Ты поклялся! — кричит Велиал, вырываясь из рук товарищей. — Я оставил ее под твоей защитой! Знаешь, что они с ней сделали? Знаешь?!

Хранители зажимают Велиалу рот и шепотом просят его успокоиться.

— Нам надо поговорить. — Раффи поднимается с земли. — Здесь безопасно?

— В преисподней нет безопасных мест, — отвечает Ястреб.

— Нам нужно подготовить пути к отступлению, — говорит Термо. — Любой, кто рыскал в поисках мяса, уже услышал звонок к обеду.

Кто-то кричит. Сложно сказать, насколько он далеко.

Велиал прекращает вырываться, но дышит часто и тяжело. Он может и слеп, но со слухом проблем не имеет.

— Давайте убираться отсюда, — соглашается Циклон. Он задает направление — остальные присоединяются к нему.

Даже с учетом неприкрытой агрессии в отношении Раффи, Велиал спокойно поворачивается к нему спиной, будто они не заклятые враги. К тому же он покорно следует за группой, словно ему и в голову не приходило взбрыкнуть и пойти своей дорогой. По мере ходьбы бугрящиеся мышцы под его кожей начинают расслабляться, линия плеч становится мягче.

Даже в этом ужасном месте в Велиале нет той лютой ненависти, к которой я привыкла. Что бы на него ни повлияло — это еще впереди.

В компании Хранителей мы продолжаем удаляться от лачуги, и тут снова раздаются щелчки хлыстов, увенчанных Поглощенными.

Раффи берет меня на руки и взлетает.

— Ты слишком высоко, — замечает один из Хранителей. — Тебя увидят.

Раффи снижается и летит рядом с остальными, почти касаясь земли. Мы петляем из стороны в сторону, лишь чудом избегая столкновений с деталями сломанных повозок, грудями мусора и выжженными каркасами чего-то неузнаваемого.

Позади нас архидемон с огненными крыльями принимается рычать. Он все сильнее хлещет недавно падших, чтобы те развивали скорость. Пятнистая тварь, вернувшаяся домой с Раффи, летит подле хозяина и тычет в нас пальцем. Она похожа на огромную крысу.

Мы скользим над разрушенной улицей, сворачиваем за угол и сталкиваемся лицом к лицу с кричащими головами.

Раффи разворачивает меня спиной к себе. И я понимаю, в чем дело — он не сможет бороться со мной на руках. Я вынимаю меч.

Раффи уходит влево, и я начинаю прокладывать путь сквозь Поглощенных — срезанные волосы и зубы сыплются на землю.

Хранители выстраиваются в клин, во главе которого мы с Раффи. Лишь у меня есть оружие, а потому устранять любые преграды — моя задача. Хранители используют тяжелые кулаки и сильные ноги, и этого хватает, чтобы двигаться дальше.

Прежде я не дралась в составе целой команды, только на пару с Раффи, но мы сразу находим единый ритм и действуем согласованно.

Раздается крик.

Все оглядываются посмотреть, что случилось. Лорд преисподней поймал Летуна, замыкавшего клин. Он опрокинул Хранителя спиной на борт своей колесницы и с силой давит ему на плечи, намереваясь разорвать того пополам.

Остальные обмениваются быстрыми взглядами, и клин, поменяв направление, спешит к Летуноу.

Пространство перед нами заполняют кричащие Поглощенные, жаждущие новых тел.

Ястреб и Циклон бросаются на выручку товарищу с яростным ревом, но путь преграждает шестерка вопящих голов. Вместо того чтобы пытаться их избежать, Хранители с размаху врезаются в Поглощенных.

Те приземляются на Ястреба и Циклона и начинают погружаться в их плоть.

Хранители хватают пару голов за волосы, отдирают от собственной кожи и принимаются размахивать ими, отбиваясь от других нападающих. Острые волосы оставляют на руках глубокие порезы, но Ястреб и Циклон игнорируют боль.

Поглощенных становится больше.

Четверка Хранителей мчится наперерез. Они срывают жующие головы с падших камикадзе и помогают друзьям продержаться как можно дольше. Пока одни заняты отвлекающим маневром, другие летят к архидемону.

Тот решает не ждать, пока мы прибудем и, отбросив Летуна, устремляется к нам.

Пылающие крылья рассекают воздух, раскидывая искры. Кажется, будто демон выпускает в нас залпы огня.

Пламя не позволяет атаковать лорда ни со спины, ни с боков, с ним можно бороться только лицом к лицу. И мы с Раффи как раз занимаем такую позицию.

Демон взмахивает огненными крыльями, но один из Хранителей прикрывает нас своим

телом и принимается молотить врага кулаками. Вместо ответной атаки, лорд хватается за горло и накрывает своими крыльями. Пару мгновений мы не видим ничего, кроме гигантского пылающего шара.

Крылья открываются — Хранитель похож на живой факел: оставшиеся перья и волосы охвачены пламенем.

Лорд разжимает пальцы, и наш защитник падает, рыча от боли. Жестко ударившись о землю, он начинает кататься в пыли, стараясь затушить огонь

Внимание лорда вновь обращается к нам. Но Раффи сохраняет дистанцию, дожидаясь, пока Хранители спасут Летуна, затем кивает одному из товарищей, и тот занимает позицию под нами. Это еще зачем? На случай, если я упаду?!

— Только попробуй меня уронить! — шиплю я на Раффи.

— Предпочитаешь сгореть? Этого я не позволю.

Лорд атакует, и Раффи уходит вниз, уклоняясь от огня.

Демон бросается за нами в погоню. Я понимаю, что Раффи избегает открытой борьбы лишь потому, что я могу пострадать.

— Возьми меч, — прошу я его, но тут же меняю решение. Мы не успели проверить, примет ли его Мишутка, а наш зигзагообразный полет — риск уронить клинок.

Раффи резко разворачивается, и стена огня обрушивается на нас — демон машет огромными крыльями, раздувая горящее пламя.

Я старательно орудую мечом. Мишутка сгорает от нетерпения показать архидемону, где раки зимуют.

Клинок рассекает пламя, и пылающие куски плоти устремляются к земле.

Лорд снижается, наблюдая за тем, как части его крыльев врезаются в землю, разбрасывая искры.

Он пытается удержаться в воздухе, но баланс нарушен, и лорд начинает планировать вниз по спирали. Раффи пользуется нашим преимуществом и догоняет его.

Я рублю первое, до чего дотягиваюсь — еще одну часть крыла.

И демон камнем летит с небес.

Как только мы приземляемся, я начинаю потеть. Жара страшная! И я прикрываю ладонью нос, хотя вроде уже привыкла к запаху тухлых яиц.

Лорд катится по земле. Пламя угасает — кровоточащие крылья похожи на ангельские, только выжженные до самых костей.

Архидемон призывает Поглощенных и адских тварей. Демонята глядят на хозяина с ужасом, они готовы в любую минуту удрать, а головы ликуют и надеются заполнить тела.

Хранители, опускаясь рядом с нами, формируют защитный круг.

Оружия у них нет, многие серьезно ранены, кого-то жестко изрезали и искусили, но это не умаляет свирепости и ярости, клокочущей в них. Поразительно, но с ними Велиал. Он смотрит прямо перед собой, хотя ничего не видит, и полон решимости сражаться за Раффи.

Я сравниваю нашу команду с приспешниками лорда преисподней. Если ни один архидемон не успеет вмешаться в драку, наши шансы побить эту шайку весьма высоки.

— Скучаю по клиночку, — жалуется Циклон, тоскливо глядя на тот, что в моих руках. — Будь с нами мечи, мы бы таких дел натворили!

— Вот потому, брат мой, они нас и отвергают, — усмехается Ревун. — Не то в преисподней появятся лорды, крушащие все на своем пути, благодаря армии падших и ангельской стали.

— Возможно, архангел, ты думаешь, что сильнее, — говорит поверженный демон. — Но мои друзья уже на пути сюда. Все видели схватку в небе.

— Они не успеют тебя спасти, — возражает ему Циклон.

Лорд преисподней издает жуткий звук — будто тысячи змей ползут по сухой листве.

— Потратив время на меня, вы не успеете сбежать, и вас убьют, — отвечает демон. — Тупиковая ситуация. — Он раскрывает угасающие крылья и делает пару пробных взмахов. — А мне не помешала бы обновка. — Он переводит взгляд на Раффи. — Вот эти крылья как раз подойдут. Архангельские перышки внушают страх и уважение. А сколько будет болтовни, о том, как я их достал! Не хочешь пойти на сделку?

Раффи смеется.

— Подумай! Без амбиций ни одному ангелу не стать архангелом. А если добавить к амбициям капельку хитрости... или же армию... Я могу предложить и то, и другое.

— Хитрость — недефицитный товар, — отвечает Раффи. — Ее раздают даром.

— Чего не сказать об армии. Я мог бы тебе одолжить неплохих солдат. За достойную плату, конечно. Интересует?

— Забудь о моих крыльях. Их никому не отнять. — Он не сказал *снова*.

— У тебя есть кое-что еще, от чего бы я не отказался. — Демон переводит глаза на меня. — Если созреешь на обмен и решишься отдать... — он пожимает плечами, — то, чего я желаю — надкуси вот это... — Он бросает нечто маленькое и округлое, нанизанное на тонкую бечевку.

Раффи игнорирует подарок, и тот приземляется у его ног. Это что? Сушеное яблоко? Сморщенное, потемневшее. Боюсь, что даже на пороге голодной смерти, я бы к нему не притронулась.

— Один укус и, где бы ты ни был, я окажусь рядом. Тогда и обсудим детали, — подытоживает лорд, забираясь в свою колесницу.

Циклон порывается его остановить. Адские твари и Поглощенные скалятся в ответ.

Раффи вытягивает руку, блокируя товарищу путь.

— Мы здесь не ради борьбы.

— Он рассуждает о сделках, чтобы спасти лицо, — ворчит Циклон. — Этот демон уже проиграл и прекрасно об этом знает.

— Как и мы, — кивает Раффи на небо.

К нам направляются три колесницы, а за ними облако адских тварей.

Демон хлещет ангелов в упряжке. Поглощенные вгрызаются в пропитанные потом и кровью мускулистые тела, и колесница поднимается в воздух.

Лорд улетает прочь, а Хранители окружают Летуна, лежащего на земле в неестественной позе. Похоже, у него сломана спина.

Голова бьется о землю, а, значит, он все еще жив. Мы склоняемся над Хранителем и тогда понимаем — что-то не так.

Кожа на шее рвется, в разрывах пузырится кровь.

Я отскакиваю на пару шагов.

Появляются зубы — они стремительно прогрызают отверстие в шее Летуна, из которого затем показывается голова Поглощенного, залитая кровью Хранителя.

Я отворачиваюсь, мечтая стереть эту сцену из памяти. Краем глаза я вижу, как Циклон поднимает камень. Раздается чавкающий хруст.

У всех опускаются плечи.

— Ты должен вытащить нас, командир, — печально говорит Ястреб. — Не так мы должны умирать.

Мы спешим обратиться подальше, пока нас не нагнали другие демоны. Делимся на три группы: одни низко летят над землей, другие идут пешком, а третьи всех обгоняют — они наша разведка.

Я готова к вопросам о мече, но все молчат, шокированные смертью Летуна. Казалось бы, подобные трагедии случаются здесь регулярно, но сердца Хранителей не зачерствели.

Мы движемся вдоль разгромленной улицы, которая приводит к каменной пустыне. Я оглядываюсь в поисках адских тварей, но ни одной не вижу. Либо они затаились где-то поблизости, либо присоединились к армии архидемонов, когда те их призвали.

С небом происходят метаморфозы. Адский рассвет? Пурпурно-черные тона сменяют красное сияние, придающее пустыне дьявольский антураж. Неопределенное время суток.

Хранитель, идущий рядом со мной, вздыхает:

— Отделались легким испугом.

— Вернемся к вечеру на ту же улицу, — кивает другой. — Возможно, там нам опять повезет.

Я кошусь на этих ребят: лица и руки в глубоких порезах, один из воинов хромает — из его ноги выдран кусок плоти. И это легкий испуг?!

— Как долго вы здесь проторчали? — спрашиваю я.

Ко мне обращаются десятки утомленных взглядов, в которых читается: вечность.

— Понятия не имеем, — отвечает один из Хранителей. — Кажется, я здесь всю жизнь.

Мы выходим к обнажению горных пород, за которым простираются пески. Эта местность полна причудливых каменных башен в виде спиралей, устремленных к красным небесам. Вдалеке я вижу развалины. Одно из селений в огне, от него поднимается черный дым.

— Это что, города? — удивляюсь я.

— Были когда-то, — отвечает Термо. — Принадлежали адским тварям. А теперь превратились в смертельную западню.

Я поворачиваюсь к Велиалу.

— Ты же сказал, что демонята до прихода падших были никем и ничем?

Велиал едко усмехается:

— По-твоему, урбанизация извиняет пытки невинных?

— Допускаю, что у них тут была добротная первобытная коммуна, — говорит Термо. — Но Люцифер со своей армией быстро поставил аборигенов на место.

Пазл потихоньку складывается.

— Так вот почему им так нравится мучить недавно падших?!

— Кто знает, что им там нравится и почему, — раздражается Велиал. — Уничтожить их надо, а не в душонки заглядывать.

— Кем бы ни были эти твари, они давно деградировали в примитивнейших существ, — продолжает Термо. — Сомневаюсь, что они руководствуются чем-то, помимо животных инстинктов.

— Значит, недавно падшие — единственные ангелы... или демоны, которых могут мучить эти твари? — спрашиваю я. — Бывалых они вроде как боятся.

— Они бы и нас боялись, не используй их здешние лорды в качестве орудия пыток для

новичков. Издеваться над нами в процессе инициации — вот и вся радость, которую им позволяют.

Я киваю. Возможно, адские твари с таким удовольствием причиняли боль Велиалу, потому что лишь так могут мстить за разрушенный мир.

Стоп, я скоро превращусь в Пейдж и начну защищать права каждого живого существа, пусть даже оно прописано в аду и выглядит как монстр из кошмара.

Ах да, в прежнюю Пейдж.

Я наблюдаю за тем, как восходит дым над руинами. Как там моя сестра? Все ли в порядке с мамой? Что с сопротивленцами? Вернусь ли я когда-нибудь домой?!

Светает. Хранители оглядывают друг друга и самих себя: проверяют, насколько серьезны свежие раны. Раффи осматривают особенно придирчиво, оценивая не травмы, а его самого.

Среди присутствующих только Раффи цел, невредим и может похвастаться абсолютно здоровыми крыльями. Он совершенен с ног до головы: на мускулистом теле нет ни единого шрама, даже царапин не видно.

Гармонию внешнего облика нарушает увядший плод, подаренный демоном. Один из Хранителей поднял его с земли, пояснив, что в случае чего яблоко можно выдать за знак особого расположения местного лорда к Раффи. Как по мне, выдать его можно только за дохлую мышь, повесившуюся на шее.

— Мы думали, что больше не увидим тебя, командир, — говорит Термо. — Вечная изоляция и все такое.

— Мы знали, что нам грозит, — кивает Ревун. — Но реальность куда суровей.

— Как там дела наверху? — спрашивает Термо.

Раффи рассказывает им о смерти Посланника Гавриила, о фальшивом апокалипсисе и выборах, затеянных Уриилом, о Нашествии на мой мир и о своих крыльях.

Пока Раффи говорит, я наблюдаю за Велиалом. Он ничем не выделяется среди прочих: красив, мужественен и, что главное, история Раффи приводит его в смятение. Но в отличие от других, к надежде на лице Велиала примешан еще и гнев.

— Ты пришел, чтобы забрать нас собой? — спрашивает он. — Трансформация не завершилась. Мы еще не совсем пали — и эти клочки перьев тому доказательство.

Кто-то тихо смеется, как будто услышал хорошую шутку. Велиал проводит ладонью по оставшимся перьям цвета закатного неба:

— Они отрастут, стоит им вновь оказаться под солнцем.

— Позволь нам помочь, — говорит Ястреб. — Дай задание.

— Разреши заслужить возвращение, командир, — просит Циклон. — Мы здесь пропадем зазря.

Раффи пристально смотрит на Хранителей, на то, что осталось от их перьев, на расщепленные и изогнутые под неестественными углами хрящи крыльев, на исхудавшие конечности и застарелые раны. И я вижу, как больно ему видеть своих верных солдат такими.

— Где остальные? Что с ними стало? — спрашивает Раффи. Он обводит взглядом Хранителей, толпящихся вокруг него. Их немногим больше десятка.

— Пошли своей дорогой, — печально говорит Термо.

Если присутствующие отправятся с нами, расклад будет таков: дюжина Хранителей против сотни ангелов Уриила.

— А где адские твари? — спрашиваю я.

— Они — меньшая из наших проблем, — отмахивается Велиал.

Я оглядываю бесплодный ландшафт. Ни одного примитивного демона на горизонте.

— Они нужны мне. С их помощью можно выбраться отсюда.

Все опускаю глаза на меня.

— Ты вроде недавно попала сюда, а с рассудком уже проблемы? — спрашивает Малыш Ви.

— Они и есть наш шанс, — объясняю я. — Твари способны проходить сквозь меч в обоих направлениях. Схватив одну из них, я оказалась здесь. — Я пожимаю плечами. — Проверить этот фокус на собственном опыте вы не могли, для этого надо сохранять контакт меча с телом демона дольше обычного.

— На убийство хватает секунды, — отвечает Раффи. — Для промедления, как правило, нет причин. Протыкаешь врага и все.

Повисает пауза, в течение которой все смотрят сначала на меня, а затем переглядываются между собой.

Я готовлюсь к шквалу различных вопросов, но у всех он только один:

— Мы тоже сможем убраться отсюда?

Я бросаю взгляд на Раффи. Он отвечает кивком. Для него визит в преисподнюю обернулся спасательной миссией, не менее важной, чем разборки с ангельской толпой, застрявшей на земле.

— Вы что, купились на ее слова? — удивляется Малыш Ви.

— А чем они тебя не устроили? Есть варианты получше? — спрашивает Ревун.

— Стопроцентной гарантии не даю, — говорю я. — Но если поможете с поиском адских тварей, а затем убедите их прыгнуть в мой мир, мы вместе попробуем сбежать.

— Вы все с ума посходили! — восклицает Малыш Ви. — Никто и никогда не покидал преисподнюю без позволения демонов высшего уровня. Ни-ког-да.

— Она не лжет, — отвечает Раффи. — Мы пришли из другого времени, пройдя сквозь... одного из вас.

Хранители обмениваются взглядами.

Раффи кивает, и я излагаю суть. Ее дипломатичную версию, в которой не выдаю имя нашего портала, то, кем он стал и в каком состоянии был, когда мы сквозь него прошли. Когда моя речь подходит к концу, все потрясенно молчат.

— Если кто-то из нас служит порталом, — доходит до Велиала, — этот кто-то должен остаться здесь, правильно я понимаю?

Я опускаю глаза. Даже если нам повезет, ему однозначно придется сидеть в преисподней, пока не вырастут когти, которыми он продерет себе путь на землю. Сколько времени это займет — не знаю. Но знаю, что этого хватит, чтобы убить все хорошее в Велиале.

Казалось бы, мы находимся в естественной среде обитания адских тварей, это место должно ими кишеть. Но в Пало-Альто и то демонов было больше. Видимо, аборигены преисподней успели надежно попрятаться, раз уж нам не удается их найти.

Черный дым поднимается над горизонтом одного из разрушенных адских селений. Я встаю на валун рядом с песком, размышляя о том, как далеко до ближайшего города. Во мне клопочет необъяснимое желание увидеть руины своими глазами. Возможно, мой мир однажды станет таким же.

— Стой! — предупреждает один из Хранителей в тот момент, когда я собираюсь сойти с камня.

Из песка вырывается рука и хватается меня за лодыжку.

Я кричу и трясую ногой, пытаюсь освободиться, но ничего не выходит. Я теряю равновесие и начинаю падать.

Еще несколько рук показываются из песка и тянутся ко мне.

Я дергаюсь назад, но пальцы на лодыжке не ослабляют хватку.

Вытащив меч, я вслепую размахиваю им перед собой.

Сильные руки сжимаются на моей талии, а тяжелый ботинок бьет по пальцам уже отрезанной руки. Она отлетает в сторону, оставляя на мне пригоршню личинок.

Я жмурюсь, подавляя желание завизжать.

— Убери их с меня, убери!!!

Раффи стряхивает личинок с моей ноги, но я по-прежнему ощущаю их мерзкое прикосновение к коже.

— Значит, ты все же кричишь как девчонка, — с довольным видом замечает Раффи.

Я открываю глаза на секунду раньше, чем надо бы, и вижу, как он кидает отрубленную конечность в песок.

Лес рук вырывается на поверхность, хватается подачку и разрывает ее на части, сражаясь друг с другом за каждый клочок плоти.

Я отползаю подальше от копошащихся на земле личинок. Раффи замечает мою реакцию и накрывает их камнем.

— Личинки — ужасная мерзость! — комментирую я, поднимаясь на ноги.

Я пытаюсь сохранить хоть каплю достоинства, но меня то и дело передергивает от отвращения, и я продолжаю трясти ладонями, избавляясь от фантомных насекомых. Это на уровне подсознания! Я себя просто не контролирую.

— Ты победила в схватке с бандой мужчин, превосходящих тебя размером и силой, убила одного из наших воинов, смело дала отпор архангелу и владеешь ангельским клинком. — Раффи склоняет голову набок. — Но при этом визжишь как девчонка при виде личинки?

— Не просто личинки! — парирую я. — Из земли появилась рука и схватила меня за лодыжку. А потом армия личинок пыталась забраться мне под кожу. Ты бы тоже кричал, как девчонка, случись это с тобой.

— Не пытались они забраться тебе под кожу — просто копошились на ней. Это все, что умеют делать личинки. Ползать и копошиться.

— Ничего ты не понимаешь!

— С этим не поспоришь, командир, — смеется Ревун.

— Это Море Рук-Палачей, — добавляет Термо. — Не советую к нему приближаться.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Мне понятно, почему это место назвали именно так: кровожадные конечности, или что там еще обитает под толщей песка, шевелятся под ним, создавая иллюзию волн. А еще я вижу сходство между преисподней и моим миром. Вернее, знаю, где Уриил подглядел идею восставших из-под земли.

— О, она справится с руками-убийцами как истинный воин, — гордо заявляет Раффи. — Только лысые червячки заставляют ее дрожать.

— Давайте звать ее истребительницей личинок?! — предлагает Ревун.

Все дружно смеются.

А я вздыхаю. Может, издевки я и заслужила, но мне оттого не легче. Ясно теперь, как чувствует себя Мишутка.

Вдалеке я замечаю крошечного демонёнка и радостно тычу в него пальцем. Но он летит слишком близко к песку — три руки вырываются из него и хватают свою жертву. Длина конечностей поражает — адская тварь набрала двухметровую высоту, и они до нее дотянулись. Демонёнок визжит, пока его тянут вниз, а затем и он, и руки скрываются в песках.

Один из Хранителей кивает на горный склон.

Адская тварь, попавшая в плен, вероятно, являлась разведчиком, потому как с той стороны к нам приближается стайка ее сородичей.

Я поднимаю меч, готовая отражать атаку.

— Тварей не убивать! Они нужны нам живыми.

Крылатые жутики обнажают зубы и когти. Эти особи не уступают в размерах тем, что выскочили за мной из преисподней на землю. Летят они вчетвером.

Раффи раскрывает крылья и поднимается в воздух над Морем Рук-Палачей. Остальные следуют его примеру. Внизу остаемся лишь мы с Велиалом.

Хранители с Раффи загоняют тварей в ловушку, а Ястреб с Циклоном пытаются их поймать.

По возвращении на землю — все демонята в наших руках. Их связывают тонким кожаным ремешком, который прежде был обмотан вокруг запястья одного из Хранителей. Похоже, Раффи научил своих солдат приберегать любые потенциально полезные вещи, обнаруженные на той или иной территории.

— А ты умнее, чем кажешься, — говорю я Раффи.

— Но глупее, чем думает сам, — добавляет Ревун.

— Как я вижу, о дисциплине на каникулах вы позабыли, — отвечает ему Раффи.

— Ага, всему виной пляжное безделье: лежим себе, потягиваем коктейли и любимемся девчонками.

На слове «девчонки» Хранители немного тушуются.

— Не могу не спросить, — начинает Термо. — И знаю, других это тоже волнует. Она — твоя дочь человеческая? — кивает он на меня.

Я кошусь на Раффи.

Ну и?!

Он слегка задумывается, прежде чем дать ответ.

— Она действительно дочь человеческая. И она со мной. Но не моя.

И как это понимать?!

— Мм, так она свободна? — протягивает Ревун.

Раффи смеривает его ледяным взглядом.

— Мы, знаешь ли, все сейчас одиноки, — разводит руками Ястреб.

— А за одно и то же преступление никто нас дважды не накажет, — добавляет Циклон.

— И теперь, когда ты, командир, официально сошел с дистанции, самый неотразимый

— я, — подытоживает Ревун.

— Довольно, — Раффи ни грамма не весело. — Вы не в ее вкусе.

Хранители понимающе улыбаются и кивают.

— С чего ты взял? — встаю я в позу.

Раффи поворачивается ко мне.

— С того, что ангелы вообще не твой тип. Ты ненавидишь их, забыла?

— Но эти ребята уже не ангелы.

Раффи изгибает бровь.

— Тебе следует найти хорошего паренька. Который стал бы потакать твоим капризам и мириться со всеми требованиями. Он окружил бы тебя заботой и берег бы всю свою жизнь. Он бы сделал тебя счастливой. А ты бы могла им гордиться. — Раффи указывает на Хранителей: — Среди них таких нет.

Я смотрю на него выразительно:

— Непременно явлю кандидата на эту роль пред твои очи, прежде чем, — смириться с ним, — выбрать его.

— Уж будь добра. А я растолкую ему, что к чему.

— Это если он доживет до конца предварительного допроса, — говорит Ревун.

— Что маловероятно, — подхватывает Циклон.

— Хотел бы я на это посмотреть, — ухмыляется Ястреб. — Цирк, да и только.

— Спокойно, командир, — обращается к Раффи Ревун. — Каждый из нас сделал свои выводы. Мы же сами через это проходили.

И тут они разом мрачнеют. Термо прочищает горло:

— Кстати, о...

— Некоторые спаслись, — говорит Раффи.

— Кто?

— От этого знания легче не станет, — отвечает Раффи. — Просто имейте в виду, что мне удалось спасти нескольких ваших жен.

— А дети, они... — в голосе Термо нет и тени надежды.

Раффи вздыхает.

— Вы были правы. Я остался, чтобы выследить нефилимов-чудовищ, а нашел обычных детей. Гавриил сказал, что потомство ангелов и дочерей человеческих вырастет в монстров. Но я не желал убивать безобидных существ. И потому ждал, поколение за поколением, когда настанет пора искоренить зло, о котором был предупрежден. — Раффи качает головой. — И ничего не дождался. Я искал чудовищ и не находил. Да, нефилимы были крупнее обычных людей, и детей у них было меньше, чем у других. Их потомкам достались особенные таланты и красота — на чудовищ они не походили. В конце концов, их гены затерялись среди земного населения. Пара капель ангельской крови — вот и все, что осталось в людях сегодняшних дней.

— Я знал, что это ложь! — восклицает Циклон.

— Спасибо тебе, архангел, — говорит Хранитель с клочками пятнистых перьев на крыльях. — Спасибо за то, что сберег их.

— Мне приказали убить нефилимов-чудовищ, — пожимает плечами Раффи. — Это слова Гавриила. Нефилимов-то я нашел, но кто виноват, что ни один из них не оказался чудовищем?! Я выполнил свой долг.

— И все равно остался на земле?! — спрашиваю я.

Раффи кивает.

— Отрапортуй я слишком рано о завершении миссии, Гавриил бы изменил формулировку — велел бы убить нефилимов, невзирая на их природу.

Ясно.

— Ты ждал, пока генеалогическое древо нефилимов не разрастется до такой степени, что отличить их от людей не сможет даже Гавриил?

— Или пока одно из этих созданий не станет чудовищем. Ну или пара... Тогда бы я выполнил приказ, а после доложил о том, что нефилимы мертвы.

— Но этого не случилось...

Раффи качает головой.

Хранители немного ошарашены, им нужно время прийти в себя. Одни присаживаются на валуны, другие глядят вдаль, а третьи прикрывают глаза.

— Зачем Гавриилу врать? Зачем накладывать табу на связь с дочерьми человеческими и наказывать за это падением? — спрашивает один из Хранителей.

— Должно быть, не хотел смешивать вашу кровь с нашей. — Я пожимаю плечами. — Ангелы считают нас животными.

— Как долго мы здесь пробыли? — спрашивает Термо. — У наших детей появились пра-пра-правнуки?

— Думаю, для вас прошло не так и много времени, — отвечает Раффи. — Но мы из другой эпохи. В ней ваше падение — часть древней истории.

Хранители переглядываются между собой.

— Забери нас из этого места, — просит воин с пятнистыми перьями. — Прошу тебя, командир. Кто знает, когда там придет Судный день, — голос его ломается.

На лицах Хранителей проступает отчаяние.

— Одно дело погибнуть в бою, — начинает Велиал, — но сгинуть в преисподней или что хуже провести здесь целую вечность... — Он трясет головой. — Это непостижимо. Мы наказаны ни за что!

— Если верить Уриилу, Гавриил давно сошел с ума, — говорит Раффи. — Он миллиарды лет не говорил с богом. А возможно и никогда.

Хранители пораскрывали рты, расширив глаза. Но двое из них кивают, как будто для них не новость, что Посланник маленького того.

— Уриил мог и соврать, — продолжает Раффи. — А истина известна только Гавриилу. Но с нефилимами он просчитался. Я продолжал себе повторять, что это всего лишь ошибка. А теперь... кто знает, в чем он еще оказался не прав? — Раффи бросает взгляд на меня.

— Это уже не важно, — говорит Ястреб. — Мы на твоей стороне, что бы там ни случилось.

— Каков план, командир? — спрашивает Термо.

— Вытащить вас отсюда и разделаться с Уриилом, — отвечает ему Раффи.

Настроение меняется. Хранители потрясены. Или не могут поверить. Или и то, и другое.

— Не радуйтесь раньше времени, — просит их Раффи. — Мы не знаем, сможем ли выбраться. А если и сможем, не знаем, что ждет нас на той стороне. — Он бросает взгляд на Велиала — тот беспредельно рад шансу отсюда сбежать. — К тому же, без жертв не обойтись.

Хранители уверены, что в том направлении, откуда явились четыре адские твари, найдется еще с десяток. Но мы решаем разделиться, чтоб уж наверняка.

— Ревун и Циклон со мной, — велит Раффи. — Остальным рассредоточиться попарно. Встречаемся здесь же. — Он поднимает глаза к небу. — Что здесь со временем? Каков индикатор?

— Становится жарче, — отвечает Термо. — Встретимся, когда покажется, что мы закипаем.

— То есть прямо сейчас? — уточняет Ревун.

— Встретимся, когда Ревун подумает, что горит, а мы начнем закипать, — говорит Раффи. — Готовы?

— Эм... а могу я пойти с Термо? — спрашивает Ревун.

— С Термо? — удивляется Раффи. — В последний раз, когда я поставил вас в пару, ты ныл, что это опасно — боялся уснуть на задании.

— Именно! Его же никто не выберет. Я составлю ему компанию, и мне не придется идти с тобой и дочерью человеческой.

— Дельное замечание, — кивает Циклон. — Я тоже хочу к Ревуну и Термо. Без меня им точно не справиться.

Ревун фыркает. Я не выдерживаю:

— Чем я всем не угодила?

— Никто не хочет застрять с влюбленными пташками, — качает головой Ревун.

— Это как-то неловко, — бросает Циклон, направляясь к Термо.

— По-вашему, я бы рискнул падением? — спрашивает Раффи.

— За действия, совершенные здесь, ты не сможешь пасть, командир, — отвечает ему Термо. — Ты же уже в преисподней! На время пребывания в этом жарком местечке ты и сам технически падший.

Мои щеки пылают огнем. Я хочу уползти за камень...

Очевидно, что Раффи не прочь еще поупрямиться, но все-таки он говорит:

— Отлично, но лучше бы вам принести целую свору адских тварей.

— Можешь на это рассчитывать, босс, — отвечает Ревун.

Он пошленько нам подмигивает и отталкивается от земли. Циклон и Термо за ним.

Остальные Хранители направляются в разные стороны. Чудо, что им удается летать на этих изуродованных крыльях. С функциональной точки зрения с ними, наверное, все в порядке — полет проходит нормально, но выглядит не очень симпатично.

Раффи провожает взглядом друзей, а затем поворачивается ко мне.

— Не хочешь осмотреть это место?

Я киваю, стараясь скрыть свое смущение.

И подхожу к Раффи. Все никак не привыкну к такой экстремальной близости во время наших полетов.

Он не берет меня на руки, как обычно, а обнимает за талию и поднимает повыше — так мы смотрим друг другу в глаза. Пара взмахов огромных крыльев — и вот мы уже над землей.

Я обнимаю Раффи за шею, но ногам зацепиться не за что. Мне было бы спокойней, держи он меня на руках. Я невольно поднимаю колени, впиваясь ими в его бока.

Но этого мало. Мы поднимаемся выше, и я начинаю соскальзывать. Он держит меня достаточно крепко, но под нами раскинулось Море Рук-Палачей, отчего в мой восторг вплетается страх.

— Не урони меня! — Объятия становятся теснее.

— Ни за что, — говорит он уверенно. — Со мной тебе ничего не грозит.

О, какого черта! Я обвиваю ногами его бедра.

Раффи слегка подается вперед, на его лице расцветает улыбка, а на моем — румянец.

Мы парим над преисподней, а я вишу на нем как обезьянка. Обзор в таком положении ограничен: поверх плеча видны только крылья Раффи. Я поворачиваю голову, чтобы взглянуть вниз, на ландшафт родины адских тварей. Но наши губы так близко...

Я пытаюсь сосредоточиться на городе, дымящемся на горизонте, но от теплого дыхания Раффи кружится голова. Наши щеки соприкасаются, и по телу проходит приятная дрожь.

С земли полет кажется плавным скольжением. Но это не так. Крылья с силой отталкиваются от воздуха, преодолевая сопротивление, а я так плотно прижата к Раффи, что не могу не заметить — каждый взмах вызывает трение наших тел.

Жар преисподней становится интенсивней. Под нами, словно текучая лава, волнуется Море Рук.

Где-то внутри рождается томное, трепетное чувство. Кажется, вся моя кровь прилила к тем частям тела, к которым прижат Раффи. Мысли путаются, дыхание сбивается...

Раффи тоже дышит все чаще, как я... или я, как он. Он проводит носом по моей щеке. С его губ срывается тихий стон.

Мозг отключается. Я крепче обнимаю Раффи и еще теснее обхватываю ногами его бедра. Он гладит мою спину, опускает ладонь ниже, вжимает меня в себя, и я чувствую силу его желания.

Он наклоняет голову и касается моих губ. Поцелуй становится жадным, жарким и влажным.

Я слышу гром в своей голове. И тут понимаю — грохочет в небе. Оно обрушивает на нас теплые капли дождя, поливая до тех пор, пока мы не промокаем до нитки.

Но Раффи не обращает на это внимания и продолжает меня целовать. Тела становятся ближе, давление нарастает...

И мы летим, обнимая друг друга, сквозь грозовой ливень над тлеющим адом.

Когда мы прибываем на точку сбора, остальные уже на месте. Вылазка прошла успешно: дюжина демонят связана на земле, корчится, ерзает и пытается перегрызть ремни.

Хранители бросают на нас все-с-вами-ясно взгляды. И стоит нам приземлиться, я тут же спрыгиваю на землю и отхожу от Раффи подальше.

Хорошо, что здесь и без того жарко — не надо стыдиться краснющего лица.

Раффи сразу переходит к делу. Он объясняет, каким образом происходит перемещение в мой мир и что мы там можем увидеть. А то, что Хранители знают о том, как мы провели свою поисковую миссию, его вообще не смущает.

Раффи обращается к пленникам:

— Нам нужно на другую сторону. — Он кивает на Мишутку, проводит ладонью вдоль клинка и указывает на небо.

Твари шипят, обнажая острые зубы и источая ненависть.

Циклон выходит на пару шагов вперед.

— Твердая рука им нужна, командир. — Он нависает над тварями. — Делайте, что велено или сдохнете. — Следом идет пантомима «Циклон разрывает воздух».

Одна из тварей начинает мочиться: пускает желто-зеленую струю вонючей жидкости, от которой Хранитель едва успевает увернуться.

Демонята хихикают, а Циклон наклоняется к ним с таким видом, будто сейчас передавит их всех. Раффи его придерживает.

Будь я на месте адских тварей, чего бы я хотела? Посмотрим, как они отреагируют на человеческое отношение. Я подхожу поближе и восклицаю:

— Свобода!

Адские твари отвечают косыми взглядами.

— Побег! — Я опускаюсь на корточки, чтобы быть с ними на одном уровне.

Демонята наблюдают за мной с недоверием, но все же внимательно слушают.

— Никаких лордов. Свобода! — Я повторяю движение Раффи: провожу рукой вдоль меча.

Адские твари начинают бойко переговариваться. Похоже, они спорят.

— Возьмите нас с собой. — Я указываю на себя, а затем на остальных. — И будете свободны. — Моя ладонь скользит по клинку и устремляется в небо. — С вами! — Я тыкаю пальцем в них.

Обсуждение продолжается.

Демонята умолкают.

Тот, что по центру, кивает.

Я округляю глаза. Сработало! Хранители тоже кивают, глядя на меня с уважением.

Раффи не вдается в детали, не говорит о том, что Велиал вовлечен в историю с крыльями и Уриилом. Он вообще не произносит имени Хранителя, являющегося порталом. Просто дает понять, что эта персона среди нас.

— Подумайте хорошенько, — просит Раффи. — К нашей чести мы никогда не бросали своих. Вы можете остаться здесь, и я найду другой способ победить Уриила. А можете

отправиться с нами, но кто-то из вас вынужден будет остаться. Для ангела нет ничего страшней изоляции. Вам плохо сейчас? А будет стократ хуже! В одиночку, с осознанием того, что товарищи выбрались, бросив вас гнить в аду. Постепенно покинутого охватят гнев и жажда мести, он станет злее и жестче. — Раффи пристально смотрит на связанных демонят, извивающихся на земле. — И я сожалею, поскольку вижу теперь, какую роль в этом сыграл. — Он поднимает глаза и оглядывает столпившихся вокруг него Хранителей. — Тех, кто сможет отсюда убраться, я должен предупредить: ни вашей семьи, ни дочерей человеческих больше нет. Если все пройдет хорошо, мы попадем в другое время. Угодим в эпицентр войны. Но знайте, что в жилах некоторых бойцов до сих пор течет ваша кровь.

Хранители переглядываются, пытаясь осознать услышанное. У меня и самой с этим проблемы. Кто-то из нас, людей, произошел от... них.

Все продолжают игру в гляделки, постепенно смиряясь с тем, что порталом может оказаться любой.

Велиал кивает первым. Его лицо светится надеждой.

— Я сделаю, что угодно и чем угодно рискну, только бы снова почувствовать солнце на коже.

Я стараюсь затоптать расцветающее сострадание к Велиалу. Составляю перечень его преступлений: моя сестра, многочисленные убийства, крылья Раффи, фабрика саранчи... Перебираю в уме имена и лица людей, встреченных мной в Алькатрасе.

Один за другим Хранители угрюмо кивают. Каждый готов поставить на карту все.

О том, что портал — Велиал, мы сообщаем в последнюю секунду.

Узнав об этом, он застывает, уставившись в никуда — если можно такое сказать о ком-то, лишившемся глаз. Его грудь вздымается и опадает, он дышит все тяжелее и это единственный признак того, что Велиал не умер в ту же секунду.

Хранители мрачнеют. Они по очереди касаются плеча товарища, а когда дело доходит до Термо, Велиал сбрасывает с себя его пальцы. После этого все молча разбирают адских тварей.

Велиал стоит в кругу своих единственных друзей. Он слегка дергается, когда под кожу его спины проникает кончик меча.

Раффи дает демонятам отмашку.

И они вместе с Хранителями начинают проваливаться в меч. Велиал не шевелится, он словно впал в транс.

Раффи идет первым, чтобы встретить растерянных Хранителей на той стороне. Я же пойду последней, поскольку держу открытым портал.

Спустя несколько телепортаций Велиал не выдерживает — он стоит на коленях, глазницы крепко зажмурены, челюсти сжаты. Он готов был на это пойти, но лицо искажает мука, он в шоке, он просто не верит. Ведь на месте Велиала мог оказаться любой. Все они дали слово.

Но ему оттого не легче, и я это знаю. Риск приняли все, но всем удалось выбраться, а Велиал остается здесь. Он брошен страдать в одиночку на срок, который покажется вечностью.

Покинутый и нелюбимый.

Должно быть, впервые за всю его жизнь.

Я еще раз пробегаю по списку преступлений Велиала и направляю адскую тварь в портал.

Путешествие в преисподнюю походило на падение. Дорога назад — на засасывание в аэродинамическую трубу. Будто сам воздух пытается втянуть меня обратно. Я мертвой хваткой вцепляюсь в демоненка. Даже думать не хочу о том, что будет, если я не удержусь.

Появляюсь я в тесном пространстве. Ощущение — будто покрыта липкой противной массой, хотя моя кожа с одеждой чисты. Согласно плану, я должна была вернуться в свой мир, в конкретные день и час. Раффи доходчиво объяснил адским тварям, что если они ошибутся с пунктом назначения — свободы им не видать. Но мало ли что...

Вместо того чтобы выпрыгнуть из портала на землю, я приземлилась на что-то жесткое. Внутри достаточно светло, так что я быстро соображаю, что врезалась в приборную панель грузовика.

Нас заносит, а я и без того чувствую себя дрейфующей вверх тормашками в резервуаре с водой. Что-то мельтешит перед глазами — это адская тварь в панике мечется по кабине. Здесь было бы просторно, не будь внутри так много людей и... разных существ.

Немного оклемавшись, я понимаю, что сижу на коленях Велиала.

Не того, который остался в аду. Этот успел побывать не в одной переделке, а сейчас измучен и обессилен. А еще иссушен, бескрыл и истекает кровью. Из его груди рвутся тяжелые болезненные хрипы.

Я озираюсь по сторонам, но как-то плохо соображаю. Между кузовом и водительской кабиной опущена перегородка, из нее показывается рука ослепительно белого цвета, хватая беснующегося демоненка и грубо дергает его на себя. Кузов грузовика полон сбитых с толку Хранителей. Некоторых мутит от того, как мы подсакиваем на кочках и петляем, объезжая ямы.

Группа ангелов преследует грузовик — я вижу их тела сквозь завесу пыли, летящей из-под колес. А кто это там еще? Неужели Пейдж и три ее скорпиона?

Мрачные очертания новой обители и прилегающих к ней строений постепенно теряют четкость. Прежде чем я успеваю хоть что-то понять, из окна главного здания вырываются пламя и осколки стекла.

Ангелы, мчащиеся за нами, замирают, глядя на огонь. И затем поворачивают к обители — защищать штаб от нависшей угрозы, какой бы она ни была.

Грузовик мотает из стороны в сторону, будто водитель пьян.

Под ухом звучит чье-то радостное бормотание. За рулем моя мать. Она косится на меня, торжествующе улыбаясь.

А затем ее внимание возвращается к дороге — как раз вовремя, чтобы избежать столкновения с брошенным среди дороги авто. Мы гоним под сотню километров в час — а на трассах апокалиптического формата это просто самоубийство.

Я сползаю с Велиала на сиденье. Гладкое лицо, полное надежд — вот к чему я успела привыкнуть в аду. А сейчас из груди, ушей, носа и рта Велиала без остановки идет кровь. На него смотреть страшно, что уж говорить о посиделках на коленях.

Не очень удобно и даже опасно держать меч обнаженным в таком тесном пространстве. И я, так осторожно, как только могу в условиях шумахерской езды, убираю его в ножны.

— Мам, поосторожней! — прошу я ее, когда нас опять заносит.

Я перелезаю через перегородку и приземляюсь на пол забитого до отказа кузова. Здесь

едва хватает места, но я достаточно миниатюрна, чтобы втиснуться между двумя крупными воинами.

Вопрос, а чего они тут расселись, отпадает, стоит взглянуть на бледные лица Хранителей. Даже те, кто умудрился лететь, держатся за трубчатый каркас грузовика, как за поводыря. Этим ребятам нужна минутка и не одна, чтобы обвыкнуться здесь.

Обитель в мгновение ока пропадает из виду, что нормально, с учетом того, как мы гоним.

— Ну что, готовы вернуться и броситься в бой? — спрашивает Иосия.

Хранители отвечают ему хоровым гулом, в котором оптимист различил бы «О, да!», а пессимист — «Черта с два!».

Как по мне, их укачало, и драться они не в настроение. Я тоже не совсем пришла в себя, но меня хотя бы не тошнит. А они просто с мамой моей не катались прежде. Или вообще никогда не ездили на машинах.

— Вам полегчает, когда мы остановимся. — Я стучу по перегородке. — Мам, притормози. Можешь остановиться!

Она прибавляет газу.

Я снова стучу, а затем просовываю голову в кабину.

— Мам, ничего не случится!

Грузовик замедляется и наконец тормозит. Пейдж со своей саранчой пролетает немного вперед, но заметив, что мы встали, поворачивает обратно.

Хранители на дрожащих ногах выбираются из кузова. Они раскрывают пошире крылья, проверяя, все ли с ними в порядке. Остальные приземляются рядом и выглядят не лучше.

Пыль оседает на землю и на Хранителей тоже. Видок у них еще тот! Ободранная кожа, крылья с пучками перьев и расщепленными изогнутыми хрящами — все это, должно быть, просто кошмарно даже по меркам моей мамы. Я бросаю взгляд на водительское кресло. Интересно, как ей эта компашка?

Сестра со своими питомцами радостно кружит над нами. Пейдж машет рукой.

— Докладывай, Иосия. — Раффи поворачивается к альбиносу.

Тот, не мигая, смотрит на Хранителей расширенными глазами.

— После вашего ухода меня заметил один из стражей. Мы немного поспорили, возвращать ли Велиала в клетку. Этого я допустить не мог. Пройди все по плану — до сих пор не верю, что вам удалось — вы переломали бы шеи.

— Пенрин! — Дверца грузовика распаивается, мама бежит ко мне и заключает меня в накрепчайшие объятия.

— Привет, мам.

— Это ангельское приведение сказало, что ты внутри того демона. — Она указывает на Велиала, который вот-вот потеряет сознание на пассажирском сидении. — Сказало, что ты вернешься с минуты на минуту. Так я ему и поверила! Что за бредни. Хотя, всякое бывает, — пожимает она плечами. — И вот тебе раз! — Она прищуривает глаза. — Это же ты? Или нет?

— Да я, это мам, я.

— Как вы сбежали оттуда? — спрашивает Раффи.

Иосия потирает лицо.

— После небольшого «спора» с охраной, я забрал Велиала. Но он крупноват и тяжел даже в своей новой сморщенной форме. Я не смог бы лететь с такой ношей, но найти для

него безопасное место было необходимо. Я бы не справился без нее. — Он указывает на маму. — И без нее тоже. — Он кивает в сторону Пейдж — та вместе с саранчой как раз приземляется на ветви деревьев.

— Но как ты с ними связался? — не понимаю я.

— Твоя мать узнала о предательстве культа, — поясняет Иосия. — И вместе с твоей сестрой примчалась тебя выручать.

Я смотрю на маму — она энергично кивает: а-как-же-конечно-мы-сделали-это; и вдруг замечаю серебряные нити среди ее темных волос. Когда они появились? На мгновение я вижу ее другими глазами, глазами чужого нам человека — передо мной хрупкая уязвимая женщина, она кажется крошечной на фоне крепких мускулистых ангелов.

Я задираю голову вверх. Саранча держит Пейдж на руках, как держала ее я, поднимая с инвалидного кресла. Пару месяцев назад...

— И вы поехали в обитель? — Мой голос слегка дрожит; я смотрю то на мать, то на сестру. — Рисковали собой, чтобы спасти меня?

Мама снова душит меня в объятиях. Пейдж приподнимает уголки губ, невзирая на боль от натягивающихся стежков на ее щеках.

Глаза начинают слезиться от мысли о том, с какой опасностью столкнулась моя семья, и все ради меня.

— Три гигантика Пейдж со скорпионьими жалами в любой момент унесли бы ее оттуда, — поясняет мама. — Я их предупредила: если с ней что-то случится — их ждут большие проблемы!

— Полюбуйся, — говорю я Раффи с улыбкой, а в глазах стоят слезы. — Даже саранча боится мою маму.

— Не удивлен, — хмыкает Иосия. — Она заявила в составе группы бритоголовых людей, пришедших за знаком прощения.

— Амнистия? — удивляется Раффи. — Уриил предлагает кому-то амнистию?

— Только тем, кто ее сдал, — Иосия кивает на меня.

Раффи так сильно сжимает челюсти, что на лице ходят желваки.

Иосия пожимает плечами:

— Твоя мать каким-то чудом убедила этих людей пробраться в обитель после обретения знаков. Уриилу пришлось вылавливать их из отеля как крыс. Твоя сестра отвлекала часовых своим полетом — мы по-прежнему ищем, куда мигрировал рой саранчи. Во время этой диверсии твоя мать подожгла обитель. Очень бойкая женщина.

— Подожгла обитель?

— А как бы еще случился тот взрыв? — Иосия кивает с одобрением. — Я бы не смог вытащить Велиала без содействия твоей семьи. — Он указывает на грузовик. — Когда я наконец убедил твою мать в том, что ты внутри Велиала, она решила угнать это. Побег удался, но в подобный гроб на колесах я больше в жизни не сяду.

— Аминь! — стонет Термо, его до сих пор подташнивает.

У мамы на лбу пятно, похожее на золу, но я-то знаю, что это знак прощения. Членам культа, сдавшим меня ангелам, солдат Уриила рисовал точно такие же.

— Мам, ты же не стала сектанткой?

— Еще чего! — Она выглядит оскорбленной. — Эти люди настоящие психи. Они пожалеют о том, что с тобой сделали. Уж будь уверена. Пейдж не станет есть этих убогих. А большей муки они и не могут себе представить.

С пассажирского кресла доносится стон. Мы идем к Велиалу и открываем дверцу. Дела его очень плохи. Повсюду кровь.

Он медленно поднимает веки и фокусирует взгляд на мне. Мне приятно снова видеть его глаза. Как много времени ушло на их регенерацию?

— Твой голос... я знал, что он мне знаком. — Велиал кашляет. Кровь пузырится во рту. — Сколько лет, сколько зим... Я уж думал, что все это было сном. Очередным мучительным сном...

Как долго он пробыл в преисподней, отбывая наказание за целую компанию недавно падших?

— А я ведь верил когда-то... на полном серьезе верил, что надежда еще есть, — с трудом говорит Велиал. — Что вы вернетесь за мной, отыщете способ спасти и меня... тоже...

За моей спиной собрались Хранители.

Велиал поднимает на них глаза.

— Такими я вас и запомнил. Ничуть не изменились. Будто все случилось сегодняшним утром. — Он снова заходится в кашле, лицо искажает гримаса боли. — Мне стоило заставить вас остаться...

Велиал прикрывает веки.

Делает судорожный вдох. Выдыхает. И... все.

Я поднимаю глаза на Раффи, затем смотрю на Иосию.

Последний качает головой:

— Он просто не выдержал. Вы ушли, и ему стало хуже: исцеление замедлилось, практически остановилось. Слишком многие прошли сквозь портал. Не думаю, что живые создания предназначены быть вратами. — Иосия вздыхает. — Но Велиал получил по заслугам. — Он отворачивается и отходит подальше от бездыханного тела бывшего Хранителя. — По нему никто не станет скучать. У него в целом мире нет ни единого друга.

Хранители решают провести традиционную погребальную церемонию для Велиала. Прежде чем заняться похоронами мы отъезжаем подальше от новой обители.

— А что, у нас есть лопаты? — интересуюсь я.

— Велиал не животное, — сухо отвечает Ястреб. — Мы не станем его закапывать.

Повисает неловкая пауза. Хранители осторожно извлекают тело товарища из машины. Друг на друга они не смотрят и упрямо хранят молчание — боятся, что кто-то из них не согласится с общей затеей.

Наконец Циклон говорит:

— Я буду ему Опорой.

— И я, — говорит Ревун.

Плотину прорывает, и все Хранители наперебой вызываются стать Опорой, что бы там это ни значило.

Они смотрят на Раффи, ожидая его одобрения. Тот кивает.

— Да ладно? — поражается Иосия. — После всего, что он натворил, вы собираетесь оказать ему честь...

— Достаточно того, что он сделал для нас, — отвечает Ястреб. — В чем бы о ни был повинен — его долг оплачен сполна. Велиал один из нас. И мы задолжали ему достойные проводы. Такие, каких не могли себе позволить в преисподней, прощаясь с павшими братьями.

Иосия недоуменно смотрит на них, затем на Раффи, и тот снова кивает.

— Как разожжем огонь? — спрашивает Термо.

— Могли бы горючим, но он сказал, чтобы я к нему больше не прикасалась, — отвечает мама, указывая на Иосию.

— И ты не прикоснешься, — соглашается он. — Мы сделаем небольшое исключение ради церемонии и только. — Он возвращается к грузовику и забирается в кузов.

— Зачем ты взяла в обитель бензин? — удивляюсь я.

— Чтобы спалить дотла ангельское гнездо, — отвечает мать. — Собиралась забрать тебя и заодно сжечь этот гадюшник. Но призрак мне не позволил.

Иосия возвращается с канистрой топлива.

— Она и так нанесла значительный урон. А при попытке устроить масштабный пожар ее бы точно поймали. — Он качает головой, опуская канистру на землю. — Я до сих пор не понял, как ей удалось все повернуть, а мне — убедить ее в том, что ты была в Велиале. Я и сам в это верил с трудом.

— Как так?! — взвивается мама. — Хочешь сказать, она могла прятаться в ком-то другом, а мы спасали первого попавшегося демона?

— Забудь, мам. — Я беру ее за руку и отвожу в сторонку. — Позволь им заняться похоронами.

Иосия поливает бензином тело Велиала.

— Не передумали? — спрашивает он.

— Велиал заслужил эту честь, — отвечает Ревун.

Иосия кивает и делает шаг назад.

А мама выходит вперед, в ее руках зажигалка. Она подносит ее к клочку ткани, который

затем передает Термо, тот кидает ее на пропитанное бензином тело Велиала.

И оно вспыхивает.

Волосы словно искры: загораются и исчезают. Пламя перекидывается на сморщенную кожу, затем на брюки — и вот Велиал объят им целиком. Огонь плавит под ним асфальт, обдает жаром открытые участки моей кожи. Воздух насыщается гарью, смешанной с едва уловимым запахом паленого мяса.

Пятеро выступают вперед и подхватывают горящие ноги, руки и плечи Велиала.

Я порываюсь им помешать, но Раффи преграждает мне путь.

— Что за черт? — спрашиваю я. — Они же погибнут!

— Будет больно, но они исцелятся, — отвечает Раффи.

Хранители взмывают в небо. Распахнутые крылья бьются в унисон на фоне утренней зари.

Я все жду, что они вот-вот вспыхнут как спички. Их нагоняет еще одна группа товарищей и помогает нести ношу, объятую пламенем. Остальные крест-накрест летят под ними, сформировав сеть. Мелкие останки срываются с высоты, но догорают еще на пути к Хранителям. А те, что покрупнее, Хранители ловят: один за другим.

— Ни единая часть не коснется брэнной земли, — говорит тихим голосом Раффи. — Братья рядом, они не позволят ему пасть.

Тем временем Хранители продолжают свой необычный танец на фоне рассветных небес, под огненным дождем из Велиала.

Я стою у дерева на обочине и смотрю вдаль. Хранители закончили со своей церемонией и летят обратно.

— Нам нужно вернуться, — говорит Иосия. Вот-вот объявят суть Испытания и начнется официальный набор команд. — Он бросает взгляд на Хранителей, и я знаю, что его беспокоит. Содранная кожа, клочки перьев — убедить остальных примкнуть к подобным созданиям будет непросто.

— Мы должны попытаться как-то на всех повлиять, — отвечает ему Раффи. — И работать придется с тем, что у нас есть. Либо сотни наших братьев падут, либо начнется гражданская война — нельзя допустить ни того, ни другого.

О, я не стану лить слезы по ангелам Уриила, если те отправятся в ад. Поделом им.

Раффи обращается ко мне:

— В гражданской войне моего народа полем боя станет твой мир, и его сравнивают с землей, кто бы ни победил.

Прямо как в преисподней, и мы повторим судьбу адских тварей: оголодаем, сойдем с ума и будем дрожать в тени, страшась своих новых господ.

Я прочищаю горло, прежде чем уточнить:

— А не к тому ли все уже идет?

— Цивилизация пала, но человечество — нет. Небольшие группы людей остались по всей планете. Апокалипсис не предполагает истребления целой расы. Это просто грандиозное событие накануне Судного дня. Но тон, заданный ему Уриилом... — Раффи качает головой. — Возможно, кто-то и выживет в этом кошмаре, но на людей они мало будут похожи.

Какими были адские твари до Нашествия на их родину?

Я стараюсь не думать о будущем, но порой все же приходится, и тогда я допускаю, что однажды ангелы завяжут со своим буйством. Наш мир придется восстанавливать по крупицам, но где-то там обязательно будут люди...

Саранча, восставшие из мертвых, примитивные демоны... Нас уже вытолкнули за грань человечности. Если так и продолжится — земля станет новой преисподней.

— Тебе нужно уйти, — говорит мне Раффи. — Людям здесь точно не место.

— Но я же твой Подручный в Испытании.

— Никто о тебе не вспомнит после того, как увидит Хранителей.

— А может, ты ищешь предлог не возвращаться в грузовик со мной и моей мамой?

Его губ касается легкая улыбка.

Мы вместе идем к машине.

— Куда ты отправишься? — спрашивает Раффи.

— Не знаю... — С каждым шагом мы ближе к «прощай». — Безопасных мест не осталось. Разве что лагерь Соппротивления.

Раффи немного хмурится.

— Исходя из того, что мне показал Оби, те люди преисполнены гнева и страха. А это опасная комбинация, Пенрин. Они убили бы каждого из нас, будь это в их силах. — Под нами он, конечно же, подразумевает ангелов. — Им не важно, как именно нас уничтожить: чумой или на секционных столах.

— Они — мой лучший вариант, — говорю я. — К тому же ты знаешь, где лагерь и сможешь меня найти, рассказать, как все прошло. Если, конечно, захочешь...

Он оглядывает мои волосы, изучает черты лица и наконец кивает.

— Справишься с Испытанием?

— Обязательно. — Он крепко сжимает мою ладонь. Его руки такие теплые.

И вот он их убирает.

— Ты уж постарайся. И помни свое обещание! Чтобы ангельской ноги здесь не было после твоей победы.

Я неохотно снимаю с себя ножны и какое-то время просто держу их в руках, наслаждаясь весом оружия, к которому так привыкла.

Ничего не поделать: Раффи вернул крылья, а значит, пора отдавать и меч. Странно, что он не забрал его сразу. Оба томились в разлуке. Кроме того, он не сможет драться без своего клинка.

Вот только... Мишутка делал меня особенной. Больше чем просто девчонкой. Истребительницей ангелов!

— Он скучал по тебе, — говорю я Раффи.

Тот медлит, глядя на меч. Он не касался его с тех пор, как спас меня на арене.

Аккуратно приняв клинок, он держит его на вытянутых ладонях. Сердце пропускает удар — примет ли меч хозяина?!

Вместо того чтобы камнем упасть на землю, меч остается в руках, и Раффи с облегчением закрывает глаза. Похоже, он не пытался вернуть свое оружие лишь потому, что не был уверен, что все пройдет хорошо.

Долгие годы Раффи провел один, меч был его компаньоном. Страшно подумать, как тяжело далась ему эта потеря.

И так приятно видеть его счастливым. Хотя эта сладость горчит.

— Прощай, Мишутка. — Пальцы пробегают по ножнам.

Раффи снимает плюшевого медведя в свадебном одеянии.

— Уверен, он хочет оставить это тебе. — На его губах играет улыбка.

Я забираю медведя и прижимаю его к себе — шерсть все такая же мягкая, но без стальной сердцевины гладить ее непривычно.

Мы подходим к кабине грузовика, и я забираюсь на водительское кресло. Он заглядывает в открытое окно, будто хочет что-то сказать — между ключиц покачивается иссушенный плод, преподнесенный демоном из преисподней. Раффи наклоняется ближе.

И дарит мне поцелуй.

Неторопливый, нежный. От которого я таю. Раффи ласково гладит мое лицо, и я прижимаюсь щекой к его ладони, млея от теплых прикосновений.

А затем Раффи отходит на пару шагов назад.

Раскрывает великолепные крылья цвета первого снега и поднимается в небо, устремляясь навстречу Хранителям.

Я наблюдаю за тем, как Раффи со своими солдатами исчезает в синем небе, и думаю о том, что их ждет по прибытии в обитель. С одной стороны, хотелось бы взглянуть на Испытание, а с другой — не лучше ли сматывать удочки? Чем бы ни тешились ангелы — всё обращается насилием. И я не смогу спокойно на это смотреть, зная, что команда Раффи в аутсайдерах.

Я кладу руки на руль, беспокойство не отступает. До того как завожу мотор, мама, как маленькая, сворачивается клубочком на сидении и кладет голову мне на колени. Она поглаживает мою ногу, убеждаясь, что я действительно здесь, с ней.

Мама засыпает, ее дыхание становится глубоким и размеренным. Когда она в последний раз спала? Переживания о нас с Пейдж не оставляли места для отдыха. А я настолько зациклилась на поисках сестры и ее безопасности, что совсем позабыла о маме.

Я глажу ее по голове, перебирая жесткие волосы, и напеваю песенку-извинение. Этот прилипчивый мотив воскрешает целую гамму противоречивых чувств, но другой колыбельной я просто не знаю.

Любой адекватный человек уже задал бы мне миллион вопросов, но только не мама, за что я ей благодарна. Мир стал настолько безумным, что, возможно, в ее глазах, все наконец обрело смысл.

Я завожу мотор, пора нам отсюда убраться.

— Спасибо, мама, за что, что не бросила, — говорю я тоненьким дрожащим голосом, затем прокашливаюсь и продолжаю: — Не каждая мать поступила бы так же... теперь.

Слышит ли она мои слова?

Чего моя мама только не видела: я на руках, как ей казалось, демона; я появляюсь из Велиала в компании адской твари; я прохлаждаюсь в компании изрядно потрепанных падших. А в завершении этой программы — мой поцелуй с ангелом.

Даже здравомыслящий человек решил бы, что я замешана в дьявольских делишках и вообще якшаюсь с врагом. Страшно представить, какие выводы сделала мама. Она же этого всегда и боялась. Предупреждала меня неустанно. И вот пожалуйста — дочь влипла.

— Спасибо тебе, — снова шепчу я.

Что тут еще добавить... Другие бы мать и дочь рассказали друг другу больше. Но я даже не знаю, с чего начать. А потому продолжаю мурлыкать навязчивую колыбельную, которую мама привыкла нам петь после своих эксцессов.

Планета как будто вымерла. Мы едем, и кроме брошенных авто, развороченной землетрясениями земли и выжженных зданий я ничего и никого не вижу.

Сходство между нашим миром и преисподней начинает меня беспокоить.

На полпути к лагерю в зеркале заднего вида я замечаю растущую точку в небе. Это ангел.

Давить на газ или затормозить? Я сворачиваю к обочине и паркуюсь среди заглохших машин. Мы с мамой сползаем пониже с сидений, а Пейдж давно улетела вперед.

Я слежу за приближением непрошеного гостя. Белоснежные крылья, ослепительно белый торс. Иосия.

Я убеждаюсь, что он один, и лишь потом выбираюсь из грузовика и машу альбиносу рукой.

— Меня прислал Рафаил. В лагерь ехать нельзя! — говорит Иосия, приземляясь. У него одышка, он явно очень спешил.

— Почему? Что происходит?

— Ты должна держаться подальше от любого скопления людей. Испытанием станет кровавая охота.

— Кровавая охота? — От одних только этих слов хочется бежать со всех ног и прятаться в самой глубокой норе.

— Две команды загоняют добычу, — поясняет он. — В период от заката до рассвета. Победа за теми, кто больше убьет.

— И кто же добыча? — Губы немеют, странно, что я вообще умудрилась задать вопрос.

Иосии хватает совести выглядеть смущенным.

— Уриил заявил, что охоты стоит лишь тот, кто попробует защититься. Иначе неинтересно.

— Нет, — качаю я головой. — Раффи не станет этого делать.

— У него не осталось выбора. От кровавой охоты нельзя отказаться.

В поисках опоры я прислоняюсь к дверце грузовика.

— Значит, Раффи собирается перебить как можно больше людей? И ты тоже?

— Победитель Испытания станет новым Посланником. Если власть достанется Раффи у переживших охоту появится шанс на жизнь. В противном случае умрут все.

Желудок похож на кислотный вулкан. Мне приходится сглатывать, чтобы сдержать его извержение.

— Но победить нелегко, — продолжает Иосия. — В кровавой охоте могут участвовать все желающие. Ангелы Уриила поголовно его поддержат. Хранитель способен снять втрое больше мишеней, чем рядовой солдат. Но какой в этом толк, если мишеней не будет. Нам нужно отправиться в самую населенную зону, если хотим получить хоть какое-то преимущество перед соперниками.

— Ты в курсе, что стоишь и рассуждаешь об убийстве моего вида? Мы не добыча! Не дичь! — Я не могу отделаться от мысли, что сама помогла набрать Раффи команду.

Взгляд Иосии теплеет.

— Тебе велено выжить. Беги как можно дальше от скопления людей. Прячься там, где тебя никому не найти. И успевай до заката.

Скопление людей? Сейчас только одно место можно назвать таковым. Лагерь Сопrotивления.

И Раффи знает, где он находится.

Потому что я ему показала.

Кислота поднимается по пищеводу, пузырится в моем горле. Воздуха не хватает — легкие сжались.

— Он не станет этого делать, — давлЮ из себя я, голос дрожит. — Он не такой.

Иосия одаривает меня полным жалости взглядом.

— Рафаил хочет, чтобы ты бежала. Ты и твоя семья. Вперед! Вы должны выжить.

Затем он взмывает ввысь и возвращается в обитель.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь себя успокоить.

Раффи так не поступит.

Не станет резать людей как диких кабанов. Просто не станет и все.

Но чем бы я себя ни тешила — сцена того, как Раффи смотрел вслед летящим собратьям, не идет из моей головы. И все что я слышу — чьи-то слова: ангелы должны быть в стае. Для чего Раффи нужны были крылья? Чтобы попасть домой, к своему народу, и занять законное место в ангельской иерархии.

Он хочет вернуться в свой мир так же сильно, как я желаю спасти семью. Если бы мне пришлось разделаться с кучкой ангелов ради своей цели, разве бы я стушеввалась?

Я убила бы их. Без раздумий.

Затем я вспоминаю отвращение, с которым Раффи говорил о секционных столах Сопrotивления. Зачистить лагерь, полный людей? Не в его природе. Но если бы вдруг пришлось? Если бы только так он мог вернуть себе статус и власть? Что бы он сделал, будь на кону падение стольких братьев?

Я сползаю на землю и обнимаю свои колени.

Я привела Раффи к сопrotивленцам, зная, что он ангел. Показала ему, где прячется крупнейшая группа выживших на всем побережье.

Руины преисподней встают перед глазами. Быть может, среди адских тварей тоже была своя влюбленная дурочка, предавшая всех, как я? Мысль об идеально сложенном падшем, восплававшем нежными чувствами к адской твари, кажется мне смешной. Но уверена, та малолетняя страшилка иного была мнения.

Я прикрываю веки.

Мне дурно.

В голове отдаются эхом слова Велиала: «Я тоже считал его другом... теперь ты знаешь, что случается с теми, кто ему доверяет».

Я забираюсь обратно в грузовик и сжимаю пальцами руль. Делаю глубокий вдох и пытаюсь собраться с мыслями.

Мама доверчиво смотрит на меня. Не важно, как много она услышала из того, что сказал Иосия. Она ему не поверила. Да, ей пришлось сотрудничать с ангелом, чтобы меня спасти. Но довериться одному из них? Это не про мою мать. Мне, наверное, стоит кое-чему у нее поучиться.

Вдалеке я замечаю Пейдж. Она сидит на ветке, готовая последовать за нами, куда бы мы ни поехали.

Семья в сборе и все, что нам нужно — уехать. На юг или север, просто подальше от эпицентра борьбы. И мы бы успели, у нас целый день в запасе. В данный момент о большей

безопасности мечтать не приходится. Ведь это Конец Времен.

Сбежать от ангелов — это разумно.

Здорово, логично, мудро.

Я завожу мотор. И едем мы на восток.

К лагерю Сопротивления.

Мы замечаем дым на горизонте задолго до прибытия в Пало-Альто. Пейдж улетела вперед со своей саранчой, а нас замедляет необходимость объезжать брошенные авто.

Ангелы не собирались нападать до заката. Люди должны быть в безопасности. К тому времени, как мы подъезжаем к лагерю Сопротивления, я понимаю, что всю дорогу кормила себя сказками.

Я паркуюсь на обочине Эль-Камино и выбираюсь из кабины грузовика. С кампусом все в порядке, горит лишь одно здание.

Вдоль улицы разбросаны тела. Машины и стены корпусов забрызганы кровью — надеюсь, не человеческой.

— Мам, подожди здесь, а я посмотрю, что происходит. — Я задираю голову проверить, успела ли Пейдж спрятаться за деревьями. Ее могли бы заметить Сопротивленцы, не будь они так... заняты. Но ни сестры, ни саранчи в поле зрения нет.

Я направляюсь к школе, узнать, есть ли тут кто живой. Но сделав пару шагов, замираю. Мне страшно среди этих тел найти кого-то знакомого.

Ветер срывает с земли листву и мусор, треплет волосы жертв, так кстати прикрывших лица. Откуда-то сверху прилетает клочок бумаги и приземляется на мертвеца — тот глядит в задымленное небо невидящим взором.

Бумага трепещет у пепельно-бледного лица с остекленевшим взглядом. Это флаер Шоу Талантов:

Приходи сам, приводи друзей
На крутейшее шоу планеты всей!

Шоу Талантов. Близнецы и правда считали, что в это страшное время можно петь и плясать?

Я всматриваюсь в лица лежащих на капотах людей, кошусь на школьный двор, надеюсь, что там, среди остальных убитых, я не увижу ни Тру, ни Тра, и медленно иду по парковке. Несколько человек всхлипывают, свернувшись калачиком на асфальте.

Окна корпусов выбиты, двери сломаны, парты и стулья разбросаны по пожелтевшей траве. Но здесь я вижу живых. Беженцы рыдают над погибшими, обнимают друг друга или бредут куда-то в состоянии шока.

Какому-то парню оторвало руку, девочка пытается зажать его рану, и я опускаюсь рядом, чтобы помочь остановить кровь.

— Что случилось? — спрашиваю я, готовая к страшной сказке про ангелов и монстров.

— Мертвые, — отвечает она, плача. — Пришли, волоча ноги, сразу после того, как группа наших бойцов ушла на задание. Защитников было мало. И все с ума посходили! Кровавая баня... И когда все закончилось... Должно быть, слухи пошли, я не знаю... Но в городе стало известно о том, что на нас напали, о том, что мы уязвимы. И тогда появились банды...

Так это сделали люди?! Не монстры, не ангелы, не демоны из преисподней? Людей убивают... люди?

Я закрываю глаза. Можно сколько угодно винить ангелов в том, что это они сделали нас

такими, но мы творили подобные вещи задолго до их прибытия.

— Чего хотели банды? — спрашиваю я, неохотно поднимая веки — не желая снова встречаться с миром.

— Унести все, что получится. — Она перетягивает разорванной рубашкой культю потерявшего сознание парня. — Требовали вернуть еду. Всё, что было в том магазине, который у них отняли.

Я вспоминаю кровавый отпечаток ладони, размазанный на двери ближайшего универмага. Так и знала, что сопротивленцы отбили его у уличной группировки.

Когда к нам подбегает мужчина постарше, я отхожу к другой группе людей — они переносят раненых в административный корпус.

Я приехала с одной целью — предупредить людей, а затем удирать на предельной скорости вместе с семьей на север, юг или на край света. А застряла тут основательно: пострадавшим нужна помощь, а мне — отыскать Оби. Но никто не знает, где мне его найти.

Мать бросается к кабинету, в котором мы раньше жили. Ее цель — запас тухлых яиц. Никто на них не позарился и выкидывать тоже не стал. Горничных в лагере нет, наш «номер» не убирался. Мама выносит коробки на крыльцо и люди мигом разбирают «снаряды». Все помнят визит адских тварей.

Вдруг раздается крик:

— Они возвращаются!

От рожи в сторону школы шатаюсь бредут тени.

Те, кто еще способен двигать ногами, в панике несутся к ближайшему зданию. Лишь немногие остаются с ранеными: глядя в прицелы винтовок, поднимая с земли монтировки, сжимая в руках ножи — они готовы постоять за себя и любимых.

К нам приближаются жертвы скорпионов, которых Уриил объявил воскресшими. Сморщенные тела, зомбиподобная походка. Они всецело уверились в том, что вернулись с того света и даже вжились в образ. Воспринимай человека как монстра — и он начнет соответствовать.

Но «копченые зомби» не успевают до нас добраться — саранча с моей сестрой на руках начинает кружить над их головами. Скорпиона всего три, но они — величайший страх высушенных людей.

Воскресшие замечают троицу с жалами. Разворачиваются и живо перебегают дорогу, спеша спрятаться в роще. И делают это нормально: без шарканья и подволакиваний конечностей. Могут же, если хотят.

Сопротивленцы потрясенно глядят вслед удирающим «зомби», затем смотрят на Пейдж и ее питомцев. В следующее мгновение в укрытие спешат даже те, кто еще недавно хотел защищать родных. Скорпионов они боятся куда сильнее саранчи.

Те, кто остался, твердо стоят на ногах и уверенно целятся в Пейдж.

Одного из этих ребят я видела вместе с Оби на заседании Совета. И это он повел себя как разъяренный селянин, пришедший за Франкенштейном, когда связал мою сестру. Помоему, Оби назвал его Мартином.

— Пейдж хочет помочь. — Я раскидываю руки, пытаюсь всех успокоить. — Все нормально. Она на нашей стороне. Взгляните — она напугала врага.

Оружие никто не опускает, но и стрелять не спешит. Хотя вряд ли они мне верят, скорее всего, боятся, что шум привлечет ангелов.

— Мартин, — начинаю я. — Помнишь, что Оби сказал? Моя сестра — надежда

человечества. — Я указываю на Пейдж. — Это она. Узнаешь?

— Еще бы не узнать, — отвечает он. Дуло его винтовки направлено на Пейдж. Двое парней рядом с ним кажутся мне знакомыми — они тоже принимали участие в поимке моей сестры. — Поклонница человечины.

— Пейдж за нас, — говорю я ему. — Она покинула укрытие, только чтобы вас защитить. Оби верит в нее. Ты же слышал!

Люди смотрят на Мартина, ожидая его действий. Выстрелит он — выстрелят все.

Палец замирает на курке. Я вижу, что Мартин мечтает его спустить.

— Эй, — кричит он Пейдж. — Группировки, атаковавшие нас, пошли вон туда. — Он машет стволом в сторону Эль-Камино. — Нескольких я ранил. Легкие мишени для тебя и твоих любимчиков. — Он опускает винтовку и забрасывает ее на плечо. По рубашке Мартина плачут нитка с иглой. — Пусть не говорят, что мы плохо кормим своих дорогих гостей.

Все расширяют глаза, но затем следуют примеру Мартина, убирая свои ружья.

Саранча низко кружит над нами, напоминая стервятников. Пейдж ловит мой взгляд. В ней будто зажглось пламя, но она смущена и не знает, как поступить.

Однако ответа на этот вопрос я ей дать не могу.

— Да! — Мама бежит к Пейдж и активно машет руками в направлении, заданном Мартином. — Давай, малышка! Время обедать!

Одобрение получено. Саранча поворачивает на север и уносит с собой Пейдж.

— Будь осторожна! — кричу я вслед.

Я в ужасе. Но мне легче. Я испугана. И растеряна.

Мой план полетел к чертям.

Я все жду, что вот-вот появится Оби и возьмет контроль в свои руки, но его нигде нет.

Мы переносим раненых в бывший штаб: одни кричат, другие не издают ни звука. Я понятия не имею, есть ли внутри врач, но ведем мы себя так, будто это не школа, а военный госпиталь. Словно здание в испанском стиле ломится от медперсонала и оборудования.

Мы говорим пострадавшим, что все хорошо и доктор скоро к ним подойдет. Я знаю, не все из них протянут хотя бы еще один час, но не прекращаю своих заверений, пока мы опускаем раненых на пол и отправляемся за другими.

Наши действия входят в размеренный ритм. Помощь раненым — способ занять руки, иллюзия организованности; что-то, что кажется верным в данной ситуации. Я отключаю мозг и двигаюсь на автомате от одного несчастного к другому.

Удивительно, но в работу включились все: одни поят людей, другие развлекают плачущих детишек, третьи тушат пожар, а четвертые с оружием наготове держат оборону.

Никто не сидит без дела.

Но гармония распадается на куски, стоит найти Оби.

Он в критическом состоянии: еле дышит, руки ледяные, в груди зияет дыра, рубашка пропитана кровью.

Я бросаюсь к нему и прижимаю ладони к ране.

— Мы здесь, Оби. Все будет в порядке. — Не будет. И по глазам его видно — он знает, что я лгу.

Он кашляет и борется за каждый вдох.

Оби лежал здесь все это время, наблюдал за драмой с моей сестрой, а затем терпеливо ждал, когда мы его найдем.

— Помоги им. — Он смотрит в мои глаза.

— Я стараюсь, Оби. Очень стараюсь. — Кровь продолжает идти, а давить на рану сильнее я уже не могу.

— Ты знаешь ангелов лучше, чем кто-либо другой. — Он с трудом выдыхает. — Их сильные стороны, слабости... Ты знаешь, как их убить.

— Поговорим позже. — Кровь просачивается между пальцев и бежит по моим ладоням. — А пока отдохни.

— Заручись поддержкой сестры и ее монстров. — Он закрывает глаза, а после медленно их открывает. — Она послушает тебя. — Вдох. — И люди пойдут за тобой. — Вдох. — Возглавь их.

Я трясую головой.

— Не могу. Я нужна семье...

— Мы тоже твоя семья. — Дыхание замедляется. Веки падают. — И нам ты тоже нужна. — А затем он выдыхает слова: — Ты. Нужна. Человечеству. — И слова эти тише шепота. — Не позволяй им умереть. — Вдох. — Прощу тебя... — Вдох. — Прощу, не дай им умереть...

Он умокает, взгляд стекленеет.

— Оби?!

Я наклоняюсь, слушаю — может быть, дышит — но признаков жизни нет.

Я поднимаю дрожащие руки. Они по запястья залиты кровью.

Оби не был моим другом, но я все равно плачу.

Будто только что рухнул последний оплот нашей цивилизации.

Я смотрю по сторонам и только сейчас замечаю, что люди вокруг замерли и наблюдают за нами. И у всех на глазах слезы. Наверняка, нравился Оби не всем, но все его уважали.

Никому не приходило в голову, что среди этого хаоса, мог оказаться лидер Сопротивления. Он умирал, пока мы ходили туда-сюда. А теперь те, кто занимался ранеными, подавал жаждущим воду и приносил замерзающим пледы, позастывали на своих местах и потрясенно глядят на Оби. На Оби, который лежит на пропитанной кровью траве и смотрит в небо пустыми глазами.

Женщина бросает на землю стопку одеял, разворачивается и с горестным выражением лица, сугулясь и шаркая ногами, направляется к парковке. Она ошарашена, сломлена.

Парень осторожно опускает на ступеньки административного корпуса покалеченную девушку. А затем будто в трансе бредет прочь со двора.

Юноша моих лет забирает воду у привалившегося к стене человека, закручивает крышку и задумчиво смотрит на мужчину, сидящего рядом с первым. Тот тянется за бутылкой, но мальчик уже уходит.

Стоит паре людей бросить свои дела — остальные следуют их примеру и покидают кампус. Кто-то плачет, кто-то напуган, и каждый из них одинок...

На моих глазах рассыпается Сопротивление.

Когда мы впервые встретились, Оби сказал, что, атакуя ангелов, он не рассчитывал их победить. Он хотел завоевать сердца и умы людей. Дать им знать, что надежда по-прежнему есть.

А теперь Оби не стало и надежда ушла вместе с ним.

Мне придется рассказать этим людям о срочной эвакуации, а это усложняет ситуацию. Я хотела быстро шепнуть эту новость Оби, который бы принял необходимые меры, но... за меры теперь отвечаю я.

Пара беженцев помогает собрать остальных на школьном дворе. Мне впервые не важно, что я стою на открытом пространстве и веду себя очень шумно — охота начнется только с закатом. Несмотря на приличный отток сопротивленцев, двор забит под завязку. Мы успели перехватить и тех, кто как раз покидал лагерь.

Я могла бы просто поговорить с несколькими людьми, а те с другими и... Но это чревато массовым психозом: никто не поймет, что происходит — глухой телефон неважный осведомитель. Уж лучше потратить двадцать минут на последнее культурное собрание вменяемого человечества и лично рассказать о том, что нас ждет.

Я забираюсь на обеденный стол уличного кафетерия, и делаю это медленно, хотя знаю, что надо спешить. Но в словах «вы скоро умрете» скрыт мышечный паралитик — двигаюсь я с трудом. Половина присутствующих, если не больше, будет мертва к рассвету.

А обилие трупов, оставшихся на траве, еще больше нагнетает обстановку. Но смысла затягивать этот момент нет. И притворяться, что масса людей не будет убита к утру — тоже пустая затея.

Я прочищаю горло, прикидывая, как изложить подобную новость.

Но начать выступление не успеваю — от парковки к нам приближается группа людей. Это измазанные сажей Тру и Тра с дюжиной борцов за свободу. Они в ужасе смотрят на мертвые тела, разбросанные по земле.

— Какого черта? — морщит лоб Тру. — Что происходит? Где Оби? Нам надо его увидеть.

Тишина. Все, видимо, ждут, что слово возьму я.

— На лагерь напали в ваше отсутствие. — Как рассказать им всё? Я облизываю губы. — Оби... — В горле пересыхает.

— Что Оби? — кажется, Тра догадывается, что я сейчас скажу.

— Он не выжил...

— Что?! — переспрашивает Тру.

Бойцы оглядываются на людей, будто ждут всенародного подтверждения.

Тру медленно качает головой — стадия отрицания.

— Нет, — выдыхает один из борцов за свободу. Он делает шаг назад. — Нет...

— Только не Оби, — другой мужчина закрывает лицо чумазыми ладонями. — Только не он.

Все глубоко потрясены.

— Он собирался вытащить нас из этого дерьма, — злится тот, что вздыхал. — Этот мерзавец не мог умереть. — Говорит он едко, но лицо его морщится, как у хнычущего мальчишки. — Просто не мог.

Я в шоке от их реакции.

— Успокойтесь! — велю я им. — Вы никому не поможете, если...

— Всё! — перебивает меня боец. — Мы и так никому не можем помочь! Даже самим себе. Мы не способны вести за собой человечество. Без Оби всему конец....

Он озвучил то, что крутилось в моей голове. Но меня все равно злит, что он так легко сдается.

— У нас есть структура командования, — пожимает плечами Мартин. — Заместитель Оби встанет у руля.

— Оби оставил вместо себя Пенрин, — говорит женщина, помогавшая мне с ранеными. — На последнем дыхании так сказал! Я стояла рядом и слышала.

— Но заместитель Оби...

— Нет времени спорить, — восклицаю я. — Мы в опасности! На закате ангелы откроют охоту и убьют любого, кто подвернется им под руку.

Я готова к ужасу, крикам и панике, но никто не кажется удивленным. С этими людьми обошлись более чем жестоко, они ранены и сломлены; стоят тут в своем тряпье, голодные и худые, грязные и побитые, смотрят и ждут, что я скажу куда им идти, что делать и как быть.

Эта картина — полная противоположность блеску и мишуре ангельских сборищ, совершенным телам, силе. У нас тут увечья и шрамы, мы хромаем, боимся и плачем. Наши глаза — окна в миры отчаянья.

Меня накрывает волной безудержной ярости. Идеальные ангелочки, самые-самые во вселенной. И чего они к нам привязались? Почему не оставят людей в покое?! Слышат они лучше, видят они больше, и чего не коснись — умницы и мастера. Но это не значит, что мы — мусор.

— Охоту? — спрашивает Тру. Он смотрит на перепачканного сажей брата. — Так вот, что они делают!

— А что они делают? — настораживаюсь я.

— Отрезают нас огнем от материка. Сбежать можно только по воздуху или воде.

— Камеры засекли дым, — поясняет Тра. — Мы поехали проверить в чем дело и затушить огонь, но потратили кучу времени на то, чтобы скрыться от ангелов. Пожар вышел из-под контроля. Мы вернулись с докладом для Оби, а...

Плохи наши дела.

Землетрясения разрушили мосты, лодок у нас мало, самолет еще надо найти, и даже тогда убраться отсюда успеют совсем немногие. Полуостров полон людей.

Раз до заката ангелы не придут, время бежать есть. Это если они действительно не придут.

— Огонь распространяется в направлении севера, — говорит Тру. — Нас будто сгоняют в кучу, отрезая пути к отступлению.

— Так и есть, — соглашаюсь я. — Сбивают нас в стадо. Им же нужно на кого-то охотиться.

— И что, покоримся судьбе? — кто-то кричит из толпы. — Простождемся смерти?

— Неужели, все что мы можем — это прятаться и молиться, чтобы нас не нашли? — В голосе слышится гнев.

Начинается галдеж: все спорят, перебивая друг друга.

И тут раздаётся смущенный возглас:

— Заберет ли кто эту девочку?

Все оборачиваются на того, кто задал вопрос. Худой мужчина с перебинтованной рукой и плечами. Рядом с ним две малышки лет десяти.

Мужчина прячет одну за спину, а вторую подталкивает вперед.

— Я не смогу кормить ее и защищать, если снова придется скитаться.

Обе девочки раздражаются слезами. Та, что за спиной, напугана не меньше той, что прошла в толпу.

Кто-то глядит на нее с состраданием, кто-то приходит в ужас, но даже те, кто сочувствует, не спешат брать ответственность за беспомощного ребенка. За порогом лагеря Сопротивления все либо охотники, либо жертвы — слишком опасное время.

Но не каждого тронула эта сцена. Есть и такие, кто изучает малышку холодными липкими взглядами. В любую секунду один из них может поднять руку...

— Вы бросаете дочь? — Я потрясена.

Мужчина качает головой.

— Ни за что! За кого вы меня принимаете? Эта девочка — дочь моего приятеля, мы поехали в Калифорнию на каникулы и взяли ее с собой. Это было как раз накануне Нашествия.

— Что ж, значит теперь вы одна семья, — говорю я сквозь зубы.

Растерянный отец оглядывает лица собравшихся.

— Я не знаю, что еще делать! Мне ее не сберечь, не прокормить... Ей будет лучше с кем-то еще. Или я просто ее оставлю. Мне нужно заботиться о семье. — Мужчина прижимает к себе родного ребенка, пряча ее от любопытных взоров. Девочка горько плачет.

— Она тоже твоя семья, — цежу я, дрожа от гнева.

— Слушайте, я старался! Все это время! — кричит отец. — Но больше так не могу. Я не знаю, как выживу сам и как защищу дочь. У меня опускаются руки. Я иду на крайние меры, чтобы спасти себя и своих близких.

Себя и своих близких.

Я вспоминаю мужчину, которого Пейдж нашла в магазине. Что случилось с людьми? Если мы разругаемся и разойдемся в разные стороны, то скоро и сами будем лежать в темноте, и никто нас не найдет, не предложит свою помощь. Мы будем медленно умирать, а потом нас просто съедят.

У того мужчины осталось только одно — карандашный рисунок ребенка, которого он любил. И тут я понимаю: этот мужчина, его дитя и моя сестра — звенья одной цепи, части большой паутины, имя которой семья. Вот что спасло мужчину от острых зубов Пейдж. Вот что напомнило ей о том, что нельзя сдаваться, что надо бороться за человечность.

Наконец я поняла, что Оби пытался сказать. Эти люди — уязвимые, вздорные, невыносимые люди — тоже моя семья. Я готова его проклясть за то, что он вызвал во мне эти чувства. Мне хватало проблем с мамой и Пейдж. Но я не могу спокойно смотреть на то, как люди, мои люди, ссорятся и разделяются, умирают и рвут друг друга на части в процессе.

— Мы тоже твоя семья. — Я повторяю слова Оби. — Ты не один. И ее мы тоже не бросим. — Я киваю в сторону дрожащей от страха девочки: она стоит посреди двора и никто к ней не подходит. — Сделай вдох. — Так со мной говорил отец, когда я срывалась и психовала. — Успокойся. Мы справимся с этим.

Люди глядят на меня, затем на остатки Сопротивления. На их лицах сотня эмоций.

— Вот значит как, да? — начинает один из борцов за свободу. — А кто же спасет нас? Кому хватит сил и безрассудства объединить народ, в то время как мы расшибаем лбы о врага, которого не победить?

Ветер треплет одежду на мертвецах.

— Я.

Неужели я это сказала? Не только сказала — поверила.

Никто надо мной не смеется, но эти пристальные взгляды... и пауза довольно затянулась.

Я пожимаю плечами. Говорить о себе как-то неловко, но надо.

— Я знаю об ангелах больше, чем кто-то из ныне живущих. И у меня есть... — Ах да, Мишутки-то больше нет. — Я подружилась... — С кем? С Раффи? Или Хранителями? Они же сегодня будут на нас охотиться. — Что ж... мне повезло с семьей.

— Мозги и семья, — резюмирует мужчина с глубоким порезом на голове. — В этом твоя суперсила?

— Мы можем пойти каждый своей дорогой и умереть в одиночку. — Мой голос становится тверже, тон холоднее и жестче. — Или останемся вместе и примем последний бой.

Я поведу за собой сопротивленцев Оби. Вернее, то, что от них осталось. Хочу я того или нет.

— Мы не станем бежать по углам и не станем играть в прятки, мы объединимся. Сильные и здоровые помогут слабым и искалеченным. Мы поищем самолеты, соберем все лодки в пределах залива и начнем переправлять людей на другой берег, в округ Марин. Нам нужны добровольцы, чтобы вести катера или грести на веслах.

Самолеты, конечно, есть — рядом аэропорт — но вряд хотя бы один можно поднять в воздух. С пилотами напряженка. К тому же небо во власти ангелов — все побоятся лететь. Лодки — другое дело. И управлять ими проще.

— До заката мы не успеем, — говорит кто-то в толпе.

— Вы правы, — киваю я. — Но мы сделаем столько рейсов, сколько будет возможно. Пока одних эвакуируют — другие займутся диверсией.

— Да кто на это пойдет?

Немного подумав, я отвечаю:

— Герои.

Остаться помочь или попробовать спастись в одиночку сопротивленцы решают быстро. Треть жителей лагеря покинула кампус, едва я закончила речь. Остальные не тронулись с места, включая здоровяков, которые точно могли бы уйти и вполне вероятно дожить до утра.

Относительно целые и невредимые помогают раненым рассестись по машинам. Пусть даже им не удрать далеко, здесь оставаться нельзя — это первое место, куда пожелают ангелы.

Мертвых приходится бросить, и мне стыдно — даже падшие провели церемонию для Велиала. Но у нас времени нет.

— Как далеко распространился огонь? — спрашиваю я близнецов на пути к глинобитному зданию, служившему Оби штабом.

— Когда мы уезжали, загорелся юг Маунтин-Вью, — отвечает Тру. — Можно проверить камеры, заодно узнаем, насколько усугубилась ситуация.

Система видеонаблюдения и разведки, хм...

— А можем мы сделать объявление?

Близнецы пожимают плечами.

— Кое-где в качестве камер мы разместили смартфоны и ноутбуки, можно послать на них сообщение. Но чтобы знать наверняка, надо спросить инженеров.

— Они все еще тут?

— Никто не покидал компьютерный зал, — отвечает Тру.

— Значит, шанс есть? — Мы идем по коридору в сторону бывшего класса информатики. — Все должны знать, что происходит.

Аудитория полна людей, портативных солнечных батарей, проводов, мобильных телефонов, планшетов, ноутбуков и аккумуляторов всех размеров и форм. Мусорная корзина забита обертками энергетических батончиков и всевозможных снеков. Шесть человек поднимают глаза на близнецов — Тру и Тра начинают рассказ о том, что случилось на школьном дворе.

— Мы в курсе, — перебивает парень с сонными глазами, на нем футболка с Годзиллой, крушащей небоскребы Токио. — Камеры периметра все зафиксировали. Двое парней смотались, но мы остались помочь. Указания будут?

— Ребята, вы лучшие! — радуется Тру.

Подготовка к эфиру прошла молниеносно. Когда все покинут Пэли-Хай, мы поставим запись на повтор — кто-нибудь да услышит.

— На закате нас атакуют ангелы, — говорю я в микрофон. — Их цель — убить как можно больше людей. Юг отрезан огнем. Я повторяю, юг отрезан огнем. Направляйтесь к мосту Золотые Ворота — туда будет прислана помощь, вас переправят в округ Марин. При желании и возможности — приходите к мосту Ист-Бэй. Чтобы другие выжили, мы проведем диверсию. Нам нужны любые бойцы. И чем больше нас будет — тем лучше.

Сделав глубокий вдох, я продолжаю:

— Эй, гангстеры недоделанные, я обращаюсь к вам! Как долго вы протянете сами по себе? Нам пригодится грубая сила. — Вот черт, я говорю как Оби. — Мы на одной стороне. Спасетесь сегодня, а завтра они вернуться и сотрут вас с лица земли. Уж лучше объединиться и дать серьезный отпор. Давайте уйдем с помпой, показав им, чего мы стоим. Мы ждем вас у Бэй-Бридж!

Мой голос звучит жестче, и я начинаю чеканить слова:

— Ангелы, если и вы развесили уши, знайте: хоть пальцем тронете беспомощных людей, и все поймут, что вы ничтожные трусы. Никакой славы — вечный позор. Настоящая битва пройдет у моста Ист-Бэй. Все те, с кем стоит сразиться, будут там и нигде еще. И поверьте, скучать не придется.

Не зная, как лучше закончить, я умолкаю на пару секунд, а затем говорю:

— Я — Пенрин Янг, дочь человеческая, истребительница ангелов — бросаю вам вызов!

Слова «дочь человеческая» будут всегда напоминать мне о днях, проведенных в компании Раффи. Раффи, который сегодняшней ночью откроет на нас охоту, и с ним будут его друзья, которых я по глупости считала и своими. Я — дурочка, решившая, что лев станет пушистым котенком и не станет ее убивать.

Говорила я убедительно, но пальцы онемели и дыхание сбилось.

— Истребительница ангелов? Вот это я понимаю! — улыбается Тра.

— Уверена, что это сработает? — хмурится Тру. — Ведь если они пойдут к Золотым Воротам...

— Не пойдут, — заверяю я близнецов. — Уж я-то их знаю. Где драка — там и они.

— Уж она-то их знает, чувак, — повторяет за мной Тра. — Все клево! Они припрутся задать нам жару к Ист-Бэй. — Он кивает, затем мрачнеет — до него доходит, что это значит. — Ой...

— Сообщение точно услышат? — меняю я тему.

— Можешь не сомневаться, — отвечает Тру. — Что-что, а сплетни распускать мы, люди, умеем. Слухи пойдут, и все о тебе узнают.

— И твоей родне, — добавляет Тра. — Но это другая история...

— Не бойся, им нужно за кем-то идти, — улыбается Тру. — А ты — наш единственный лидер.

Я забираюсь в огромный джип с двумя рядами задних кресел. Разместившись на том, что поближе к водителю, я наслаждаюсь ощущением мягкой кожи, люблю тонированным стеклом и первоклассной стереосистемой. Всем тем, что раньше принималось как должное, и чего у нас больше не будет.

Пейдж летит со своей саранчой, а наша мать ведет автобус, полный бритоголовых сектантов. Те клянутся, что не причастны к моему похищению, но я не знаю, чего от них ожидать. С другой стороны, соседство с моей мамой — весьма опасная штука, им бы лучше держать ухо востро.

Услышав мое сообщение, люди подумают, что у нас есть план. Загвоздка в том, что плана у нас нет. Все, к чему мы пришли на данный момент: одни отвлекут ангелов у Ист-Бэй, другие пересекут залив у моста Золотые Ворота.

Справа от меня сидит женщина, руководившая международными продажами Apple, слева — бывший военный, называющий себя Полковником. Оба принимали участие в делах Совета.

Старый вояка косит на меня с подозрением. Он сразу заявил, что байкам про «эту девчонку» не верит ни грамма. А если истина в них есть, то я все равно лишь «массовая галлюцинация, взращенная на почве отчаянья и надежды».

Но он все еще здесь, готов нам помочь, и о большем я не прошу. Хотя без его недоверчивых взглядов я бы вполне обошлась.

Док и Сэнджей занимают места за нами. Похоже, ученые спелись. И Сэнджею не важно, заметит ли кто, что он на короткой ноге с Доком.

Присутствие последнего напрягает моих соседей, но даже они согласны, что другого спеца в ангело-монстрологии у нас, к сожалению, нет. Синяки Дока с нашей последней встречи ничуть не посветлели, но новых не появилось. Людям не до него — слишком заняты выживанием.

Близнецы садятся вперед. Они успели сменить имидж: блондинистые шевелюры превратились в синие. При этом цвет лег как-то неровно — видно, что ребята спешили.

— И как это понимать? — спрашиваю я. — Не бойтесь, что ангелы заметят ваши симпатичные макушки с высоты птичьего полета?

— На нас боевая раскраска, — отвечает Тру, пристегивая ремень безопасности.

— На волосах, вместо лиц, — Тра заводит мотор. — Не хотим быть как все.

— Кроме того, ядовитым жабам плевать, заметят ли их птички, — говорит Тру. — И ядовитым змеям тоже. Короче, у всех опасных созданий довольно яркий прикид.

— Так вы ядовитые жабы?! — решаю я уточнить.

— Ква-ква, — выдает Тру. Он поворачивается ко мне и высовывает язык синего цвета.

Я округляю глаза.

— Языкам тоже перепало?

Тру улыбается:

— Энергетик им перепал. — Он поднимает полупустую бутылку «Gatorade» с жидкостью цвета индиго. — Попалась! — подмигивает он мне.

— Имидж ничто — жажда все, — резюмирует Тра, когда мы сворачиваем на Эль-Камино-Реал.

— Нет, не то, — качает головой Тру. — Это слоган какой-то другой марки.

— Вот уж не думал, что брякну такое, — признается Тра, — но я реально скучаю по всяким маркетинговым штучкам. Ну там: «Не дай себе засохнуть!», «Бери от жизни все!», «Невозможное возможно!». Столько дельных советов можно почерпнуть из рекламы! Все, что нам нужно — крутой маркетолог, новый продукт и забойный слоган. Типа: «Убейте их всех, а там уж бог разберется»^[4].

— Вообще-то, это не слоган, — говорю я.

— Раньше эта фраза вряд ли бы стала девизом дня, — пожимает плечами Тра, — а сейчас она в самый раз. Нормальный рекламный призыв! Осталось решить, чем будем торговать, и мигом разбогатеем. — Он отворачивается от меня, выгибает бровь и смотрит на брата, а тот, отзеркалив мимику близнеца, отвечает ему тем же.

— Что насчет стратегии выживания? Сможем ли мы выбраться из этого кошмара? — спрашивает Полковник.

— Шиш с прицелом вместо стратегий. Я не знаю, что делать с этой кровавой охотой, — отвечает ему Тру.

— А я говорю не об этом кошмаре, — поправляет его Полковник. — Смерть от чуши, которую вы несете — вот, что имелось в виду.

Близнецы разевают рты и глядят друг на друга, расширив глаза, как нашкодившие малыши.

Я расплываюсь в улыбке. Приятно, что эта роскошь по-прежнему мне доступна. Несмотря ни на что.

А затем мы переходим к делу.

— Как там дела с чумой? Ангельским попкам грозит пандемия? — спрашивает Тру.

Док качает головой:

— Даже если вирус подействует, до пандемии нам далеко — минимум год. Мы не знакомы с физиологией ангелов, и тестировать штамм было не на ком. Правда, есть шанс, что чума все равно унесет несколько жизней, и случится сие очень скоро.

— И как же это случится? — спрашивает Полковник.

— Для инсценировки Конца Времен ангелы вывели не только саранчу. Есть еще один монстр, — отвечает Док. — Инструкции были весьма специфичны: семь голов от семи разных животных.

— Шестерка? — спрашиваю я. — Кажется, мы встречались.

— Шестерка с семью головами? Где связь? — удивляется Сэнджей.

— В трех шестерках на лбу.

Тра с ужасом расширяет глаза.

— Ангелы звали его Зверем, — говорит Док. — Но твой вариант мне нравится больше.

— Седьмая голова принадлежала человеку, и она была мертвой, — добавляю я.

— Но с Шестеркой все было в порядке? — уточняет Док. — А с ангелами вокруг?

— Определенно в порядке. Ни кашля, ни насморка, ни тошноты у пернатых я не заметила. Да я и не смотрела, если честно. А что?

— Их было три...

— Три таких твари?

— Таких же, но в разной комплектации. В одном организме скрестили слишком много животных, и добром это кончиться не могло. Пока над ними трудились, Лейла, главврач, работала над чумой для людей. Она стремилась к наиболее жуткой версии болезни, к самым

страшным последствиям. Череда бесконечных опытов привела к тому, что один из штаммов попал на Шестерок.

Я помню разговор Уриила с Лейлой, состоявшийся накануне последней вечеринки в обители. Он серьезно на нее давил, требуя урезать сроки и начать апокалипсис как можно скорее. Похоже, Лейла была в запарке, стараясь ему угодить. И спешка вышла ей боком.

— Ангелы-ученые заразились от монстров. А через пару дней снова вошли с ними в контакт... И истекли кровью самым кошмарным образом. Я уверен, это не только мерзко, но и мучительно больно. Они так бились над созданием недуга, который уничтожил бы нас, а тот предпочел истребить ангелов и саранчу. Люди были в порядке, равно как и Шестерки — они разносят заразу, но сами к ней невосприимчивы.

— И одно из этих чудовищ где-то надежно спрятано? — спрашиваю я.

— Нет, все зараженные Шестерки были убиты. Ангелы не любят грязной работы, так что от тел избавлялся я. Прежде чем их хоронить, я забрал две ампулы крови. Первую использовал при создании второй партии этих монстров. Надеялся на новую вспышку чумы.

— И как? — Теперь я думаю о Раффи.

— Черт его знает. После первой катастрофы проекты разделили, мы все разъехались по разным лабораториям и я не смог отследить результат.

— А что случилось с ампулой номер два?

— На ее основе мы и пытались создать свою версию чумы.

— Но безуспешно?

— Пока да, — разводит руками Док. — Для этого нужно время.

— Времени нет, — говорит Полковник. — Какие еще идеи?

Нам нужно придумать, как пережить грядущую ночь. Но мы ходим по кругу. А ведь к Бэй-Бридж может никто не прийти, и мы будем совсем одни.

Двигаясь вдоль полуострова, мы говорим о грядущей ночи.

А затем еще говорим.

И, как ни странно, опять говорим-говорим.

Стараюсь не зевать, но тщетно — я словно неделю уже не спала.

— Вряд ли ангелам известны названия наших мостов, — говорит Полковник. — Необходима приманка.

— Какого рода приманка? — спрашивает Тру.

— Подвесим новорожденных за пятки с моста Ист-Бэй?! — предлагает Тра.

— Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, — отзывается Док.

Я потираю лоб. Головные боли — не про меня, но безнадежный пустотреп любого доконает. Ну что поделать, я не мастак генерировать — действую по обстоятельствам.

Взгляд падает на пейзаж за окном, монотонная болтовня вводит меня в транс, а еще недосып...

Мы движемся по побережью на север Сан-Франциско. Искрящийся океан похож на россыпь бриллиантов, которые только и ждут, чтобы их положили в карман, но без волшебства такое не провернуть.

Поднявшийся ветер срывает с земли листья и мелкий мусор, который вряд ли бы кто увидел на скоростных трассах Мира До. Но с тех пор многое изменилось.

Я лениво слежу за обрывком бумаги, порхающим над дорогой. Он танцует: то подлетая, то опускаясь, выписывает пируэты, а затем приземляется на воду, и на поверхности расходятся сияющие круги.

Сквозь призму моей полудремы, кажется, что это флаер Шоу Талантов.

«Приходи сам, приводи друзей на крутейшее шоу планеты всей!». Как-то так, да?!

Я представляю близнецов, стоящих на деревянных ящиках из-под яблок, на них полосатые костюмы и шляпы как у ярмарочных зазывал. И они обращаются к беженцам: «Подходи ближе, народ! Вас ждет великолепнейшее шоу за всю историю человечества! Погалдим, покричим, поедим попкорн! Последний шанс! Последний шанс блеснуть своим талантом!».

Вот оно!

Я тут же выпрямляюсь и чувствую себя бодрой как никогда. Сэнджей опять заводит шарманку об ангельских организмах и как бы ему хотелось побольше о них знать. Я дважды моргаю и вмешиваюсь в беседу.

— Шоу Талантов! — говорю я близнецам, расширив глаза. — Кто устоит перед Шоу Талантов?!

Все думают, я повредила умом — это видно по их глазам. На что я отвечаю странной улыбкой.

К Золотым Воротам мы добираемся после полудня. Смеркаться начнет часов через шесть.

Популярная достопримечательность Мира До полуразрушена, как и другие мосты залива. Вертикальные тросы, прикрепленные к горизонтальному, качаются на ветру. В четырех местах обвалился бетон, посередине — огромная дыра. Одна из секций держится на честном слове, и не думаю, что долго протянет.

Совсем недавно мы пролетали над этим мостом с Раффи.

Я покидаю авто, и меня начинает морозить. Соленый воздух на вкус как слезы.

У кромки воды топчутся несколько человек. Они ждут, пока им скажут, что делать. Я не рассчитывала на столпотворение, но думала, людей будет больше.

— Мы те, кто спас пленников Алькатраса! — кричит Тру. Он ведет себя так, будто выступает перед внушительной аудиторией. — Слыхали об этом, да? Лодки, на которых мы совершили побег, вот-вот прибудут сюда. И когда это случится, постарайтесь быть полезными. Помогайте друг другу, творите добро...

— А кто не настроен творить добро, — подхватывает Тра, — пусть шурует к мосту Ист-Бэй! Покажем ангелам, где раки зимуют!

Я оглядываюсь по сторонам и понимаю, что народу куда больше, чем мне показалось сначала. За деревьями, машинами и яхтами, выброшенными на берег, мелькают одежда, шапки, рюкзаки и оружие.

Все прячутся где-то поблизости: слушают, наблюдают, готовые исчезнуть при первых же признаках опасности. Некоторые выкрикивают из своих укрытий:

— Мертвые правда воскресли?

— На нас нападут демонические твари?

Я отвечаю на все вопросы по мере своих возможностей.

— Ты Пенрин? — раздается возглас из-за деревьев. — Та самая истребительница ангелов?

— Да, черт возьми! — восклицает Тра. — И сегодня вы в этом убедитесь. Каждый из вас сможет стать истребителем ангелов!

Тра кивает в сторону машины.

— Вперед, — говорит он нам. — Я немного пощечу тут про Шоу Талантов и вас догоню.

Тру ухмыляется:

— Представляешь, какую кассу мы соберем?

— Эпичную! — отвечает Тра и с важным видом шагает к толпе.

Я следую за Тру к машине. Женщина из Apple на пару с Полковником остаются следить за процессом эвакуации, остальные поедут к Бэй-Бридж готовиться к битве.

— А что, если кто-то схватит лодку и отчалит восвояси? — спрашиваю я, когда мы поворачиваем к городу.

От одной только мысли об этом сводит живот.

— Хотя бы половина этих ребят не подведет нас, поверь. Мы выбрали семейных парней, у которых на берегу останутся близкие. — Тру кивает в сторону людей у воды, между которыми ходит Тра, анонсируя Шоу Талантов. — По счастливой случайности, —

добавляет он, объезжая рухнувший электростолб, — мы перепрыгали главный приз: он на другой стороне Золотых Ворот.

— Приз?

— Для Шоу Талантов.

— Для чего же еще?! — Сэнджей парадирует голос Тра.

— Мы держали его подальше от загребущих ручек, — поясняет Тру. — А в свете последних событий тайник превратился в крепость. Лучше и не придумаешь.

— И каков главный приз?

— Ты не в курсе?!

— Какой-то там кемпер, — отвечает Сэнджей скучающим тоном.

— Чего-о? — Тру бросает на Сэнджея убийственный взгляд в зеркало заднего вида. — Это не просто кемпер! Ручная сборка, пуленепробиваемость, роскошный транспорт для отдыха! И это еще не все!

Приподняв брови, я разыгрываю заинтересованность.

— Не дрейфь, мой юный падаван. Тебе откроется суть фантастичности Тру-Траляляшных близнецов, когда придет время!

— Уверена, мы все повеселимся, независимо от приза и прочих мелочей. — И вот я уже не Оби, а терпеливая мамочка.

Мамочка? Я морщу нос. Тру демонстрирует ключи.

— Естественно, не все так просто. Победителю придется пережить Шоу Талантов, а затем выцарапать их из моих окоченевших пальцев. — Он прячет связку в кулаке, а затем она исчезает.

— Не сомневаюсь, что оно того стоит, — киваю я.

— Видишь?! — обращается Тру к Сэнджею. — Вот почему лидер *она*! Девчонка знает, о чем говорит.

В том-то и дело, что я не знаю.

Мы достигаем Ист-Бридж, и становится ясно — там никого нет.

Плечи опускаются, когда я вижу пустые улицы и акваторию. Объявление транслируется по всему полуострову. И бывшие сопротивленцы в курсе, где собираются те, кто готов сражаться. Понятное дело, армии здесь не будет, но чтобы вот так...

— Время поджигает! — говорит Тру, вылезая из машины. — Ребята уже выгружают вещи.

Я смотрю в указанном им направлении — на берегу свалена целая груда мебели.

А вот и наш транспорт, — кивает Тру в сторону парома, плывущего к берегу. Он явно был белым когда-то, а сейчас как будто надел камуфляж.

— Что ж, справимся вчетвером. — Я пытаюсь звучать как чирлидер из группы поддержки.

— Втроем, — поправляет меня Сэнджей. — Я помогу с подготовкой, но парни вроде меня... мы любовники, а не борцы.

— Поздравляю, теперь ты борец, — говорю я, толкая его к воде.

* * *

К двум часам дня с самодовольной улыбкой возвращается Тра. Судя по всему, со своей задачей он справился. Да и люди понемногу прибывают, теперь нам удастся сделать что-то

толковое. Дерево, молотки, гвозди, стереосистема и мощное осветительное оборудование уже переправлены на островок моста, который и станет местом последней битвы.

К трем часам появляются первые банды. К этому времени на берегу толпится приличное число беженцев и борцов за свободу, среди них и солдаты территориальных войск, рассредоточенные по полуострову согласно приказу Оби — они услышали наше объявление и поспешили вернуться.

— Лучше сдохнуть мужиком, чем прятаться, как таракан, — изрекает бородатый парень, возглавляющий группу татуированных здоровяков.

Если кто-то еще не успел испугаться, самое время дрожать. Рядом с нами те, кого мы избегали с первых же дней Нашествия.

Новичкам, клюнувшим на грядущую заварушку, быстро становится скучно, и они затевают разборки из оперы «Кто здесь главный?». Людей притесняют: прогоняют из тени на солнцепек, отнимают положенную еду.

Все измучены, испуганы и, похоже, всерьез намерены передрасться между собой. Понятия не имею, как Оби с этим справлялся. Я бы и рада придумать крутой способ удрать, спрятаться и переждать опасность, но с таким количеством людей — раненых и не очень — это невыполнимо. И я возвращаюсь к стратегии последнего рубежа.

Последний рубеж — звучит нехорошо. Неужели я переняла руководство Сопротивлением только затем, чтобы оно пошло ко дну?

К берегу продолжают съезжаться новые группировки. Их становится больше и больше, отличать одну от другой помогают цвет рубашек, формы татуировок и прочая ерунда. Начинаются стычки и споры, причины просты: расовая принадлежность, религиозные убеждения, статус. Выходцы из неблагополучных районов выступают против банд Ист-Пало-Альто.

— Взрывоопасная комбинация, — комментирует ситуацию Док, вызвавшийся быть полевым медиком, несмотря на гипс. Все мы знаем, что пойти к Золотым Воротам он просто не мог. Беженцы из Алькатраса, которых там будет полно, никогда не оставят его в покое.

— Следить за этим балаганом осталось всего ничего, — отвечаю я. — Они — здоровые и сильные мужики, и без них нам сегодня не обойтись.

— Когда Оби просил его подменить, он, вероятно, имел в виду не только сегодняшний день, а более долгий срок. — Док похож на студента, но говорит, как один из седовласых преподавателей в моей бывшей школе.

— Оби выразился ясно, — отмахиваюсь я. — Не дать людям умереть — вот моя задача. Если они понаставят друг другу синяков, пока я пытаюсь спасти им жизни, значит, будут ходить с синяками.

Близнецы кивают, впечатленные моей жестокостью из лучших побуждений.

— Мы с этим разберемся, — говорит Тру.

— Каким образом? — спрашиваю я.

— Привычным, — отвечает Тра.

— Дадим людям желаемое, — поясняет Тру, направляясь к враждебно настроенным членам группировок.

Братья поднимают руки и пробираются в самую гущу толпы, требуя внимания. Затем что-то всем говорят и все, как ни странно, слушают.

От каждой из противоборствующих сторон выходит по человеку. Один из близнецов проводит с ними инструктаж, а второй фиксирует на бумаге зрительские ставки. Вокруг

бойцов формируется круг.

И как по команде все начинают кричать. Кольцо сжимается, и некоторые подпрыгивают на месте, пытаясь разглядеть происходящее.

Догадаться не трудно: близнецы загнали агрессию в рамки и запустили тотализатор. Все счастливы.

Неудивительно, что Оби держал братьев поблизости, невзирая на их выходки.

* * *

К четырем часам артистов становится столько же, сколько бойцов. Я слишком занята, чтобы думать о Раффи, но он по-прежнему где-то там, на задворках разума.

Неужели он так поступит? Убьет людей, ища одобрения ангелов? А если нам придется бороться друг с другом? Он и меня прикончит как дикого зверя?

Конец Света выявляет в людях не лучшие качества. Раффи видел, как мы творим ужасные вещи. И я бы хотела показать ему обратную сторону — самое светлое, что в нас есть. Но мечтать не вредно.

Среди добровольцев я вижу знакомые лица, Тату и Альфа из Алькатраса одни из них. Вообще-то зовут их Дуэйн и Рэндалл, но я по привычке использую старые прозвища. Остальные взяли с меня пример, и, если ребята не пресекут это дело — и поскорее — клички приклеятся к ним навсегда.

Многие из нас представляются новыми именами. Будто все мы стали немного другими людьми и имена Мира До больше нам не подходят.

Я поднимаю голову, заметив, что люди расступаются, пропуская человека в костюме и шоферской фуражке. Он направляется прямо ко мне, а все с ужасом изучают его лицо, вернее, ту часть, где должна была быть кожа, а теперь только плоть и обнаженные зубы.

— Я слышал твое объявление, — говорит он в своей жуткой манере. — Рад, что ты выбралась из обители. Я здесь, чтобы помочь.

Я слегка улыбаюсь в ответ.

— Спасибо, помощь нам пригодится.

— Причем прямо сейчас, — кричит Сэнджей, шатаясь под весом тяжелой кипы досок.

Мой бывший шофер бросается к нему и подхватывает ношу.

— Фух, — выдыхает ученый с видимым облегчением. — Спасибо.

Меня мутит от мысли о том, что все эти люди скоро умрут, потому что доверились мне. Мне, внушившей им не прятаться, а бороться.

Солнце играет на темной воде залива. Еще не вечер, но небо уже пламенеет, к нему подбирается тьма. Вдалеке, на южной оконечности полуострова, горизонт заволокло дымом.

Нет, это не зловещее зарево преисподней, но она все равно приходит на ум. Забавно, но вместо того чтобы быть удушливо-красным, наш тлеющий мир просто великолепен. Небо цветет пламенными тонами: желтым, оранжевым, алым, малиновым и пунцовым. По нему плывут чумазные облака, они растворяются в красках, то оттеняя, то приглушая нюансы.

Здесь, на бетонном островке, который некогда был частью моста между Оклендом и Сан-Франциско, волнение можно потрогать. Каждый в этой толпе — а теперь мы уже толпа — комок оголенных нервов. Все бродят туда-сюда по разрушенной переправе, помогая по мере своих сил.

Члены банд поскидывали рубашки, оголив татуировки. Они поигрывают мышцами, карабкаясь на верхние тросы подвесного моста, чтобы развесить прожектора и усилители звука, и делают это на скорость. Близнецы объявили награду: нечто, ради чего стоит рискнуть шейей, вкупе с авторитетом.

Пока конкурсанты репетируют номера, из сколоченных вместе деревянных ящиков на островке вырастает сцена. Благодаря ступенчатой структуре с нее можно быстро спуститься — маневренность нам важна.

Мимо проходят парни в сером камуфляже: с большими наушниками на шеях — такие мне тоже выдали — и приборами ночного видения на головах — а этого мне не досталось. У ребят за плечами винтовки, а у меня в карманах лишь пара ножей. Огнестрельного оружия всем хватает, но пули лучше доверить экспертам.

Несколько бойцов облачились в какие-то лохматые палатки, в которых похожи на чудищ болотных.

— Что это на них? — спрашиваю я.

— Маскхалат, — бросает Тра-Тру на ходу, таким тоном, как будто бы все объяснил.

— Ясно, — киваю я, хотя ничего не ясно.

Я оглядываюсь по сторонам, проверяя, не нужна ли кому помощь. Все чем-то заняты: Тру — организацией шоу, Тра репетирует эвакуацию с теми, кто не планирует драться; Полковник и та женщина, которую я про себя называю тыло-снабженкой, на мосту раздают народу задания и следят, чтобы все были при деле.

Док открыл импровизированный медпункт, однако все обходят его десятой дорогой, пока совсем не прижмет. Должна признаться, меня впечатляет его преданность людям, но в моих глазах он останется монстром за все, что успел натворить.

Там, где мост обрывается, на торчащей из бетона арматуре присела моя сестра и болтает ногами в воздухе. Рядом с ней свернулись калачиком две саранчи, а третья хвостатая тварь летает кругами напротив. И, похоже, она ловит рыбу. Вблизи четверки совсем никого нет — люди решили держаться от них подальше.

Присутствие сестры немного меня пугает. Это опасное место. Но как бы я ни старалась, ни мама, ни Пейдж уходить не хотят. Они собрались бороться, а я — умирать от беспокойства. С другой стороны, Нашествие всем преподавало хороший урок: разлучишься с близкими и родными хотя бы на миг, и возможно больше их не увидишь.

В голове в тысячный раз за день всплывает лицо Раффи. У него лукавые глаза, и он

смеется над моим нарядом — воспоминание о пляжном домике. Я задвигаю его подальше. Сомневаюсь, что резать людей Раффи станет с таким же лукавым взглядом.

Мама где-то поблизости в компании завернутых в простыни сектантов. На каждой из бритых голов красуется знак прощения.

По словам мамы, они обязаны искупить свой грех, но я бы предпочла, чтобы их здесь не было вовсе. С другой стороны, если этим ребятам так хочется очистить совесть — они на верном пути. Моя мать не позволит им пугаться у других под ногами, а затем заставит платить по счетам. В этом я просто уверена.

Похоже, помощь моя пригодится только команде, трудящейся над сценой. Я беру молоток и опускаюсь на колени, готовая работать наравне со всеми. Парень, сидящий рядом, с грустной улыбкой подает мне гвозди.

Незавидная участь лидера. Не знаю, чем думают жаждущие власти, вроде Уриила. Насколько я поняла, на плечи власть имущих ложится колоссальная ответственность, при этом от грязной работы и промежуточных дел их никто не освобождает.

Я забиваю гвозди, пытаюсь собраться с мыслями и не психовать.

Солнце садится за горизонт, разливая золото по воде. Над заливом собирается туман. От этой, казалось бы, умиротворяющей картины, у меня застывает кровь.

Ладони леденеют, руки не слушаются, и я все жду, что вот-вот начну выдыхать пар. Из тела будто выкачали кровь, и я ощущаю, как бледнеет мое лицо.

Мне страшно.

До этой минуты я правда считала, что все получится. В теории план был обалденным. Но теперь, на закате дня, когда все потихоньку идет к финалу, я боюсь за этих людей. Я попросила — они пришли. Я сказала — они поверили. Кого они слушают?! Ту, у которой в графе «адекватный план» стоит жирный-прежирный прочерк?

Людей собралось больше, чем было нужно. И поток не иссякает: к мосту прибывают лодки. Чтобы отвлечь ангелов от Золотых Ворот толпа была ни к чему — только ее видимость. Феноменальная явка — наша вина: надо было ограничить количество диверсантов. Но мы-то думали, никто не придет. Три человека сверх — и мы бы поверили в чудо. А тут...

Они же знают, что нам грозит. Знают, что это последний рубеж. Что большинство из них будет жестоко убито.

И все равно продолжают идти. Десятками, даже сотнями.

Без разбору: раненые и больные, дети и старики — все они здесь, толпятся на островке из бетона и стали. Слишком. Много. Людей.

Они угодили в смертельную западню. У меня дурное предчувствие... Шум, свет, Шоу Талантов черт подери — во время Конца Времен? О чем я вообще думала?!

Несмотря на толчею, все держатся на почтительном расстоянии от шторок и ширм, расставленных рядом с подмостками.

Тру хватается за край сцены и запрыгивает наверх.

— Постарались на славу, ребята! Пару-тройку часов она простоит. А больше нам и не надо. — Он прикладывает ладони ко рту на манер рупора и кричит: — Народ, шоу начнется в десять!

Странно, что он обратился не к тем, кто сейчас в «гримерках», а сразу ко всем собравшимся. Хотя, пожалуй, он прав. Сегодня мы все артисты.

Я прокладываю путь к Тру, борясь с подступающей паникой. В последний раз на таких

подмостках я стояла во время вечеринки безумных ангелов, решивших уничтожить каждого человека в обители, ведь это так весело и справедливо. На их взгляд.

А сегодня передо мной столь же многочисленная толпа людей. Но от них исходит совсем другая эмоция — страх на грани истерики. Ничего общего с ангельской кровожадностью.

На мосту яблоку негде упасть. Единственным ограничением служат размеры бетонного островка, который мы выбрали полем для битвы.

Люди стоят впритык к обломанным краям Бэй-Бридж, из которых, как мертвые руки, к воде тянутся штыри арматуры. На плечах собравшихся — дети. На подвесных тросах, чьи макушки спрятал туман, разместились подростки и члены уличных банд.

Дымка над водой становится гуще, и это меня беспокоит. Более чем беспокоит. Как бороться с врагом, которого ты не видишь?

Нас около тысячи. Близнецы, как и я, ошарашены этим фактом.

— Что за черт, — бормочу я, подбегая к сцене.

На братьях одинаковые лоскутные наряды бродяг, дополненные клоунскими лицами и огненно-рыжими шевелюрами. У каждого в руке по микрофону, похожему на большущий рожок мороженого.

— Почему здесь так много людей? — Я смотрю на них озадаченно. — Мы же оговорили риски. У этих ребят проблемы со здравым смыслом?!

Тру убеждается, что микрофон выключен и говорит:

— Дело не в здравом смысле. — Он с гордостью обводит взглядом толпу.

Тра повторяет манипуляции брата.

— Не в логике, не в практичности, и ни в чем, что хоть как-то связано с рациональностью, — широко улыбается он.

— В этом и фишка Шоу Талантов, — кружится Тру на месте. — Оно противоречивое, хаотичное, глупое и чертовски веселое. — Остановившись, он добавляет: — Знаешь, в чем разница между людьми и мартышками? В животном мире талантами не хвастают на сценах.

— Эм... ладно, но это опасно.

— Это мне крыть нечем, — пожимает плечами Тра.

— Они в курсе опасности, — кивает Тру на толпу. — Знают, что на эвакуацию будет всего двадцать пять секунд. Понимают, на что идут.

— Возможно, все устали вести себя как крысы: копошиться в мусоре и вечно убегать, спасая облезлые шкуры. — Тру показывает язык малышу, сидящему на плечах у отца. — Быть может, им хочется снова побыть людьми. Хотя бы пару часов.

Я задумываюсь над его словами. С тех пор, как на землю спустились ангелы, мы все постоянно пряталась — даже банды, и те боялись. Насущными проблемами стали поиск крова и пищи, удовлетворение базовых потребностей. Мы постоянно волновались о близких, проживут ли они еще один день. И дрожали из-за монстров в ночи, сжирающих нас заживо.

И к чему мы пришли? К Шоу Талантов! Нелепая, абсурдная затея. Глупая и смешная. Но веселиться мы будем вместе. Мы станем частью единого целого. Зная о случившихся кошмарах и кошмарах, что вот-вот произойдут, мы все равно продолжаем жить. Возможно, в этом искусство быть человеком.

Вот только среди людей я порой ощущаю себя марсианкой.

— Или, — говорит Тра, — они здесь, потому что мечтают о, — он включает микрофон, — сверхъестественно-охрительном кемпере! — Он взмахивает рукой в сторону импровизированных кулис.

Стемнело еще не полностью, и проекция несколько тусклая — на ней пресловутый кемпер ручной сборки.

— Глаза вас не подводят, леди и джентльмены, — продолжает Тру. — Это он — невероятный, лучший из лучших, единственный в своем роде! Во сколько бы вам обошлась подобная красотень, живи мы сейчас в Мире До? Уж не в сотню ли тысяч баксов?!

— В миллион, — поправляет его Тра.

— Выше бери — в десять! Мало ли какие у клиентов закидоны, и комплектация на цену влияет, — рассуждает Тру.

— Эта прелесть пуленепробиваема, — добавляет Тра.

Толпа затихает.

— Да, вы не ослышались, — кивает Тру.

— Пуленепробиваемая, — повторяет Тра.

— И ударопрочная, — улыбается Тру.

— А зомбинепроницаемое стекло выгодно оттеняет изящество домика на колесах, — продолжает Тра.

— Кемпер оборудован сверхчувствительной системой контроля проникновения; камерами с обзором в триста шестьдесят градусов — налюбуетесь окрестностями; датчиками движения — никаких непрошенных гостей. Но еще круче... — на проекции появляется интерьер. — Невиданная роскошь Мира До, — выдыхает Тру.

— Кожаные сидения, роскошные постели, обеденный стол, телевизор, стиральная машина, и ванная комната с душевой кабиной, — подхватывает Тра.

— Тем, кто не понял, в чем прелесть ТВ-экрана, сразу хотим сказать: в салоне припрятана мега-коллекция DVD. Кому нужны прямые трансляции и кабельные каналы, когда ты сам себе режиссер?!

— Мы неделю его гребали: пачкали и царапали. Сердце кровушкой обливалось! Но поверьте, в наши дни убогость превышает всего! Богатеев на трассах не любят.

— Забыл сказать о колесах, — вспоминает Тру. — Если спустить все четыре шины, они проедут еще двести миль кряду! Они заберутся на горы и на холмы, а если приспичит — и на машины тоже. Вездеход вашей мечты, леди и джентльмены! Сильнее этой крошки мы любили только нашу мамочку.

— Держите крепче лотерейные билеты, — предупреждает Тра. — Они сегодня ценнее жизни!

А, теперь я понимаю, в чем дело. Да, многие пришли сюда бороться за выживание нашего вида, но давайте посмотрим правде в глаза, среди них немало и тех, кто явился за кемпером Мира После.

Проекция гаснет. Зажигаются рампы и прожектора. Я немного ежусь в свете ярких лучей, но куда деваться — все должно быть эффектно.

С воем, переходящим в пронзительный визг, оживают громкоговорители. По каркасу моста пробегает резонанс.

Я изучаю темнеющие небеса, но кроме восхитительного заката, подсвечивающего клочки тумана, ничего не вижу. Небо — потрясающий фон для шоу, а то и его конкурент.

Тру и Тра танцуют на сцене джигу, затем кланяются в ожидании оваций, как бродвейские артисты. Раздаются приглушенные, нестройные и боязливые аплодисменты.

— Воооооу! Уааааа! — протяжно кричит Тру в микрофон, и звук прокатывается над толпой. — Черт, как же здорово пошуметь. Народ, хватит стесняться!

— Раз уж мы решили восстать, так давайте восстанем со вкусом, гамом и тарарамом! — кричит Тра.

— Вперед! Выплеснем все, что накопилось! Готовы?! Поехали!

Близнецы орут в микрофоны, и в их голосах все грани подавленных чувств: от восторга до гнева, от радости до агрессии.

Поначалу отклика нет — всего-то пара людей. А затем еще. И еще. И вот уже вся толпа кричит изо всех сил.

Возможно, впервые с момента Великой Атаки мы используем наши связки в полную

силу. Волна эйфории и страха взмывает над Ист-Бридж. Одни начинают плакать. Другие громко смеются.

— Вот это да, — выдыхает Тра. — Сколько же в вас эмоций!

— У-ва-жу-ха! — Тру стучит кулаком в грудь и низко кланяется публике.

Галдеж длится еще немного, а затем все умолкают. Люди на нервах, и в то же время полны предвкушения. Кто-то хмурится, кто-то доволен. Но все они здесь, живые как никогда.

Я становлюсь в углу сцены и принимаюсь смотреть по сторонам. Все, кто вошел в состав наземной команды — и я в том числе — занимают выжидательную позицию. Мы выступим, когда действия развернутся непосредственно на мосту. Я вглядываюсь в горизонт. Пока никого. Видимость из-за тумана пострадала, но ангельский сонм я бы заметила точно.

Под Бэй-Бридж курсируют лодки, с которых сопротивленцы бросают в залив рубленую рыбу и звериные потроха. Вода приобретает красный оттенок.

Близнецы с глупейшими улыбками приветствуют собравшихся:

— Леди, джентльмены, и те, кто не подпадает ни под одну из этих категорий, я — ведущий церемонии, Труляля. — Поклон. — А это мой соведущий, мой брат и мое проклятие, Траляля.

Толпа ликует. Либо близнецы мега популярны, либо людям понравилось кричать. Братья глубоко кланяются, синхронно салютуя руками.

— Мы приготовили для вас неповторимое, уникальнейшее шоу! Ни цензуры, ни правил, сплошная обалденность!

— Мы не несем ответственности ни за что плохое, что может сегодня случиться, — заявляет Тра.

— Но это мы в ответе за все потрясающие, фантастические и веселейшие моменты, от которых вам никуда не деться, — добавляет Тру.

— И без лишних предисловий, — говорит Тра, — позвольте представить конкурсантов Первого Ежегодного Шоу Талантов Мира После. Балет Сан-Франциско!

Оцепенение и тишина, все с трудом верят услышанному.

— Да, народец, вы не ошиблись, — усмехается Тру. — Балетная труппа Сан-Франциско готова порадовать ваши глазки, везунчики вы мои.

— Говорил же, по улицам бродят таланты! — восклицает Тра.

Три женщины в балетных пачках и четверо мужчин в розовых лосинах появляются на сцене. В каждом движении — профессиональная грация. Артисты занимают свои позиции, а одна из балерин, забрав у Тру микрофон, замирает в центре и ждет, пока все замолчат.

— Пару месяцев назад коллектив Балета Сан-Франциско насчитывал более семидесяти танцоров. Мы — всё, что от них осталось. Мир рухнул, а с ним и привычная жизнь. Как и вы, мы решили остаться с семьями, пытались найти любимых. Но для нас балетная труппа — вторая семья. А потому мы неустанно искали среди руин театра и танцевальной студии тех, кто уцелел. Из двенадцати нашедшихся не все дожили до этого дня. Мы представим вам танец, над которым работали в день Нашествия. Он посвящается членам нашей балетной семьи, которых сегодня с нами не будет. — Ее голос чист и силен, он пролетает над толпой, словно ветер, ласкающий шею.

Балерина возвращает микрофон и занимает место на сцене. Танцоры становятся в линию, но не рядом друг с другом, а в каком-то случайном порядке. Мое воображение заполняет пустоты теми, кто эти места уже не займет.

Включается музыка, лучи прожекторов следуют за артистами, высвечивая прыжки и пируэты. Странный и изящный постмодернический балет, в котором большинство танцоров отсутствуют.

В определенный момент пара — мужчина и женщина — выходят в центр и двигаются вместе, в то время как остальные стоят позади, покачиваясь на носочках. Проникновенно и романтично.

Эту пару сменяет другой танцор. По пространству между его руками, по печальным изгибам тела, все понимают, что его партнерша потеряна.

Следом за ним выходят и остальные. И каждый танцует с призраком прошлых дней.

Они поглаживают пальцами невидимые лица. Кружатся, взмывают вверх и приземляются на пол — их больше некому поймать. Руки тянутся к небесам, а тела ищут поддержки.

Одиночество в мире потерь.

Я наблюдаю за этим горько-прекрасным действием с щемящей болью в груди.

И когда печаль подступает к самым краям и готова излиться слезами, с края сцены выходит танцор. Худой и грязный, в рваной одежде. На нем даже нет пуантов. Босой новичок занимает вакантное место.

Остальные потрясенно глядят на него, и я понимаю — они его узнают, этот мужчина один из них. Тот, кого потеряли. Участники труппы искренне поражены. Это не часть спектакля. Человек находился в толпе, а затем увидел своих друзей и, поддавшись порыву, поднялся на сцену.

Каким-то чудом танцоры не сбились, номер продолжается без единой заминки. Вновь прибывший помнит движения. А балерина, чья партия должна была начаться, не остается одна.

Танцоров переполняет радость, эта девушка даже смеется. Звонко, как колокольчик. И этот счастливый смех возносит нас всех над землей.

По окончании выступления толпа неистово приветствует артистов. Люди полностью отдаются аплодисментам, свисту и крикам «Браво».

Потрясающе!

Меня никогда не задевали подобные вещи. Не то чтобы я часто ходила на балет и концерты в принципе. Но здесь и сейчас, все эти люди и я — мы стали едины, наши мысли и чувства слились. И от восторга я забываю дышать.

Прежде чем уступить сцену другим конкурсантам, балетная труппа, как это принято, выходят к нам на поклон. Все обнимаются, плачут, что-то друг другу кричат — и это чудесно!

Танцоры берутся за руки и кланяются на бис. Люди ликуют, и всем плевать на шум и его последствия.

Близнецы были правы. Это и есть *жизнь*.

* * *

Никому не затмить этот номер, но, думаю, никто и не будет пытаться. Все получают удовольствие от самого процесса, от причастности к мероприятию.

На сцену, подурачиться и развлечь толпу, поднимаются близнецы. Должно быть, решили дать людям минутку прийти в себя, а следующему участнику — справиться с волнением. Братья мастерски показывают фокусы. Сбиваются пару раз, но исключительно ради комического эффекта. Уж я-то знакома с трюками этих парней, они ни в чем не уступают матерым иллюзионистам.

Затем выходит юноша с гитарой. Судя по виду, он не мылся несколько дней: лицо в грязи, а рубашка в пятнах засохшей крови.

— Я спою вам песню великого, ныне покойного, Джеффа Бакли — «Аллилуйя».

Он перебирает струны и потихоньку превращается в того, кто в Мире До покорил бы сердца миллионов и отхватил бы парочку Грэмми.

Нежные, печальные аккорды плывут над заливом, а мягкий баритон постепенно набирает силу, хотя и звучит приглушенно. У этого парня проникновенная манера исполнения. Люди начинают подпевать. У кого-то бегут и застывают на холодном ветру слезы. И все мы тянем горестное «Аллилуйя» дрожащими голосами.

С последней нотой воцаряется молчание. Все думают о жизни, о любви и прочих важных вещах: разбитых, смятых, поруганных и все-таки уцелевших.

Пара тихих хлопков переходит в шквал аплодисментов и криков.

Пальцы певца бегают по струнам — он будто пытается вспомнить знакомый мотив. Наконец ему это удается, и он затягивает легкую попсовую песенку. Люди покачиваются, подпрыгивают в такт и наполняются радостью.

Наше пение и рядом не стояло с тем, что я слышала в обители. Многие даже в ноты не попадают, куда уж нам до совершенных ангельских мелизмов. Но мы вместе! Фанатики со своими знаками прощения, уличные банды на подвесных тросах полуразрушенного моста, ожесточенные борцы за свободу, мирные жители с детьми на плечах. Воспоминание об этом я пронесу через всю свою жизнь. Не важно, как долго она продлится.

Я закрою его в ментальном чулане, в котором оно пролежит хоть целую вечность. В этой камерке нет ничего хорошего, но она довольно надежна, что весьма кстати — мне не хочется терять это волшебное чувство. Возможно, мы все собрались так в последний раз. Возможно, это закат человеческой эры.

И тут я слышу...

То, перед чем благоговела. То, чего ожидала.

Низкий утробный гул. Нарастающий ветер.

Очень близко. Туман приходит в движение.

Это они.

Их тела заслоняют небо, тысячи крыл сдувают прочь облака. Либо туман помешал нам их раньше заметить, либо все смотрели на сцену, забыв про опасность.

Динамики оживают. Пошел обратный отсчет. Для публики это сигнал бежать в укрытие, для нас — занимать боевые позиции.

— Пять...

Пять?! Мы же должны начинать с двадцати пяти?

Драгоценные секунды уходят, пока все пытаются сообразить, что произошло, почему времени меньше, чем было оговорено.

— Четыре...

Начинается давка: люди толкаются и паникуют. У зрителей и конкурсантов есть только четыре секунды, чтобы спуститься под мост, под которым мы растянули огромную сеть.

А парнишка с гитарой продолжает свою игру: ни библейский потоп, ни ангелы апокалипсиса, ничто не помешает его звездному часу. Он завершает ритмичную композицию и переходит к романтической балладе.

— Три...

Как же мне хочется побежать вместе со всеми. Но я остаюсь на месте, затыкаю уши сверхмощными берушами, наушники при этом не трогая. Я вижу как другие — по краям сцены, и на балках, и подвесных тросах — проделывают те же манипуляции.

— Два...

Слишком много людей. Сеть может не выдержать столько народу. Крики, топот, ужас — настоящий хаос.

— Один...

Толпа исчезает за спинами вооруженных людей в камуфляже. Все готовы.

Орда саранчи вырывается из тумана, обнажая зубы и выпячивая жала.

Саранча?!

Но где же тогда ангелы?

Пули градом сыплются на саранчу, но мы с таким же успехом могли бы палить в облака. Должно быть, скорпионы клюнули на приманку для ангелов — вот почему они здесь.

Незваные гости приземляются на четвереньки. Выстрелы не прекращаются ни на секунду, а к обороне подключается наземная команда.

Рядом опускается саранча и направляет на меня свое ядовитое жало. Я вынимаю ножи.

Руки на автомате взлетают вверх, и я наношу удар за ударом. Я бы все отдала сейчас за Мишутку.

Эта мысль приводит меня в ярость. Я же сама отдала его Раффи.

Еще один взмах.

Жало уходит от лезвия.

Мой противник всерьез намерен меня прикончить. Скорость, с которой он орудует хвостом, наталкивает на мысль, что в своей доскорпионьей жизни этот парень был богом чечетки.

Прошла лишь пара секунд, а я уже обливаюсь потом, пытаюсь атаковать и уходить от ответных выпадов одновременно. Но эти никчемные ножечки ни на что не годятся. Они только злят саранчу.

Я делаю разворот и выполняю свой лучший удар с боку. Ступня врезается в колено врага, раздаётся хруст.

Саранча визжит и заваливается в сторону — сустав сломан.

Я наклоняюсь и с усилием бью по здоровой ноге — монстр падает на землю.

— Стойте! — Моя сестра бежит в центр моста, крича на сопротивленцев.

Саранча прикрывает ее с флангов.

Это зона военных действий — пули свистят над головами. Но она продолжает бег, раскинув руки в примиряющем жесте. Тело наливается свинцом, стоит мне это увидеть.

— Стойте!

Не знаю, кто замирает первым — наши солдаты или скорпионы — но обе стороны, прекратив борьбу, устремляют взгляды на Пейдж. Я в потрясении — и даже с надеждой — смотрю на то, как моя сестра прекращает кровавую бойню одной лишь силой убеждения.

Но я не знаю, что будет дальше, потому что рядом с ней приземляется гигантская саранча.

Белесая прядь в волосах, безумие на лице — эту тварь я узнаю. Но теперь Раффи не с нами и некому поставить ее на место. Скорпион хватает питомца Пейдж и поднимает над головой, тот извивается и хнычет как дитя.

— Нет! — Пейдж тянется за ним руками, как малышка за отнятым задирой мячом.

Седая Прядь резко опускает саранчу на колено, тем самым ломая ей спину.

— Нет! — кричит Пейдж. Ее лицо, покрытое швами, наливается кровью, на шее от напряжения проступают вены.

Злобный скорпион отбрасывает поверженного противника, и, игнорируя мою сестру, медленно идет к нему.

Раненая саранча подтягивается на руках. Она пытается отползти от мучителя, волоча за собой ноги.

Самодовольная скотина собирает аудиторию, наслаждается шоу. Седая Прядь

отстаивает лидерский статус, наглядно демонстрируя, что бывает с теми, кто смеет бросать ему вызов.

А значит, ему придется убить Пейдж.

Я бросаюсь к сестре, петляя между зеваками. В воздухе полно саранчи, но больше никто не сражается. Док предупредил, что часть роя может выступить на нашей стороне. Все выглядят растерянными. И люди, и саранча замерли, наблюдая за трагедией на мосту.

Пейдж морщит личико, глядя на то, как ее беспомощный питомец тащит себя по асфальту, incapable шевелить ни хвостом, ни ногами. Она начинает всхлипывать.

Слезы выводят Прядь из себя. Он взмахивает хвостом, целясь в мою сестру.

Я слышу собственный крик. Каждый раз, когда Пейдж побеждала в драке, на ее стороне был эффект неожиданности. Но сейчас все по-другому. Седая Прядь видит в ней угрозу и жаждет ее смерти.

И тут кто-то кричит в микрофон:

— Они здесь!

Темное облако саранчи приходит в движение: кружит над мостом, заслоняя обзор на небо. Но между жал и стрекозиных крыльев я замечаю силуэты иной формы.

Время кровавой охоты.

Я пытаюсь утрамбовать свой страх и растущую панику в пресловутый ментальный чулан, но они не помещаются.

Когда я наконец отрываю от неба взгляд и снова смотрю на Пейдж — та уже рвет зубами руку Седой Пряди. Она жива и дает отпор.

Я бегу к ней, стараясь пригнуться как можно ниже, чтобы не схлопотать пулю.

Прядь бьет Пейдж по лицу и сбрасывает с себя, словно бешеную собаку. Он наступает ей на грудь и, слегка наклонившись вперед, любуется ее беспомощностью.

Моя сестра разошлась не на шутку, она яростно бьется, пытаясь освободиться. Вид изувеченной саранчи, вынужденной ползти от своего преследователя, высвободил в Пейдж нечто настолько мощное и жестокое, что она готова взорваться.

Пока я бегу к центру моста, на Прядь нападают оставшиеся скорпионы моей сестры. Но они не чета такому здоровяку — он с легкостью отталкивает их от себя.

Жужжащий рой нервно летает туда-сюда, растерянная саранча лишь чудом не сталкивается друг с другом.

Я не могу преодолеть этот живой барьер, и мне приходится отступить.

Седая Прядь поднимает гигантский хвост и готовится вонзить ядовитое жало в Пейдж, зажатую между его ногой и бетоном.

Я пытаюсь найти брешь в заслоне из саранчи, но тщетно. На другом конце моста я замечаю маму — у нее та же проблема.

Прядь опускает жало.

Я кричу, дергаюсь вперед, но в меня врзается скорпион, и я падаю на спину.

К моему удивлению, реакция Пейдж молниеносна — ей удается увернуться, и кончик хвоста, ударившись об асфальт, погружается в мост.

Пока Седая Прядь пытается освободиться, моя сестра вгрызается в его плоть и прокусывает артерию — ее рот наполняет кровь. Пейдж удается выдрать кусок хвоста, прежде чем скорпион отдирает ее от себя.

На этот раз он наносит удары отчаянней. Но в тот же миг с неба бросается саранча и жалит его в шею.

Прядь вертится на месте, вслепую хватая предателя, ломает ему шею и отбрасывает мертвое тело.

Еще одна саранча врзается в него всем своим телом. Скорпион, покачнувшись на миг, ослабляет давление на грудную клетку моей сестры. Ей хватается этой заминки, чтобы вскочить на ноги.

Два скорпиона идут на нее в атаку.

От одного она уклоняется, а на второго бежит сама. У меня замирает сердце, она бежит прямо на жало подвластной Пряди саранчи.

Свистит пуля.

И в следующий миг скорпион извивается на бетоне. Стрелок кажется мне знакомым.

Это Мартин. Он кивает моей сестре, держа на мушке окровавленную жертву. Продолжит в том же духе — заслужит мое прощение за то, как третировал Пейдж.

Она разворачивается и бросается в сторону Пряди, с явным намерением разорвать ему горло.

Часть саранчи начинает кружить над моей разъяренной сестрой. Их словно гипнотизируют ее гневные крики, и они забывают о влиянии Седой Пряди. Вторая половина роя остается верна своему лидеру. Они что, передерутся?

Саранча моей сестры бросается на Прядь, а та, что его защищает, летит в атаку на Пейдж. Мартин стреляет по скорпионам противника.

Рой схлестывается в небе: саранча жалит друг друга, формируя огромный шар из крыльев и тел. Выясняющие отношения лидеры пропадают в его недрах.

Пока они заперты в этом хаосе, я ничего не могу разглядеть.

На мгновение я забываю дышать. Перед глазами лишь облако саранчи.

Оно поднимается над мостом, а люди, пораскрывав рты, наблюдают за этой картиной. Налетает порывистый ветер, он треплет волосы и одежду, бьет нас всех по щекам. А рой уплывает куда-то влево и исчезает в тумане.

Саранча покидает пределы залива, унося с собой скорпиона с Седой Прядью, а с ним и малышку Пейдж.

И я ничего не смогу с этим поделать.

Это битва моей сестры, ей придется самой за себя постоять, а мне — с этим смириться. А еще выжить, чтобы встретиться с ней после.

Если она вернется.

Как только саранча теряется из виду, ее место занимают ангелы-воины.

Я ловлю себя на том, что выглядываю среди них Раффи. Но его нигде нет.

Нацепив звуконепроницаемые наушники поверх берушей, я зажмуриваюсь и готовлюсь к тому, что сейчас будет.

Даже с закрытыми глазами я вижу ослепительный свет включенных по всему периметру моста прожекторов. Я пытаюсь приподнять веки, но мощные лучи режут глаза.

Адаптация проходит тяжело — я с минуту щурюсь и часто моргаю.

Ангелы прикрывают лица руками, резко тормозят в полете и сталкиваются друг с другом. Некоторые поворачиваются к мосту спиной и тут же врезаются в своих товарищей.

Этот безумный свет убивает моё простенькое человеческое зрение. Страшно представить, каково сейчас нашим гостям.

И тут из усилителей вырывается самый громкий и пронзительный визг, какой я только слышала и слышу, хотя на мне сверхзвуконепроницаемые наушники! И вся эта невыносимая какофония с размаху бьет по чувствительному слуху ангелов.

Те прижимаю ладони к ушам. Слепленные и оглушенные, они зависают в воздухе: не отступая и не атакуя.

Острое зрение и суперслух ангелов играют нам на руку. Их сила отныне их слабость. Они не могут щелкнуть пальцами и избавиться от врожденных способностей. Интенсивный свет выжигает сетчатку ангельских глаз. А шум — черт, у меня самой вот-вот из ушей хлынет кровь!

Хорошо, когда на твоей стороне гении Кремниевой Долины.

Борцы за свободу — рядом со сценой, вдоль пешеходных дорожек моста и рядом с его опорами — палят из винтовок в небо. наших снайперов не разглядеть, но они притаились за каждым из прожекторов и на скрытой платформе под днищем Бэй-Бридж.

Ночь оглашают выстрелы.

Пока ангелы дезориентированы, слепы и не знают, куда деться от этих чертовых завываний, наши бойцы с легкостью в них попадают и те валятся в воду. Исходя из моего опыта, плавать их вид не умеет.

К этому времени белые акулы, северно-калифорнийские морские хищники, должны были клюнуть на след из крови и потрохов, оставленный нами во время Шоу. Плывите, рыбоньки, сюда...

На противоположной стороне моста веселятся близнецы. Оба подняли руки вверх, оттопырив мизинцы и указательные пальца, и энергично трясут головами. Под раскаты электрогитары и барабанную дробь, разрывающую динамики, они повторяют слова за дико орущим вокалистом. Оба выглядят обалденно, но имидж крутых парней несколько портят клоунские лохмотья.

Громче этой вечеринки залив Сан-Франциско не знал.

Наземная команда, в состав которой вхожу и я, помогает перезаряжать оружие. Общая цель — сбить врага с неба в воду, кишащую кровожадными акулами. Но если кто-то из них упадет на мост — мы будем готовы к схватке.

Я на это надеюсь.

Прожекторы гаснут, погружая нас всех во тьму. Док и Сэнджей настояли на установке таймера: свет попеременно включать и выключать, чтобы ангелы не успевали к нему адаптироваться и с каждой вспышкой слепли как в первый раз.

Снайперам выдали приборы ночного видения, у наземной команды подобной роскоши нет, а потому в темноте мы совершенно беспомощны. С грохочущим дэт-металлом и двойной протекцией слуха в виде наушников и берушей я не только слепа, но и глуха.

Посреди битвы за собственные жизни мы потеряли способность видеть и совсем ничего не слышим. Я застываю, обращаясь к инстинктам, стараясь почуять опасность. И, кажется, тьма длится целую вечность.

Огни зажигаются снова, ослепляя наших врагов. Я жмурюсь — сквозь яркую вспышку мне и самой непросто что-либо разглядеть.

Ангелы сыплются на бетон и, пока они не оклемались, мы разбиваемся на группы и сталкиваем их с моста. Пусть хищные птички побарахтаются в воде, акулы закончат нашу работу.

Вместе с несколькими парнями я поднимаю рыболовную сеть, чтобы набросить ее на противника, и тут замечаю мать — она вышагивает по мосту и что-то кричит. Я бросаю свою команду, полагая, что трое здоровых ребят справятся без меня, и бегу, что есть сил, к маме. Ей надо спрятаться.

Она настолько увлечена, что вообще меня не замечает. Через пару секунд я понимаю — она командует бритоголовыми сектантами.

Члены культа сбивают едва приземлившихся ангелов в воду, но в процессе борьбы тоже срываются вниз — белоснежные простыни развеваются на ветру.

Едва какой-нибудь ангел пролетает рядом с мостом — фанатики ныряют в залив. Они как реактивные снаряды врезаются в ангелов, и те под весом, которого совсем не ожидали, камнем летят в воду — клубками конечностей и крыльев. Умеют ли плавать лысые смельчаки? Будем надеяться — да.

Мама как заправский генерал выкрикивает приказы, и ей все равно, что никто не может ее слышать. Тем не менее людям понятны ее жесты: она активно машет руками, распределяя сектантов по группам, и те грациозно летят с моста.

У этих ребят отличный стимул: ухватившись за ангела, можно замедлить падение — это шанс пережить удар и погружение в воду. Те, кому это не удастся, скорее всего, погибнут.

С одной стороны, я беспокоюсь, что мама возьмет и сиганет с ними. А с другой, вряд ли она оставит свой пост — эта женщина и война просто созданы друг для друга. К тому же добровольцев хватает.

Пока мама при деле, она не будет сходить с ума, переживая за Пейдж. А я все равно волнуюсь: рой может атаковать нас в любую секунду, выступив на стороне ангелов, и это будет значить только одно — моя сестра проиграла Седой Пряди.

Мы держим оборону лучше, чем я полагала, и в душе расцветает маленькая надежда:

шанс выиграть эту битву все-таки есть. Но когда я уже представляю счастливые крики людей, небо внезапно темнеет — ангелы прибывают.

Новая волна. И она внушительней прежней.

Приближаясь к мосту, ангелы спускаются к воде: опрокидывают наши лодки и подают руки раненым и промокшим насквозь товарищам. Люди в панике гребут к берегу, а воины хватаются за борта катеров, пытаясь забраться внутрь. Они трясут крыльями, разбрызгивая воду, и похожи на тонущих коршунов.

Стрелки встречают гостей градом пуль. Кого-то им удастся достать — ангелы продолжают падать с неба в залив, полный голодных акул. Но вновь прибывшие держатся в стороне: словно явились не драться, а так — поглазеть на драку. Они видят, что происходит, но не спешат вмешаться.

Пока я пытаюсь сообразить, что же задумали ангелы, стая делится на три группы. Первая явилась вслед за саранчой. В ее составе Уриил, он что-то кричит своим приближенным. Вторая — бесконечность крыльев и мощных тел — парит несколько выше первой. Я чувствую ледяные взгляды: нас оценивают, осуждают. И наконец третья — небольшая горстка из тех, кого с трудом можно назвать ангелами: их крылья черны и изодраны. Среди них Адонис с белоснежными перьями.

Раффи со своими Хранителями.

Если одни прилетели сюда с Уриилом, а другие — с Раффи, то зачем явились все остальные? Поглазеть на охоту, что ли?

И тут до меня доходит, что настоящей битвы еще не было. Худшее впереди.

Даже если Уриил успел пожалеть о своей затее и был бы не прочь испытать силы в другой раз, отступить он уже не может — только не на глазах целого сонма ангелов. Их поразит то, как он запросто сдался. Что за охотник бежит от своей жертвы?

Уриил и его команда осознают это в тот же момент, что и я, потому как спустя секунду они пикируют вниз.

Динамики разрывает. Чем ангелы ближе — тем хуже приходится их ушам. Но они твердо решили атаковать.

Свет гаснет, и мы снова остаемся в кромешной тьме.

Я чувствую, как сотрясается сцена — вокруг меня приземляются массивные тела.

Прожекторы загораются.

Рядом со мной три воина. Они кружат на месте, зажмурив глаза и молотя кулаками воздух. Им ничего не видно, кошмарный звук превращает мозги в кашу, но ангелы готовы сражаться.

Они везде — по всему периметру моста. Кто-то приземлился неудачно и лежит с переломами на бетоне. Но многим из них удастся подняться и присоединиться к тем, чья посадка прошла успешно. С ранами и в крови, прикрывая глаза и уши, они все равно смогут убить тех, кто окажется рядом.

Это начало резни. Люди уносят ноги, либо отчаянно борются. В такой суматохе снайперы рискуют попасть в нас и потому прекращают стрельбу. Огонь на мосту нанесет потери нашим рядам, а ангелы, оставшиеся наверху, вне досягаемости пуль.

Клинки наши враги не достают. Возможно, помнят о маленьком трюке, который я провернула, обезоружив целую стаю своим мечом, которым, кстати, уже не владею. Или дело в излишней самоуверенности.

В подобной схватке ангелов не победить. Наземная команда готова была сразиться с

теми, кто прорвется сквозь обстрел или, будучи раненым, упадет не в залив, а на мост — но не с целой же вражеской стаей! Сжатые сроки не позволили продумать все варианты — такой поворот мы не учли.

Ангелы не сдерживают ярости — они забивают людей до потери сознания, ломают спины наших солдат и швыряют трупы с моста. Стрелки плюют на риск зацепить кого-то из нашей команды и начинают палить во врага из винтовок и револьверов.

Ко мне приближается воин, и я поднимаю повыше нож. По сравнению с мечом, которого я лишилась, он кажется хрупкой иголкой. Не знаю, видит меня этот ангел или вконец ослеп, но на его свирепом лице отражается жажда убийства. Он намерен кого-то прикончить. Вопрос только в том — кого.

Если мне повезет, я смогу его побороть, и, наверное, справлюсь с тем, кто придет за ним, но надолго меня не хватит. А «надолго» я называю ближайшие десять минут.

Кажется, мы облажались.

Мы понимали, на что идем, но мне оттого не легче. Мы знали, что шансы выжить равны нулю, но когда смерть смотрит тебе в глаза — ты обо всем забываешь.

Я готова биться до последнего, но руки дрожат и едва ли мне подчиняются. Я не смогу эффективно драться, если сейчас же не успокоюсь. Но во мне слишком много адреналина, он сводит меня с ума.

Пока я пытаюсь избрать адекватную стратегию боя и пробегаю по всем своим вариантам, боковое зрение улавливает движение. Еще один ангел крадется ко мне со спины. Златокрылый, с точеным лицом и ледяными глазами убийцы.

Еще до того, как я понимаю, что мне конец, врага заслоняют крылья белее снега.

Раффи.

И с ним пара Хранителей.

Пульс подскакивает, хотя я думала, что сердце и так выжимает свой максимум. Раффи повернут ко мне спиной, будто уверен, что я на него не нападу, несмотря на наш статус врагов.

Он бьет кулаком моего противника, а затем скидывает его со сцены.

Я выдыхаю. Облегчение накрывает меня с головой, посылает дрожь в ладони. Раффи выступил против ангелов, не стал трогать людей.

Он обнажает меч и готов меня защищать. Я разворачиваюсь ко второму нападающему и наношу ему пару ударов ножом. Хранители встают по бокам, теперь мы прикрыты со всех сторон.

Ангел, с которым сражаюсь я, уклоняется от лезвия, но подсечки не избегает — он с грохотом падает вниз. Наши враги не привыкли к борьбе на ногах.

Поверженный ангел откатывается подальше и вслепую ищет новую жертву.

Раффи оглядывается на меня.

Его лицо впервые не кажется мне совершенным.

Он щурится от рези в глазах и часто моргает.

Но все равно пришел мне помочь.

Несмотря на кошмарный рев и ослепляющий свет. Он пришел.

Я лезу в карман и достаю пригоршню берушей. Раффи недоуменно глядит на оранжевые затычки, лежащие на ладони, затем поднимает взгляд на меня. Подцепив одну из них, я вставляю ее в его ухо.

Он все понимает и проделывает то же самое со второй. Я знаю, берушами ему не обойтись, но они хотя бы немного притупят звук. Так и есть: лицо Раффи слегка расслабляется. Он кивает Хранителям, и те берут у меня по паре затычек.

Я на секунду заключаю Раффи в объятия. Мне не важно, что нас могут увидеть. Но Раффи не так беспечен, как я.

В подтверждении моих мыслей он поднимает глаза к небу. Хранители, а с ними и адские твари, держатся подальше от битвы, там, где шум не настолько мощен. За ними — крылатая публика. Возможно, это просто мое воображение, но от их ледяных неодобрительных взглядов по коже бежит мороз.

Раффи смело ринулся вниз, но не ради охоты, а чтобы спасти людей. И ангелы это видят.

Глядя на Хранителей, он делает вращающий жест. Те кивают.

Затем взмывают повыше и повторяют его оставшимся членам команды.

В следующий момент, невзирая на кошмарный грохот и яркие лучи прожекторов, Хранители спускаются к нам и приземляются в разных точках моста.

Столкнувшись друг с другом, ангелы и Хранители напоминают бродячих котов, не поделивших улицу. Нахохлившись, они раскрывают пошире крылья, отчего те кажутся больше, а перья уподобляются острым шипам.

Поначалу наши бойцы принимают Хранителей за вражеское подкрепление, они отступают и становятся в оборонительные позиции. Но увидев, что те атакуют ангелов Уриила, застывают на пару мгновений, наблюдая за этой картиной, пораскрывав рты.

Меня распирает от радости, я вскидываю руки и громко кричу. Ну и что, что меня не слышат. Это сильнее меня. Вместе с командой Раффи мы сможем одолеть Уриила.

Должно быть, мое ликование передалось другим. Сопротивленцы выбрасывают в воздух кулаки и издают боевой клич.

Свет гаснет, мир тонет во тьме.

Преимущество на стороне ангелов, но я стою, не шевелясь — все равно прятаться некуда. Внезапный толчок. Первый порыв — пригнуться, прикрыть голову; но я уверена, Хранители и Раффи не позволят меня убить.

Включаются прожекторы. Раффи рядом со мной. Он и два его крылатых противника вздрагивают, ослепленные вспышкой.

Людские потери скромнее, чем я ожидала. Хранители нас защищали, пока мы были слепы. А теперь мы постоим за них и за себя.

Я мягко давлю на ладонь Раффи и забираю его меч. В ближайшие секунды ангелы замрут, прикрывая глаза и привыкая к свету. Это наш шанс их атаковать.

Я беру на себя ближе стоящих противников, а люди сбиваются в группы и нападают на ангелов сообща.

Хранители прикрывали нас в момент наибольшей уязвимости, а в момент их слабости бороться будем мы.

Все действуют слажено, как команда: мои солдаты с солдатами Раффи. Мы прикрываем их, а они прикрывают нас. На фоне идеально сложенных, излучающих силу прекрасных ангелов мы выглядим убого и разношерстно. Но главное, мы не сдаемся, у нас получается дать им отпор.

Адреналин разгоняет кровь, я готова разделаться с парой десятков воинов Уриила. Громко крича, я бегу к очередному врагу, прикрывшему ладонью глаза.

Раффи падает на бетон, сражаясь вслепую сразу с двумя воинами, объединившими усилия против него. Одного из них я протыкаю мечом, а со вторым справляется Раффи.

Похоже, у нас действительно есть шанс. Вместе мы их победим!

Но эйфория длится недолго.

Зрителям не нравится спектакль. Полчище наблюдателей резко пикирует вниз.

Меня не слишком удивляет вмешательство ангельской публики. На их глазах Раффи с Хранителями встали на сторону человечества, атаковав свой народ.

Ангелы становятся ближе, и вдруг туман начинается вихриться. Они замирают, настороженно глядя влево.

Облако саранчи прорывает завесу и вмиг окружает ангелов.

Я высматриваю сестру в мешанине крыльев и жал, но ее фигурки нигде не видно.

Вдруг с неба срывается чье-то окровавленное тело.

Мое сердце пропускает удар или два. Я не вижу деталей и была бы не прочь зажмуриться, потому что боюсь, что это летит Пейдж. Но глаза не хотят закрываться, и я неотрывно слежу за падением.

Пока тело не пролетает мимо меня, разглядеть что-либо трудно. Но, в конце концов, я получаю шанс.

Стрекозиные крылья трепещут на сильном ветру. Скорпионий хвост. И седина в развевающихся волосах.

Бывший лидер саранчи врезается в бетон.

И я снова могу дышать.

Где Пейдж?

Рой сжимает кольцо вокруг ангелов. А моя сестра по-царски сидит на руках у одной из саранчи.

Мы все округляем глаза. Одежда и кожа Пейдж залиты кровью. Надеюсь, что большая часть принадлежала тому, кого она победила. Из рта тоже капает кровь. Сестра что-то жует.

Не хочу даже думать об этом и стараюсь не приглядываться к изуродованному телу Седой Пряди, распростертому на мосту.

Король саранчи мертв.

Да здравствует королева! И королева — моя сестра.

Пейдж яростно кричит и активно жестикулирует, чем очень напоминает маму. Я не слышу ее слов, но саранча подчиняется взмахам рук и летит в указанном направлении.

Скорпионы врезаются в ангелов — чудовищность и совершенство, неопикуемый хаос. Мечи скрециваются с жалами, и кровь льется дождем.

Моя сестра сдерживает наблюдателей. Оби и Док были правы насчет нее.

Меня накрывает волной страха и гордости. Моя сестренка — спасительница.

И тут огни выключаются снова, и мы остаемся во тьме.

Я чувствую, как кто-то разжимает мои пальцы на рукояти Мишутки, и знаю, что это Раффи. Я опускаюсь ниже, чтобы не мешаться под рукой. Доверие — вот и все, что мне, слепой и глухой, остается.

Я прикрываю веки, но все еще вижу образ моей сестры, ведущей в бой саранчу.

Как только включаются прожекторы, я замечаю, что кто-то пытается заползти на мост. Это мужчина, чей рот раскрывается в крике. От чего бы он ни бежал — это хуже, чем то, что сейчас наверху.

Я подбегаю помочь и хватаю его ладонь — она влажная и дрожащая. Я ни слова не слышу из того, что он говорит, а потому ложусь на живот и, держась за бетонный край, заглядываю под мост. Взору открывается край натянутой сети.

Она порвалась. Люди цепляются за веревки, ползут подальше от дыры и дикими глазами следят за бурлящей под ними водой.

Из недр вспененного моря вырывается нечто — оживший кошмар, который я назвала Шестёркой. Живые головы распахивают пасти, как хищные рыбы, выпрыгнувшие за наживкой.

Одна из них обращена ко мне, смотрит прямо в глаза и щелкает челюстью.

Жуткий библейский монстр вгрызается в нескольких человек одновременно. А затем исчезает в заливе, увлекая за собой окровавленных, бьющихся жертв.

Повсюду летят брызги. Чья-то рука исчезает в водовороте. И поверхность залива разглаживается.

Беженцы под мостом в неопишемом ужасе. Они в панике лезут практически друг на друга, не желая стать очередной мишенью Шестерки, если та появится снова.

И давно это все происходит?!

Я вскакиваю на ноги и бегу к веревочной лестнице, по которой пришедшие поглазеть на Шоу Талантов спустились в убежище под мостом. В голове проносится мысль: а что если Док ошибался и люди уже заразились чумой?

Но я не могу позволить им всем умереть лишь потому, что есть какое-то «если». Я отвязываю трап и спускаю его к сети. Им надо выбираться оттуда. Прямо сейчас они словно печенье к чаю библейского Зверя.

Люди в панике, они толкают друг друга — кто-то срывается вниз.

Вода снова приходит в движение, и из нее появляется новый монстр. Высота, на которую эти Шестерки способны подпрыгнуть, просто ошеломляет. Челюсти смыкаются на беглецах, и те исчезают с чудовищем в глубине.

— Сюда! Скорее сюда! — Я машу тем, кто поближе к краю моста. На поле боя теперь безопасней, чем там, где они сейчас.

Когда первые беженцы реагируют на мой призыв и начинают карабкаться вверх, я бегом пересекаю мост и спускаю еще одну лестницу.

Музыка обрывается.

Мы все поднимаем глаза к небу. Даже ангелы и саранча прекращают драться. Боже, ну что еще?! Когда это всего закончится, пусть в моей жизни будет сплошная тоска, я хочу забыть слово адреналин.

Над сценой парит фигура в белом костюме. Уриил. В лучах искусственного света его светлые крылья выглядят серыми, и на них легла паутинка мрачных теней.

От внезапной тишины начинает звенеть в ушах. Я снимаю наушники и вынимаю беруши.

— Испытание окончено! — Уриил говорит спокойнейшим тоном, но поскольку кругом

невероятно тихо, кажется, что кричит. — Рафаил показал себя как предатель. Теперь я — неоспоримый Посланник.

Как только он произносит эти слова, раздается пронзительный крик. На мост заползает Шестерка. И стоит людям увидеть шесть злобных голов и одну, мертвым грузом лежащую на плечах — начинается суeta.

Ангел, стоявший ближе других к Шестерке, падает на колени. Его лицо багровеет и покрывается потом. Из рта вытекает кровь.

Другая Шестерка ползет по краю Бэй-Бридж.

Люди захлебываются криком и пытаются убежать, но с бетонного островка никуда не деться. Нам остается сбиваться в кучу, как загнанным овцам.

Две саранчи рядом с Шестеркой давятся кашлем и борются за каждый вдох. Они пытаются взлететь, но срываются вниз.

Их глазницы, носы и рты начинают кровоточить. Скорпионы жалобно хнычут, крочатся на мосту и бьются в агонии.

Апокалиптическая чума.

— Раффи! — Я пытаюсь привлечь его внимание. — Убирайся с моста! Эти монстры разносят ангельскую чуму!

И в подтверждение моих слов ангелы, парившие не так высоко, обрушиваются с небес. Они стонут так, будто их тела разжижаются изнутри. Они корчатся на бетоне, а кровь хлещет из всех отверстий.

Ангелы, поняв, что Шестерки смертельно опасны, поднимаются еще выше. Наряду с взмахами крыльев тишину нарушает шепот: *ангельская чума*.

Все, кто способен летать, сию же секунду срываются прочь, подальше от подхвативших заразу ангелов и саранчи. Но только те, у кого имеются крылья, смогут спастись.

У людей к чуме иммунитет, в этом Док не соврал. Но никакой иммунитет не спасет от участи быть растерзанным одной из пастей Шестерки.

— Пенрин! — кричит Раффи, паря на своих белоснежных крыльях. — Прыгай! Я поймаю тебя.

Я бросаюсь к краю моста, к тому, у которого жметя мама. Хранители могли бы спасти и ее. И вообще любого, кто не побоится такого спасения. К счастью, моя сестра высоко в небе, и хотя бы о ней не приходится волноваться.

Ангел, пролетавший недалеко от моста, начинает кричать. Он бьется в конвульсиях, рыдая кровавыми слезами.

Еще одна Шестерка забирается на мост, как раз рядом с моей матерью, которая тут же бросается к центру нашего островка, туда же бегут и все остальные. Сколько еще пожалует этих монстров? Я протискиваюсь сквозь толпу и пытаюсь докричаться до мамы. Нам нужно успеть спрыгнуть.

— И число его шестьсот шестьдесят шесть, — изрекает Уриил, его громогласный голос заглушает панические вопли. Даже если Политик удивлен внезапной вспышке чумы, он умело это скрывает.

Когда я достигаю обрыва моста, мне открывается вид на залив. Кровавое море кишит плывущими к нам Шестерками.

Еще два монстра ползут с моей стороны. А Шестерки, доплывшие до Бэй-Бридж забираются друг на друга, чтобы достать до края.

Шестьсот шестьдесят шесть. Это что, не просто тату на лбу, а количество этих тварей?!

Я поднимаю голову.

Раффи парит надо мной.

У ангела чуть ниже из носа идет кровь, боль прошивает его тело.

Я машу Раффи рукой:

— Улетай!

Но он не двигается с места. Тогда два Хранителя хватают его под руки и силой оттаскивают повыше.

Вокруг меня настоящая паника. Все носятся туда-сюда. Тут и там раздаются выстрелы. Кто-то истошно вопит.

— Пожалуй, я сохраню голову твоей дочери человеческой и пришью одному из своих Зверей, — говорит Уриил Раффи. Он взмыл на приличную высоту, откуда ему прекрасно видна резня.

Шестерки заполонили мост. И с каждой секундой их только больше.

Они наступают, а люди кучкуются в центре. Я достаю ножи, но с таким же успехом можно идти с зубочисткой на армию гризли.

— Пенрин!!!

Я смотрю вверх. Раффи следит за мной, его лицо искажает мука. Он порывается броситься вниз, но Хранители неумолимы.

Раффи хватает иссушенный плод, который носил на шее, подносит его к губам...

И кусает.

На удивление сочная мякоть взрывается влагой во рту. По подбородку стекает красная жидкость, яркая словно кровь.

Надкушенный плод дымится.

Дым обретает формы одного из верховных демонов, с которым мы боролись в аду.

Он выглядит хуже, чем в нашу последнюю встречу. Несмотря на то, что крылья его заросли, кожа на них обуглена и испещрена шрамами. У него есть свежие раны, губы пересекает кривой глубокий порез, разделивший рот на две половины — будто на два рта.

Демон наклоняется к Раффи, и Хранители оцетиниваются, заслоняя друга своими телами.

А дальше я ничего не вижу. Меня атакуют Шестерки.

На какое-то время я полностью теряюсь в криках и брызгах крови. Рядом свистят пули, но мне некогда волноваться о том, что меня подстрелят — я отчаянно размахиваю ножом, разрезая кожу одной из Шестерок.

Вопли становятся громче. Поначалу я думаю — это предсмертные крики людей. Но есть в этом звуке что-то нечеловеческое.

В Шестерку, с которой я боролась, внезапно вгрызаются три головы.

Я часто моргаю, не в силах поверить глазам. Это что, Поглощенные из преисподней?! Я озираюсь по сторонам, силясь понять, что происходит.

Сияющее в лучах прожекторов море покрыто кричащими головами, плывущими в нашу сторону. Они атакуют не успевших добраться до моста Шестерок.

Несколько Поглощенных выскакивают из залива, их бритвенно-острые шевелюры нацелены на врага.

В Шестерку рядом со мной вцепляется пара голов и погружается в плоть.

Чудовище корчится от боли и пытается выцарапать из себя Поглощенных. Но тут на его плечо опускает новая партия, и мгновенно впивается в кожу.

По всему мосту на Шестерок нападают головы. Людей они игнорируют, но мы все равно в ужасе жмемся друг к другу.

Я снова смотрю вверх. Лорд преисподней, раскинув сожженные крылья, с удовлетворением наблюдает за тем, что происходит внизу. Он крайне доволен собой.

Раффи парит рядом с ним и не сводит с меня глаз. По его лицу ничего не понять. Как он добился помощи архидемона?

— Ты в порядке? — кричит он.

Я киваю. На мне, наверное, сотня порезов, и вся я залита кровью. Но феноменальный выброс адреналина не позволяет чувствовать боль.

Поглощенные прогрызают свой путь вверх, погружившись в Шестерок. Головы монстров падают на бетон, их места занимают спасители из преисподней. Мечта сбылась — они получили тела.

Победившие головы внезапно раздражаются громким смехом. Безумным. Пронзительным. Радостным.

Одержимые Шестерки бросаются вниз с моста.

Если когда-то настанет Конец Времен, я имею в виду настоящий, Поглощенные могут восстать из кровавого моря и сойти за всамделишных Зверей Апокалипсиса.

— Архангельские крылья, да еще и новая армия, — произносит Лорд Преисподней.

— Что ты наделал?! — К Раффи подлетает Уриил. — Ты хоть знаешь, как трудно...

Раффи делает яростный выпад мечом, и Уриил едва успевает поднять свой, чтобы отразить атаку. Сила удара отбрасывает Политика назад, тот не успевает сгруппироваться...

Падает с небес и жестко приземляется на мост.

Покачиваясь, истекая кровью и придерживая плечо, Уриил поднимается на ноги. Похоже, ключица сломана. Еще до того, как Политик приходит в себя, на него налетает толпа взбешенных людей.

Одна женщина бьет его по щекам, что-то крича о детях, другая наносит удары ногами.

— Это тебе за Нэнси! — пинает она Уриила со всей силы. — За малыша Джо!

Кто-то еще подлетает к поверженному архангелу и начинает над ним причитать, в то время как четверо сопротивленцев раздирают его крылья.

Перья летят повсюду. Кровь бьет фонтаном. Измазанные в ней руки мелькают над телом. Лезвия ножей сверкают в лучах прожектора и погружаются в плоть.

Свет больше не выключается, в динамиках тишина, ангелы не дерутся, Поглощенные умолкли. В зловещем мерцании прожекторов раздаются мучительные крики Уриила.

Ангелы сбиты с толку и не понимают, что делать. Если бы они действительно были верны Уриилу, а не просто боялись того, что он может сделать, возможно, они бы рискнули собой, чтобы его спасти. Но еще до того, как они успевают что-то решить, народ отступает от тела архангела.

Кто-то уносит с собой трофеи — клочки волос и пучки окровавленных перьев, пальцы и что-то, что я не могу распознать.

Ладно, мы не самые цивилизованные создания во вселенной. А кто без грешка?!

— Ну что, архангел, я выполнил свою часть сделки, — произносит лорд преисподней. Он лениво взмахивает крыльями, рассыпая снопы искр. — Спас твою тщедушную дочь человеческую и ее семью. Дело за тобой.

Раффи, парящий перед ним на своих великолепных крыльях, мрачно кивает в ответ.

— Нет! — Одно только слово срывается с губ, пока я замороженно смотрю наверх.

Из темноты, со стороны прожекторов, вылетают две адские твари. У каждой в руке по секире, и на них я вижу пятна засохшей крови. Демонята застываю по обе стороны от Раффи.

Он пристально смотрит в глаза визитера из преисподней, и на долю секунды мне кажется, все обойдется.

А затем Раффи кивает еще раз.

В то же мгновение без каких-либо предупреждений адские твари взмахивают секирами и отрубают его крылья.

Взмахивают секирами и отрубают его крылья.

Взмахивают секирами и отрубают его крылья.

Взмахивают секирами и отрубают его крылья.

Они...

...его крылья...

Я не знаю, кричит ли Раффи от боли. Все, что я слышу — собственный крик.

Раффи срывается вниз.

Два Хранителя бросаются следом и успевают его подхватить до того, как тот разобьется.

С глухим ударом на мост приземляются крылья.

С металлическим грохотом рядышком падает меч, по бетону расходятся трещины.

Над небоскребами Сан-Франциско брезжит рассвет. Этот город больше не будет прежним, но я начала привыкать к тому, что вижу теперь. Пожалуй, мне даже комфортно.

По окрашенной кровью воде курсируют лодки. Сопротивленцы спасают тонущих ангелов и людей. Пернатых они мечтают закрыть в клетках, а затем извести на них все оставшиеся патроны. Уверена, им любопытно, как быстро затянутся раны и случится ли это вообще, ведь кормить и поить пленных они точно не станут. Хранители с Иосией сказали, что если лишить наших врагов одеял и теплых напитков, которые мы раздаем выжившим людям, наказание будет что надо. Вот шутники.

Теперь, когда Уриил мертв, архангелы в дефиците, и Раффи, как я поняла, лидер по умолчанию. Но он то приходит в себя, то снова отключается, пока мы пересекаем залив, направляясь к ближайшей рабочей — или хотя бы целой — больнице.

Пока Раффи в сознании, он раздает приказы и выслушивает доклады. Ангелы, не пришедшие в себя после жестокой битвы, подчиняются беспрекословно.

Как я поняла, все, что случилось, кажется им логичным, и они выполняют все, о чем ни попросит Раффи. По крайней мере, пока. Похоже, они слишком привыкли к роли ведомых, и если кто-то не встанет у власти — они вконец растеряются.

На мосту почти не осталось людей. Я пользуюсь добротой Иосии и Хранителей — через них общаюсь с Советом. Я слишком волнуюсь за Раффи, чтобы иметь дело с эвакуацией и переправой сопротивленцев на берег. Ведь только в теории все подчиняются мне, а по сути, делают то, что велят Тру и Тра.

С Мишуткой в обнимку под безразмерным пальто я в сотый раз опускаю глаза на Раффи. Крупная дрожь сотрясает мое тело, сколько бы я ни растирала свою кожу. Ветер треплет темную шевелюру, но я едва ли ее различаю за широкими спинами воинов и Хранителей, столпившихся рядом с Раффи. Он лежит на мягкой скамье быстроходного катера, предоставленного близнецами.

Ангелы расступаются, глядят на меня выжидающе, а затем взмывают в рассветные небеса. Раффи очнулся и смотрит в мои глаза.

Я направляюсь к нему. В присутствии посторонних я старалась вести себя адекватно, подавляла желание сесть поближе и держать его руку в своей. Не хотелось его смущать, пусть даже он был без сознания.

Но теперь мы одни. Я опускаюсь рядом, касаюсь его теплой ладони и прижимаю ее к груди, чтобы немного согреться.

— Как ты? — спрашиваю я.

Он отвечает печальным взглядом, и я тут же жалею, что подняла эту тему, напомнив ему о крыльях.

— Ну так, что происходит? Ты их новый Посланник?

— Это вряд ли, — отвечает он хрипло. — Сначала я с ними боролся, затем показывал фокусы с демоном из преисподней — не лучшая предвыборная кампания. Меня спасло их заблуждение: они считают, я пожертвовал крыльями, чтобы спасти свой народ от чумы.

— Раффи, у тебя могло бы быть все! Устранив Уриила, ты бы вернулся домой с остальными. И стал бы их королем.

— Посланником.

— Один черт.

— У ангелов не должно быть лидеров, имеющих в анамнезе полеты на демонических крыльях. Это неподобающе. — Он морщится и закрывает глаза. — Кроме того, мне не нужна эта морока. Мы послали за архангелом Михаилом. Этому упрямцу придется вернуться, хотя он тоже не жаждет господства.

— Слишком много возни из-за того, что никому и даром не нужно.

— О, поверь, эту работу хотели бы многие. Но не те, кому ее можно доверить. Власть должна находиться в руках тех, кто к ней равнодушен.

— А почему к ней равнодушен ты?

— У меня есть дела поважнее.

— Например?

Он глядит на меня, приоткрыв один глаз.

— Например, убедить строптивую девчонку признаться в том, что она безумно в меня влюблена.

Я не в силах сдержать улыбку.

— Свиноферма тебе не нужна, а что же тогда нужно? — спрашивает он.

Я сглатываю.

— Как насчет безопасного места, в котором можно спокойно жить, не воруя еду и не сражаясь за каждый кусок?

— Договорились.

— Так просто? Попросила и все?

— Конечно же, нет. Всему есть цена.

— Так и знала. Что за цена?

— Я.

Я снова сглатываю.

— погоди, мне нужно, чтобы ты выражался как можно яснее. Я не спала вечность, выживала за счет адреналина и с трудом соображаю. Что ты мне хочешь сказать?!

— Ты что, в самом деле заставишь меня это проговорить?

— Заставлю. Давай говори!

Он пристально смотрит в мои глаза. Я принимаюсь ерзать на месте и трепещу как школьница. Минуточку, я же и есть школьница. Как там правильно хлопать ресничками? Я часто моргаю несколько раз, надеясь, что со стороны это кажется очаровательным.

— Что это было?

— А что было? — Тьфу ты, кокетка от бога.

— Твои ресницы. Заигрываешь со мной?!

— Кто? Я? Конечно же, нет! Что... так, а ну говори!

Раффи щурится.

— Мне неловко.

— Да, я в курсе.

— И ты не станешь облегчать мне задачу?!

— Если я так поступлю, ты потеряешь ко мне всякое уважение.

— Я сделаю исключение. Ради тебя и только.

— Хватит уваливать! Что ты пытаешься мне сказать?

— Я пытаюсь сказать, что я... я...

— Ну?!

Он вздыхает.

— Как же с тобой трудно! Знаешь об этом?

— Ты пытаешь мне сказать, что ты ЧТО?!

— Ладнобылнеправ. Ну все, забыли. Как думаешь, где ангелам перекантоваться, пока они не уйдут?

— Ох, ничего себе! — Я заливаюсь смехом. — Ты только что сказал, что был не прав? Верно я расслышала? Не прав? — улыбаюсь я ему. — То, как ты произносишь эти слова... это же песня! Нееее праааав. Не прааааав. Не пррррррав. Давай же, пой со мной!

— Я бы сбросил тебя ногой с этой шумной тарахтелки в ледяную воду и позволил продрогнуть до костей, но мне нравится твой смех.

Ему нравится мой смех.

Прочистив горло, я спрашиваю серьезным тоном:

— Насчет чего же ты был не прав?

Раффи прожигает меня взглядом, и мне начинает казаться, что он не ответит.

— Насчет дочерей человеческих.

— Да ладно? Не такие уж мы эксцентричные, богомерзкие животные, пятнающие вашу ангельскую репутацию?

— Нет, в этом я не ошибся, — говорит Раффи. — Но, похоже, не все так плохо.

Я смотрю на него искоса.

— Сам в шоке, — кивает он. — Кто знал, что колючка, приставшая ко мне во время марша смерти, будет такой сверхъестественно привлекательной, неоспоримо прекрасной, и я не смогу перед ней устоять?!

— Ну что за сюси-пуси?! Я ожидала чего-то более лестного.

— Ты что, не можешь понять, когда тебе раскрывают сердце и душу? Я тут в любви признаюсь вообще-то.

Я молча смотрю на него. Сердце гулко стучит.

Он нежно касается пальцами моего лица и убирает за ухо прядь волос.

— Послушай, я знаю, что мы из разных миров и относимся к разным народам, но я понял, что это не важно.

— Теперь ты плюешь на ангельские табу?

— Благодаря Хранителям я понял, что ангельские правила для ангелов. Мы все равно станем изгоями. Нам непременно предложат пересадить крылья недавно падших, но... Ангелы совершенны, а нам больше не вознестись на тот пьедестал, с которого мы пали. Ты же принимаешь меня, как есть: и с перьями, и без них, и вообще без крыльев. Даже когда я выглядел словно демон, в твоих глазах не мелькала жалость. Твоя преданность неоспорима. Такая уж ты есть — моя храбрая, верная, прелестная дочь человеческая.

У меня нет слов, сердце вот-вот взорвется.

— Так значит, ты остаешься?! — *Со мной?!*

Он хочет потянуться ко мне, но морщится от боли, и я сама наклоняюсь к нему. Замерев на расстоянии поцелуя, я наслаждаюсь нашей близостью, жаром, разливающимся по телу, трепетом предвкушения.

Его теплые губы прижимаются к моим, а мои ладони скользят по его сильной груди, напряженному животу, спускаются на поясницу. Я стараюсь не задевать порезы, но он привлекает меня ближе и обнимает крепче. И с ним так хорошо, уютно и безопасно.

Вот бы этот момент длился вечно.

— Ааа, истинная любовь. — Ревун приземляется на борт и катер слегка покачивает. — Как бы меня не стошнило. Ястреб, тебя не мутит?!

— Я всегда был против этой затеи, — отвечает он, опускаясь рядом с товарищем. — Но послушал вас и, вуаля, вечные муки в аду.

— Как царапинки, босс? Заживают? — Ревун демонстрирует блестящие мышцы предплечья, с которого содрана кожа. — Может, сравним и пойдем, у кого есть повод для гордости?!

Я не хочу поднимать эту тему, но надо:

— Что насчет ангелов?

— Они найдут Михаила, — отвечает Раффи, — отправятся домой и изберут его новым Посланником. В конце концов, им удастся заставить его занять пост. И пусть это все Михаилу претит, он станет хорошим лидером.

— А мы теперь в безопасности?

— Ангелы скорой уйдут, твои люди смогу начать восстанавливать мир.

— А Хранители?

— Решили остаться со мной. Предубеждений в отношении дочерей человеческих у них никогда не было, с чего, собственно, и начались злоключения этих ребят. Боюсь, люди с ними еще намаются.

— Кто виноват, что женщинам нравимся мы, а не земные мужчины?! — встает в позу Ревун.

— Да ладно? Думаешь, все предпочтут бывшего ангела местным парням?!

Ревун пожимает плечами.

— Мы, может, не так совершенны, как прежде, — говорит Раффи, — зато теперь чуть больше похожи на вас.

Я смериваю его неодобрительным взглядом, но, не выдержав, начинаю смеяться.

— Да-да, это я над тобой!

Раффи резко притягивает меня к себе, и мой смех растворяется в поцелуе. Я таю, прижимаясь к его напряженному телу, ничего не могу с этим поделать — и не думаю, что хочу.

Мой мир сужается до Раффи и наших губ, узнающих друг друга.

Я иду по кварталу, в котором мы раньше жили. Передо мной вырастает здание с трещиной во всю стену, на его стене знакомое мне граффити — ангел, рядом с которым слова: «Кто устережет от сторожей?».

К каждой двери прибито перо, измазанное алой красной. Должно быть, одна из банд отвоевала целый район, когда мы покинули дом. Но, думаю, здесь до сих пор — в подвалах и на чердаках — прячутся мирные люди.

Мой дом стал южной границей полуострова — все, что дальше, сгорело в процессе кровавой охоты. Здания закоптились, но, по крайней мере, стоят.

Мою сестру несет на руках саранча. Она кричит всем, кто может ее услышать, что ангелы улетают и можно покинуть укрытия. Ее швы затянулись, и мимика стала свободней. От шрамов, увы, никуда не деться, но тело останется полностью — и даже больше, чем полностью — функциональным.

Пейдж набрала несколько килограммов: от бульонов она перешла к твердой пище. И все благодаря Лейле — она решила помочь в надежде на то, что Раффи замолвит о ней словечко будущему Посланнику. Что бы она ни сделала, результат превзошел ожидания. Пейдж обожает сырое мясо и не переносит овощи, но претензий к происхождению продуктов теперь не предъявляет.

Мама идет позади, гремя по асфальту тележкой, полной пустых бутылок, старых газет, одеял, флаеров и упаковок тухлых яиц. Людей, которые к нам подходят, интересуют как раз они, и только потом листовки. По мнению близнецов, когда в нас появится больше человеческого, нежели крысино-апокалиптического, приоритеты выживших изменятся.

А мама убеждена, что адские твари и демоны скоро придут к власти. В последние дни за ней по пятам следует горстка людей, которые в это верят. Они тоже толкают тележки, забитые аналогичным хламом. Им невдомек, зачем моя мать повсюду таскается с мусором, но мало ли что — яйца-то намгодились.

Я оставляю одну из листовок на ветровом стекле брошенного авто и краем глаза замечаю Раффи, парящего на крыльях Велиала. Участвовать в такой «слишком человеческой работе» как распространение флаеров он отказался, но отпускать одних не захотел.

На флаерах афиша очередного мероприятия близнецов. И на сей раз это цирк. Ребята уверены, что шоу уродцев способно нас всех сплотить. К тому же, во время Конца Времен дефицита в артистах не будет.

Раздаются мамины крики. Я резко разворачиваюсь с Мишуткой в руке, готовая обнажить клинок. Но все в порядке: мама забрасывает какого-то мужчину тухлыми яйцами, потому что тот утащил у нее пустую бутылку содовой.

Я поглаживаю медведя и думаю о том, что пора перестать дергаться. Война закончилась. Время объединять выживших и восстанавливать мир.

Но даже Мишутка по-прежнему насторожен. Со времен кровавой охоты Раффи не может его поднять, хотя прогресс налицо — вес клинка становится меньше. Раффи сказал, что когда-нибудь меч поймет, что идеальность ангельской сущности отнюдь не синоним чести, и примет его обратно.

В конце улицы кто-то громко сигналит. Близнецы машут из окон главного приза Шоу Талантов. Вообще-то, кемпер выиграл кто-то другой, а потом он достался братьям. Детали

мне не известны, но без азартной игры точно не обошлось, раз уж у Тру и Тра появился новый девиз: «Казино всегда в выигрыше!».

Мама лупит воришку по голове той самой бутылкой, которую он пытался стянуть.

— Мам! — Я бегу к ней, чтобы проверить, удастся ли мне сохранить мир.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

notes

Понятие из арсенала гештальт-терапии: самовлюблённость, преувеличенное мнение о себе, своих достоинствах и значении.

Эйч-Би-Оу — американский кабельный телевизионный канал. Входит в корпорацию Time Warner.

Прибор, применяемый в туманную погоду на судах, на маяках и буях для подачи звуковых сигналов, как правило, низкого тона, слышимых на большом расстоянии. Употребляется как синоним сирены.

Фраза с эмблемы военно-морских котиков.